

Pražská rusistika

**RECENZOVANÝ SBORNÍK PŘÍSPĚVKŮ Z KONFERENCE PRAŽSKÁ
RUSISTIKA 2013**

KONANÉ DNE 18. DUBNA 2013 V PRAZE

PRAHA, 2013

Pražská rusistika 2013

**recenzovaný sborník příspěvků z konference konané dne 18. dubna 2013
v Praze**

Jakub Konečný (ed.)

Pořadatel:

Katedra rusistiky a lingvodidaktiky Pedagogické fakulty UK v Praze

Organizační výbor konference:

Mgr. Julia Caltová, Mgr. Veronika Kaplanová, PhDr. Xenie Vicaire, Mgr. Jakub Konečný

Recenzenti:

Doc. Elena Johnson

Doc. Liliya Nazarenko, CSc.

PhDr. Radka Hříbková, CSc.

PhDr. Lenka Havelková, Ph.D.

Vydavatel: Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy v Praze

Rok vydání: 2013

Vydání: první

Počet stran: 167

ISBN: 978-80-7290-634-5

Пражская русистика 2013

**рецензированный сборник статей конференции, состоящей 18 апреля
2013 г. в Праге**

Якуб Конечны (составитель)

Организатор:

Кафедра русистики и лингводидактики Педагогического факультета Карлова
Университета в Праге

Организационный комитет:

Mgr. Julia Caltová, Mgr. Veronika Kaplanová, PhDr. Xenie Vicaire, Mgr. Jakub Konečný

Рецензенты:

Doc. Elena Johnson

Doc. Lilia Nazarenko, CSc.

PhDr. Radka Hříbková, CSc.

PhDr. Lenka Havelková, Ph.D.

Издательство: Изд-во Педагогического факультета Карлова Университета в Праге

Год издания: 2013

Издание: первое

Количество страниц: 167

ISBN: 978-80-7290-634-5

Obsah – Содержание

Возрождение традиции студенческих научных конференций на педагогических факультетах.....	5
Prostořečí jako (sub)system ruštiny?.....	7
Historie výzkumu ruského kriminálního argotu.....	14
Гендерная специфика зооморфизмов-компонентов русских антипословиц.....	23
Теонимы в творчестве русских поэтов 19 века	30
Театральный дискурс и образ российского провинциального театра	39
Референдум по законопроекту «Поправки к Конституции Латвийской Республики» в свете явления эвфемии.....	48
Русский глагол <i>идти</i> с приставками в сопоставлении с чешским	54
Заимствованные фразеологические единицы русского языка с антропонимом в их компонентном составе, возникшие на основе мифологических происшествий.....	62
Фразеосемантическая группа "денежные средства" в контексте делового общения на материале русского и польского языков	69
Тут сам чёрт ногу сломит. Фразеологизмы с инвективами, относящимися к мифологической сфере. Сравнительный анализ употребления в польском и русском языках	80
Лексико-семантический анализ интернационализмов со значением лица как источника русско-польских мнимых эквивалентов	88
K frazeosémantické skupině „zrada“ v rusko-české biblické frazeologii s křestními jmény ..	96
Fenomén pohádky ve výuce ruského jazyka.....	106
Motivační pohybové aktivity ve výuce ruského jazyka na druhém stupni ZŠ.....	110
Analýza učebních souborů pro střední školy z hlediska utváření fonetické gramotnosti českých žáků v ruském jazyce	123
Концепция трагического в поздних произведениях А. И. Введенского.....	131
Valentin Bulgakov a Přemysl Pitter jako tolstojovci	139
Náboženský anarchismus L. N. Tolstého.....	147
Metoda ozvláštnění v pojetí V. Šklovského a B. Brechta	152
Reflexe přístupu k mužské homosexualitě a k jejímu zobrazování v ruské literatuře vzhledem k vývoji ruské a sovětské společnosti ve 20. století	159

Возрождение традиции студенческих научных конференций на педагогических факультетах

Слово-напутствие

Уважаемые коллеги,

Студенческие научные конференции имеют свою историю и традицию. Еще лет двадцать тому назад, т. е. в течение последнего десятилетия прошлого века, в стенах Педагогического факультета Карлова университета в Праге ежегодно встречались студенты русистских дисциплин – бакалавры, магистры и докторанты. Благодаря коллегиальному обмену мыслями в присутствии их вузовских преподавателей, результаты их выступлений позитивно влияли не только на потенциальные заключительные результаты их дипломных или диссертационных работ, на развитие их способностей к публичным выступлениям, прениям, дискуссии и к осознанию уникальности филологической науки, но и на развитие самой чешской русистики, переживающей в настоящее время ряд существенных изменений в области дидактических концепций, в создании новых учебников, учебных материалов, отражающих объективное положение русского языка как иностранного в контексте чешского образования и культуры. Именно поэтому мне хотелось бы выразить искреннюю благодарность нашим пражским молодым русистам, которым удалось эту традицию возобновить.

Несмотря на то, что эти встречи с точки зрения тематической направленности отдельных выступлений и уровня образования их авторов относительно разнообразны (небольшие секции студентов упомянутых бакалаврской, магистерской и докторской учебных программ, отличающиеся лингвистическим, литературоведческим, дидактическим или культурологическим направлением отдельных докладов или сообщений), я уверен в том, что данные мероприятия или встречи могут обогатить современный этап чешского изучения русистики.

Взаимообмен мыслями, умение вести дискуссии – следует считать одним из важнейших факторов научной и педагогической работы. Дело в том, что дискуссия очень тесно связана не только с умением естественного взаимодействия, но и с умением прислушиваться к другим мнениям и адекватно отстаивать свои взгляды или аргументировать свою позицию, одновременно сохраняя уважение к взглядам и мнениям других коллег, участников дискуссии. Разумеется, данная коллегиальная встреча построена не на принципах соревнования, а на принципах **взаимообогащения**. Этот факт подтверждается также тем, что наша «возрожденная» конференция приобретает даже «привкус» международного характера: ведь среди ее участников мы замечаем молодых коллег не только из Чешской Республики, но и из Словакии, России, Польши и Латвии, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что в процессе выступлений и дискуссий обнаруживаются элементы международной платформы взаимодействия мыслями и опытом, опирающиеся на исторический опыт науки центральноевропейского ареала.

Русистика прошла в течение последнего двадцатилетия через сложный и качественно ценный этап своего развития. Она стала **равноценной дисциплиной** – по сравнению с другими филологическими дисциплинами, особенно по сравнению с традиционными филологиями, оказывающими влияние на культурное, экономическое и общественное формирование центральноевропейского ареала, т. е. по сравнению с изучением английского, немецкого, французского и отчасти испанского языков. Естественно, «lingua franca» нашей эпохи – это английский язык. Однако центральноевропейский ареал создавался в течение столетий и под влиянием всех вышеупомянутых языковых культур, причем больше двух столетий на нашу чешскую культуру влияла, в том числе и культура русская. Конечно, мы не можем упрощенно возвращаться ни к эпохе наивного славянофильства чешского национального возрождения, ни к эпохе насильственной, механической русификации, точнее говоря советизации послевоенного сорокалетия второй половины прошлого века. Русскую культуру, разумеется, и русскую экономику, русское естественное присутствие в Европе при этом нельзя недооценивать. Именно ценности русской литературы, музыки, изобразительного искусства, глубокий исторический человеческий опыт русского народа невозможно в современной Центральной Европе игнорировать.

В связи с этим особенно приятно заметить, что в объективном подходе к современным проблемам изучения русского языка и месту русской культуры в контексте культуры европейской заинтересовано и молодое поколение студентов-филологов, потенциальных преемников и продолжателей тех традиций, которые относят чешскую русистику к уважаемым филологическим дисциплинам в рамках Центральной Европы.

Опираясь именно на эти факты, мне хотелось бы пожелать настоящей встрече молодых русистов много успехов в работе конференции, в прениях и в последующих встречах. Надеюсь, что всё вышесказанное способствует продолжению подобных встреч и возобновлению упоминаемой мной традиции.

*Олдржих Рихтерек
Университет Градец-Кралове*

Prostořečí jako (sub)systém ruštiny?

Jan Beňovský

Abstract: This contribution outlines the basic problems of distribution of standard and substandard of Russian. It is going to define *prostorechie* as a separate substandard system, the current approaches in the Russian linguistics dealing with *prostorechie* will be presented and confronted. Also, the basic features of *prostorechie* are going to be defined.

Key words: *prostorechie*, sociolinguistic, standard and substandard of Russian

Nespisovný ruský jazyk neboli prostořečí

Tento příspěvek si klade za cíl představit pro české prostředí málo známou složku ruského nespisovného jazyka – просторечие. Vzhledem k tomu, že pro tento výraz neexistuje významově přesný český ekvivalent, rozhodl jsem pro účely tohoto textu využít českého slova prostořečí, které je ruskému výrazu nejbližší. Abychom mohli přistoupit k prostořečí, je však nezbytné představit současnou situaci v ruském nespisovném jazyce.

Vymezit přesné hranice mezi jednotlivými nespisovnými složkami ruského jazyka je zcela nemožné. Velký problém nastává v samotném definování nespisovných jevů, neboť definice jednotlivých termínů týkajících se dané problematiky se mnohdy zásadně liší. Rozdíly můžeme pozorovat jak na poli mezinárodní lingvistiky, kdy se liší terminologický přístup například od české a ruské lingvistiky, tak i v přístupech samotných národních sociolinguistů, v našem případě ruských (v ruské sociolinguistice). Pro ukázkou uvedeme několik teoretických přístupů.

Ruská sociolinguistka O. P. Jermakovová používá ve významu všeobecného nespisovného podsystému termín *obecný žargon* (rus. общий жаргон). Se stejným termínem pracuje hned několik dalších současných ruských lingvistů. Základ obecného žargonu Jermakovová spatřuje ve studentském žargonu, do kterého v posledních desetiletích začal vstupovat argot. Argot se stal dokonce natolik významným, že zaujal místo hlavního zdroje obecného žargonu. (Ермакова, 1999, 9). Ale tato definice je poměrně sporná a různými lingvisty zpochybňovaná, neboť pokud bychom tvrdili, že by se studentský slang nebo žargon stal základem nespisovného podsystému, nebylo by jej možné vztáhnout na větší prostor mluvčích zejména proto, že studentský subkód je uzavřeným systémem, jehož základním kritériem používání a rozšíření je věk a prostředí (škola, mimoškolní aktivity studujících).

Pojem obecného žargonu je postaven na protnutí sociálního a funkčního členění jazyka (Хорошева, 2002). Jedná se o invariant, produkt neustálé interakce sociálních dialektů a hovorového jazyka, který je autorkami slovníku zkoumán jako lexikální podsystém. Zároveň je to, jak zmiňuje N. V. Choroševová, proces žargonizace hovorového jazyka, korelující s dynamikou vnějších faktorů. Použití obecného žargonu nesouvisí přímo s mírou dosaženého vzdělání a s profesí. Proto také uživatelé obecného žargonu neodpovídají

hranicím skupin uživatelů spisovného jazyka a prostořečí. Sociolingvistické skupiny nejsou totiž od sebe přísně odděleny.

Obecný žargon má podle autorek zcela specifické rysy, které bychom mohli přirovnat k interdialektu. Je charakterizován jako přechodový jazykový útvar, prostřednictvím něhož proniká lexikum sociálních dialektů nejen do prostořečí, ale i do hovorového jazyka celkově (Хорошева, 2002). Jak zmiňují autorky slovníku: „*Je to ta vrstva současného žargonu, který není součástí jednotlivých sociálních skupin, a který se dostatečně vysokou měrou vyskytuje v médiích, je užíván všemi obyvateli velkého města a ojedinele i vzdělanými nositeli ruského spisovného jazyka.*“ (Земская, 1999, 4). Z této definice jasně vyplývá, že obecný žargon se v pojetí autorek slovníku stává univerzálním prostředkem, který je srozumitelný široké mase uživatelů a to i těm, jež je možné považovat za osoby s vyšším vzděláním, a co více, proniká i do jejich mluvy. Avšak ani tato definice není dostatečná. Pokud by tento subsystém byl skutečně jazykem médií, nebylo by jej možné vztáhnout pouze na obyvatele velkých měst, neboť masmédia v současnosti postihují více méně většinu občanů nezávisle na místě, kde žijí.

Samotný termín obecný žargon je značně sporný a diskutabilní. Jde v podstatě o oxymoron, neboť v tradičním pojetí je žargon charakterizován jako řeč sociální nebo profesní skupiny, obsahující velké množství slov a výrazů (často uměle vytvořených, tajných nebo dohodnutých; charakteristických jen pro tuto danou skupinu) (Кузнецов, 1998). Tedy s tímto slovem je spojena kastovost, omezenost použití, selektivnost, což rozhodně nekoresponduje se slovem „obecný“.

Jermakovová dále poukazuje na vzájemné ovlivňování prostořečí a obecného žargonu. Totéž platí pro vztah argotu a obecného žargonu. Pokud uvážíme i skutečnost, že prostořečí vstupuje do silného kontaktu s argotem, docházíme k závěru, že sféra nespisovného ruského jazyka se v současné době stává zcela nepřehlednou. Svůj podíl na tom má i uvolnění jazyka médií a všeobecný trend demokratizace a vulgarizace jazyka.

Na míru užívání nespisovného lexika mají podle výzkumů velký vliv především rozdíly v pohlaví a věku. Podle N. V. Choroševové muži používají sociálně neprestížní lexikum častěji než ženy. Úroveň znalosti tohoto lexika naopak výrazně klesá po 40. roce života (Хорошева, 2002). Tento jev se však týká především slovní zásoby. V dalších aspektech jazykového podsystému nemají věkové rozdíly větší dopad. Především pak fonetické narušování normy, které může být spojené s určitým jazykovým podsystémem, je jev poměrně stabilní a s věkem se nevytrácí.

Avšak z užívání nespisovných útvarů nelze vyloučit ženy. Podle výzkumu, zmiňovaného L. P. Krysinem jsou to právě starší ženy, u kterých je možné nalézat reliktové stopy teritoriálních dialektů (Крысин, 2003, 56-57). I když připustíme myšlenku, že teritoriální dialekty dříve hojně rozšířené na ruském venkově, nemají v současné době výraznější význam, stejně však jejich zbytky je stále možné nalézt i u obyvatel větších měst. Zejména pak u lidí, pocházejících původem z venkova. Ačkoliv tyto jedinci své domovy opustili již poměrně dávno a zcela se aklimatizovali v městském prostředí, včetně jazykového prostředí, v jejich jazyce je možné stále nalézat pozůstatky dialektů. Zároveň je nutné podotknout, že i tento prvek se nemusí týkat pouze jedné generace, tedy té přímo z venkovského prostředí pocházející. Je zřejmé, že určitý dopad je možné sledovat i u druhé generace, zvláště v případě menší úrovně vzdělání.

Prostořečí

Obecně bývá prostořečí definováno jako sociálně podmíněná část ruského národního jazyka, k jejíž realizaci se používají prostředky, nacházející se za hranicemi normy jazykového standardu. Projevuje se na všech úrovních jazyka, ve fonetice, morfologii, lexikologii i syntaxi.

Ve fonetice často dochází např. k odstranění tzv. hiátu vložím [j] nebo [e] mezi dvě samohlásky: [n'ujan'ina] пианино, [какава] какао, [рад'ива] радио ; k asimilaci samohlásek u sousedních slabik: [карас'ин] керосин, [n'ur' im'ida] пирамида, [в'ил'идол] валидол; ke zjednodušení slabikové struktury přejatých slov: [в'ит'инар] ветеринар, [м'ятафон] магнитофон, [м'ин'истрат'ър] администратор; zachování některých typů asimilativního změkčení souhlásek, které jsou pro současný jazykový standart nenormativními: ко[n'ф']ета, ко[n'в']ерт, о[m'в']етить, ла[n'к']и, ка[r'm']ина; useknutí částí konsonantních spojení na konci slova: [инфарк] инфаркт, [сп'иктак] спектакль, [н'пачтам'е] на почтамте; atd. V morfologii se projevuje např. záměna rodu u některých pod. jm.: густая повидла, свежая мяса, кислый яблук, этот полотенец; změna deklinačních typů: церква, простынь, мысля, болезнь; dochází k většímu užívání partitivu a lokativu s koncovkou –y; k záměně genitivu a dativu u pod. jm. žen. rodu: у сестре – к сестры, от маме – к маме; ke skloňování nesklonných pod. jm. atd. Lexikální specifika prostořečí spočívají zejména ve výskytu takových slov používaných pro každodenní situace, které nenalzáme v jazykovém standardu např. серчать, нуцай, черед (= очередь), акурат (= точно), шибка, намедни, шитво, харчи, давеча; nebo se používají slova v jiném významu, než je normativní např. гулять – randit, уважать – zbožňovat, признать - roznat, atd. (dostupné z: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/92463127-61f4-bf5c-3478-77c85bfa2116/1006650A.htm> [19.4.2013])

Prostořečí bylo po dlouhou dobu vědou opomíjenou složkou jazyka. Souviselo s tím přílišné stigma, které vždy bylo na tento jazykový (sub)kód uvaleno. Ačkoliv už v dobách Sovětského svazu se tímto fenoménem zabývali někteří jazykovědci (L. I. Barannikovová, Je. A. Zemskaja, D. N. Šmeljov), skutečný rozvoj studia prostořečí je možné sledovat až v současnosti. Velký vklad do problematiky vnesly práce ruských lingvistů L. P. Krysina, V. B. Bykova, T. V. Matvejevové, V. V. Chimika a dalších (Дьячок, 2003, 102).

Proč ale byl tento fenomén tak dlouho opomíjen? Problém nehledejme v jazykovědě. Sovětští lingvisté si byli dozajista vědomi toho, jak velký a málo probádaný prostor prostořečí poskytuje. Problém však spočíval v politických okolnostech. Pokud by bylo prostořečí studováno jako ucelený (pod)system, který je v mnoha směrech v protikladu k spisovnému jazyku, naráželo by se tím na jedno z hlavních ideologických dogmat, a sice na jednotu socialistické společnosti (Дьячок, 2003, 102). Sovětská společnost musela být plně gramotná. Jak tedy vysvětlit, že se ve společnosti vyskytuje poměrně rozšířená složka jazyka, kterou tradiční lingvistika charakterizuje jako jazyk pologramotných až negramotných vrstev společnosti? Lingvisté proto nacházeli jen dosti zavádějící vysvětlení. Prostořečí bylo vysvětlováno jako přežitek minulé doby, prostořeční lexikum bylo chápáno jako pozůstatek lexika nevzdělaných vrstev, uchovaná v hovorovém jazyce očividně ještě z předrevolučních či

nepovských¹ dob (Дьячок, 2003, 103). Tento výklad byl ovšem zcela scestný. Chyběla tu větší sociolingvistická studie, která by dokázala objasnit, proč se navzdory všem snahám státu ve společnosti stále vyskytuje jev, jakým je prostořečí. Druhým aspektem daného problému byla vrstva mluvčích. Pokud bychom připustili, že v sovětské společnosti existuje celá vrstva lidí schopná vytvářet, udržovat a rozvíjet celý jazykový subsystém, odlišující se od „celospolečenského“ jazyka, museli bychom konstatovat, že sovětská společnost není jednotná, ale že se v ní vyskytují od sebe oddělené sociální vrstvy, což by bylo politicky značně ožehavé tvrzení.

Z pohledu sovětské sociolingvistiky existoval jeden ruský jazyk, nejčastěji ztotožňovaný se spisovnou ruštinou (de facto s jazykem literatury od poloviny 19. stol. do začátku 20. stol.). Až za hranicemi tohoto jednotného jazyka se pak nacházely stylisticky snížené výrazy (hovorové a prostořeční) a dialekty. Dialektizmy a prostořečí se nacházelo ve stadiu postupného mizení. Jak je zřejmé, tento pohled byl zcela mylný. Pokud by prostořečí bylo ve stadiu vymírání, pak bychom o něm v současnosti hovořili jako o jevu již neexistujícím nebo zcela okrajovém. Ani jedno však není pravdou. Schematismus, který byl uplatňován při výkladu této složky jazyka, je poměrně očividný.

To však neznamená, že by prostořečí bylo i sovětskou lingvistikou zcela opomíjeno. V 80. letech, například, vzniklo několik obsáhlých studií L. I. Skvorcova (Скворцов, 1984) o vztahu normy a nenormativních elementů, v nichž se problematiku prostořečí také dotýká.

S prostořečím nelze nakládat jako se sourodým (pod)systémem. Tak jak jsou nesourodí jeho nositelé, je nesourodé i prostořečí. Není však na místě uvažovat o prostořečí jen jako o pologramotné řeči nevzdělaných lidí, jejímž jazykovým základem se stává dialekt. To by podle L. A. Kudrjacevové znamenalo, že prostořečí nepostihuje celou funkční různorodost nespisovného jazyka, živých forem jeho existence, určujících jazykový obraz současného města (Кудрявцева, 2005).

Problematickým je i tradiční názor, že prostořečí je jev městského obyvatelstva. Jak zmiňuje Дьячок: „*Je nezbytné podotknout, že v současnosti je prostořečí realitou nejen života ve městech (takové názory se objevují v některých rusistických člancích).*“ (Дьячок, 2003, 105) Je tedy namístě pozměnit tradiční pohled na prostořečí. Dřívější definice, jak je zřejmé, přestávají být dostačující. To však neznamená, že by prostořečí mělo získat plusové znaménko.

Kudrjacevová ve svém pojetí rozlišuje dva druhy neboli podtypy prostořečí. Jedním je vlastní prostořečí, tedy prostořečí v tradičním (úzkém) pojetí coby jazykový subkód, charakteristický pro nedostatečně vzdělané lidi, který spočívá v narušení spisovné normy. Druhým typem prostořečí je podle některých odborníků tzv. „*Neliterární prostořečí, nenormativní různorodé elementy sociálního prostořečí jsou v protikladu ke korespondujícím normativním jednotkám spisovného jazyka.*“ (Кудрявцева, 2005). Nositeli tohoto prostořečí jsou podle Kudrjacevové lidé určitého sociálně-kulturního postavení, zpravidla s nižší úrovní vzdělání a obvykle staršího věku, kteří nejsou původem z města.

Samozřejmě toto členění je poměrně sporné, což přiznává i Kudrjacevová, a s tímto rozdělením lze polemizovat, neboť daná charakteristika odpovídá i jiným termínům. Opět se tím dostáváme k problematice samotného terminologického aparátu, který je značně

¹ NEP – Nová ekonomická politika (НЭП – Новая экономическая политика)

nejednotný a pro který se hodí fráze: co vědec, to jiná teorie. Jisté však je, že bez ohledu na to, jak daný jev pojmenujeme, tento jev existuje.

S poněkud odlišnou teorií přichází Krysin, vyděluje dva typy prostořečí. Prostořečí používají lidé staršího věku, buď původem z města, nebo lidé, kteří prvotní socializaci prošli na venkově a poté se usadili ve městech; tito lidé nemají vůbec vzdělání nebo mají jen základní. Jejich řeč nese zjevné stopy dialektů nebo polodialektů. Prostořečí-2 Krysin vztahuje na obyvatele měst středního a mladého věku, kteří nemají ukončené střední vzdělání. Jejich jazyk je zbaven dialektního zabarvení a je ve značné míře žargonizován (Крысин, 2003, 56-57). Z toho dělení vychází i I. V. Šalinová, která podotýká, že nositelé prostořečí-2 jsou především muži. Nositeli prostořečí-1 jsou naopak především ženy, které neztratily spojení s venkovským prostředím, s tradiční lidovou kulturou, smíchanou v novém sociálním prostředí s jinými představami (Шалина, 2005, 205). Ale i tady je nutné provést jistá upřesnění. Šalinová upozorňuje na skutečnost, že mezi nositeli prostořečí-1 jsou nejen pologramotní jedinci, ale i lidé s ukončeným středním odborným vzděláním. Mezi nositeli prostořečí-2 jsou zase lidé s neukončeným středním či s neukončeným vyšším vzděláním. Jedním z argumentů Šalinové jsou pak statistické údaje o počtu mladých lidí, kteří zanechávají studií.

Tímto však dostává značnou trhlinu tradiční pojetí prostořečí, neboť nelze jedince, kteří mají ukončené střední vzdělání či neukončené vyšší vzdělání, považovat za pologramotné. Diplom o vyšším vzdělání ale ještě nedělá z člověka skutečného nositele kultury spisovného jazyka. Jak ukazuje analýza, ve skutečné interakci „koeficient protořečnosti“ individuálně variuje a závisí na struktuře a funkci komunikace, individuálních řečových i psychologických zvláštnostech mluvčího (Шалина, 2005, 205). Tento závěr M. V. Kitajgorodské zcela poukazuje na fakt, že prostořečí již nelze vztahovat na sociálně nejnižší vrstvy společnosti. Prostořečí je tak dnes více provázáno s kulturou. Odpovídá to i očividným změnám ve společnosti. Jak jsme už uvedli, struktura společnosti se za posledních několik desetiletí výrazně změnila. Nositelé prostořečí již nemusí být lidmi na okraji společnosti. Daleko vhodnější je nazírat na prostořečí z hlediska komunikačního záměru.

Zvláštní úlohu v současném studiu prostořečí sehrávají tzv. řečové stereotypy prostořeční kultury (*речеповеденческие стереотипы просторечной культуры*). S tím pracuje zejména Kitajgorodská a Šalinová. Ty vycházejí z předpokladu, že nositelé prostořečí využívají především řečová klišé (ustálené předpřipravené slovní obraty), která jsou využívána jako určitá usnadnění v komunikačních situacích. Mezi tato klišé je možné řadit akciologické charakterizátory, frekvenční slovní spojení, hovorové řečové formulace, mikrotexty atd. (Шалина, 2005, 205). Podle Kitajgorodské extralingvistické zvláštnosti nositelů prostořečí mají přesně stanovený lingvistický význam. Do těchto zvláštností je možné zahrnout „naivně upřímné percepcie informace s následným neopodstatněným zevšeobecněním faktů“, „folklorní cesta osvojení si určitých sdělení, která bývají doprovázena proměnou reálných kauzálně důsledkových souvislostí“, snaha o zjednodušení svého řečového chování při nedostatečně dobře rozvinutých reflektujících schopnostech, umožňujících napadení práv adresáta (Китайгородская, 1988, 163). Těmito poměrně složitými formulacemi se snaží autorka postihnout danou řečovou situaci, při níž dochází k používání řečových prostořečních klišé. Nositelé prostořečí si snaží zjednodušit komunikaci použitím předpřipravených obrátů, nejčastěji se jedná o vypjaté okamžiky, kde je nutná

okamžitá argumentace. Typickým rysem pak bývá právě nevhodné užívání obrátů a slov, které logicky nemusí vůbec zapadat do kontextu.

Prostořečí vs. standard

Prostořečí ale přirozeně nemůže jen existovat vedle standardního jazyka. Dochází tak k vzájemnému ovlivňování. Pokud přijmeme názor Kudrjavcevové, uvádějící prostořečí na roveň četným sociolektům (slang, argot, atd.), což je poměrně odvážné tvrzení, potvrzovalo by to domněnku, že prostořečí v současnosti skutečně vyvíjí silný tlak na standard, neboť u většiny sociolektů tomu tak je.

Vzájemné ovlivňování standardu a substandardů je zřejmé. Jednotlivé (sub)systemy nejsou uzavřenými nepropustnými útvary. Naopak, vzájemné prolínání a ovlivňování jednotlivých složek je nepřetržitý jev. Jak uvádí Krysin: „*V současné spisovné ruštině se začínají šířit jevy přicházející z nestandardních jazykových sfér, především pak z prostořečí a žargonů, a tradičně normativní jednotky jsou postupně vytlačovány novými*“ (Крысин, 2007, 5). A. D. Švejcer pak hovoří přímo o pohybu zesponu nahoru: „*Existuje i opačná směr rozšiřování inovací – „zdola nahoru“, tzn. Ze substandardních složek jazyka do standardního jazyka. V důsledku tohoto procesu dochází k sublimaci substandardních jazykových forem, jejich upevnění v úzu a následnému potvrzení normou standardního jazyka*“ (Швейцер, 1996, 74) Tak je možné sledovat, že např. tradiční *обусловливать, сосредоточивать* jsou postupně nahrazovány *обуславливать, сосредотачивать*; vedle normativního *морщит* se objevuje prostořeční *смарицивать* (jako forma nedokon.vidu ke slovu *сморщит*); argotické výrazy *беспредел, тусовка, разборка, откат* jsou stále častěji vnímány jako nezávadný jazykový prostředek, neboť je veřejně požívají nositelé spisovného jazyka (Крысин, 2007, 6).

Závěr

Současný ruský jazyk představuje obrovské možnosti pro sociolingvistiku. Obrovské změny, které proběhly v ruské společnosti za posledních dvacet let, stejně jako do značné míry záměrné přezírání vývoje nestandardních subkódů ruštiny v sovětské éře, představují vhodný materiál pro bádání v této oblasti. Zvláště pak, dojde-li k využití moderních prostředků v sociolingvistice, jaké představují jazykové korpusy a internet.

Prostořečí představuje dosud málo prozkoumaný prostor ruského jazyka. Odráží stav ruské společnosti a nejrůznější změny, který tato společnost prochází. Prostořečí v dnešní době vyvíjí, spolu s dalšími nestandardními subkódy, velmi silný tlak na standard ruštiny. Stále více slov z dříve tolik stigmatizovaného „jazyka nevzdělaných“ se v současnosti dostává do každodenní komunikace lidí i s vyšším vzděláním. Silné sepejetí s tzv. obecným žargonem umožňuje prostořečí pronikat do stále širšího prostoru lidské komunikace. Vulgarizace a demokratizace masmédií, jejich nedodržování jazykového standardu spolu s v podstatě neomezeným potenciálem internetu pak představují doslova ideální půdu pro udržování i možný rozvoj prostořečí, dříve odsouzeného k zániku.

Ačkoli stále platí značná stigmatizace prostořečí a jeho odsuzování vzdělanější společností, je značně nejasné, jak bude další vývoj tohoto nestandardního (sub)systemu v následujících desetiletích pokračovat.

Použitá literatura:

- ДЬЯЧОК, М.Т.: Русское просторечие как социолингвистическое явление. In: Гуманитарные науки. – Вып.21. Москва 2003.
- ЕРМАКОВА, О. П.: Источники положения и тематические группы жаргона. In: Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. Москва 1999.
- ЗЕМСКАЯ, Е.А., Розина, Р.И., Ермакова, О.П.: Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. Москва 1999.
- КИТАЙГОРОДСКАЯ, М. В.: Наблюдения над построением устного просторечного текста. In: Разновидности городской устной речи. Москва 1988.
- КРЫСИН, Л.П.: Русская литературная норма и современная речевая практика. In: Русский язык в научном освещении. № 2 (14). Москва. 2007.
- КРЫСИН, Л. П.: Формы существования (подсистемы) русского национального языка. In: Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. Москва, 2003.
- КУДРЯВЦЕВА, Л.А. Язык города: общий сленг. [online]. Киев, 2005 [cit. 2013-02-09]. Dostupné z: <http://russian.kiev.ua/print.php?id=9000598>
- КУЗНЕЦОВ, С. А.: Большой толковый словарь русского языка. - 1-е изд-е: СПб.: Норинт. 1998
- КРЫСИН, Л. П.: Формы существования (подсистемы) русского национального языка. In: Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. Москва, 2003.
- СКВОРЦОВ, Л. И.: Основы культуры речи. Москва, 1984.
- ХОРОШЕВА, Н.В.: Русский общий жаргон: к определению понятия. In: Изменяющийся языковой мир. Пермь 2002
- ШАЛИНА, И. В.: Просторечная речевая культура: Стереотипы и ценности. In: Известия Уральского государственного университета. № 35. Екатеринбург, 2005.
- ШВЕЙЦЕР, А.Д.: Роль инновационных и реликтовых элементов в формировании норм кодифицированного литературного языка. In: Языковая норма: Типология нормализационных процессов. Москва, 1996.

Bc. Jan Beňovský

Ústav východoevropských studií Filozofické fakulty Univerzity Karlovy v Praze

Politických vězňů 48, Kolín II, 280 02

jan.benovsky@seznam.cz

Jan Beňovský je studentem 2. ročníku navazujícího magisterského studia oboru východoevropská studia na Filozofické fakultě UK v Praze. Absolvoval bakalářské studium téhož oboru, které zakončil bakalářskou prací na téma *Lingvostylitická analýza románu Děň opričnika*. Ve svém dalším studiu se zaměřuje na sociolingvistiku a substandardní složky ruského jazyka, zejména *prostořečí*, s nímž už pracuje ve své diplomové práci *Jazyk a styl vybraných románů Vladimira Sorokina*.

Historie výzkumu ruského kriminálního argotu.

Nikola Dědinová

Abstract: This article throws light upon the stages of research of russian criminal argot. Part one.

Key words: Russia, sociolinguistics, argot

Na otázku, kdy vznikl ruský kriminální argot¹ a jaká sociální skupina byla jeho zakladatelem, neuvádějí badatelé jednoznačnou odpověď. S.V. Maximov tvrdí, že argot je spojen s dávnou minulostí, ale blíže jeho vznik nedatuje (Максимов, 1900, 158). V.M. Žirmunskij tvrdí, že je spojen s Povolžím a lidovými povstáními na přelomu 16. a 17. století (Жирмунский, 1936, 125). Někteří, jako např. R.O. Šorová, tvrdí že vznik argotu je spojen s rozvojem peněžního kapitálu v 18. století (Шор, 1926, 105). A jestliže si položíme otázku, kdo konkrétně je zakladatelem argotu, pak ani zde se nedočkáme od badatelů jednoznačné odpovědi. Podle V.M. Žirmunského by to mohli být lupiči z Povolží (Жирмунский, 1936, 125), zatímco badatelé jako V.F. Trachtenberg (Трахтенберг, 1908, 102), A. Sidorov (Сидоров, 1992, 8-9) a A.A. Leontěv (Леонтьев, 1977, 52) se domnívají, že to byli potulní obchodníci ofeni, s čímž nesouhlasí jeden z největších znalců argotu potulných profesí - V.D. Bondaletov (Бондалетов, 2004, 172). Jasně je jen to, že teorií ohledně data vzniku a zakladatelů argotu je mnoho. Po studiu značného množství literatury bych za nejvíce přesvědčivou označila teorii M.A. Gračova, v níž se tvrdí, že argot ve východoslovanském prostoru se nezrodil hned, ani na jednom místě, ani díky jedné sociální skupině, ale v průběhu doby, analogickým způsobem, jak vznikal argot v západní Evropě, pouze o několik století později. Bylo to v době, kdy se v Rusku začala rozvíjet moderní feudální společnost, kdy se začala rozvíjet města, řemesla, společnost se začala rozdělovat na třídy, které se vzájemně lišily ekonomicky i sociálně, což mimo jiné vedlo i ke vzniku organizovaného zločinu (Грачев, 2005, 27-28).

Většina lingvistů přichází s vlastní periodizací výzkumu sociálních dialektů, my využijeme a zčásti modifikujeme periodizaci A.V. Cybulevské, která rozděluje výzkum ruského substandardu do 5 etap:

- I.** Etapa (19. století) Začíná se poprvé seriózně zkoumat substandard, jde hlavně o lexikografické práce popisující sociální dialekty zločinců, žebráků, potulných řemeslníků a obchodníků.
- II.** Etapa (přelom 19/20. století) Vznikají hodnotné lexikografické a etnografické práce, argotismy se etablují v beletrii.

¹ V práci budeme používat pro lexikum kriminálních používat termín argot, protože tento termín chápeme jako termín neutrální, nevyvolávající negativní konotace, a v neposlední řadě jako termín charakteristický pro ruskou a ukrajinskou lingvistickou tradici, kterou ztělesňují lingvisté jako B. A. Larin, D. S. Lichačov, M. A. Gračov, O. Horbač. V 19. století se tato lexika označovala: *байковский язык, музыка, тайный язык, условный язык воров*, v 20. století: *арго, блат, блатная музыка, жаргон, соня, феня* aj.

- III. Etapa (20-30.léta 20. století) Zájem lingvistů o substandard strmě stoupá díky sociálním a jazykovým změnám; argot je dokonce mnohými považován za pravý proletářský jazyk, pozornost mu věnují lingvisté jako: V. M. Žirmunskij, B.A. Larin, D.S. Lichačov, J.D. Polivanov, P.O. Šorová. V. Straten, A.M. Seliščev aj.
- IV. Etapa (60 - konec 80. let 20. století) Vědci začínají věnovat pozornost typologii a terminologickému vymezení sociálních dialektů, mezi nejznámější patří V. D. Bondaletov, O. Dzendzelevskij, O. Horbač, přičemž většina prací z penitenciárního prostředí vychází s označením - *для служебного пользования, не подлежит разглашению*.
- V. Etapa (začátek 90. let 20. století – do současnosti) Lze hovořit o velké vlně zájmu o problematiku argotu, jímž se zabývají především: D.S. Baldaev, V. Bykov, M.A. Gračov, V.S. Jelistratov, V. Mokienko, A.A. Sidorov² aj. Začínají se objevovat práce psychologů a sociologů - V.F. Pirožkov, J.K. Alexandrov, právníků a kriminalistů - A. Gurov, V. Čalidže, O. P. Dubjaginová, kde je argot součástí studia kriminální subkultury spolu s normami, tradicemi, přezdívkami, tetováním, folklorem atd. (Цыбулевская, 2005, 9-17)

Prahistorie. První písemné zmínky o argotu se nám dochovaly ze 17. století, z období kozáckých povstání pod vedením I.I. Bolotnikova (1606-1607) či S. Razina (1670-1671), kdy u kozáků měla existovat tajná řeč, tzv. *ясак* či *отверница* (Максимов, 1900, 163). Bohužel kromě názvu se nic jiného nedochovalo, přesto můžeme alespoň z názvu vydedukovat, jakým způsobem se provádělo utajení lexiky *отверницы*, tj. záměnou jednotlivých částí slova, tzv. *отворотом* (Шаповал, 2006, 48-49).

Mnoho materiálů, které by zachytily argot kriminálníků z období před 18. stoletím, se nedochovalo. M.A. Gračov to vysvětluje tím, že:

1) argot existoval jen v určitých ohraničených oblastech zločinu, jako bylo Povolží, ve velkých městech, okolo řek, či v místech, kde se sdružovali uprchlí nevolníci; 2) letopisci většinou neznali argot, a jestliže ano, pak ho nezanášeli do letopisů, rukopisů, bylin či jiných písemných památek; 3) policie, která by tyto kriminální živly registrovala a spolu s nimi i jejich argot, byla založena až roku 1703; 4) mnoho památek bylo zničeno v průběhu nesčetných válek, požárů a povstání; 5) nebyla jasná hranice mezi standardem, tj. spisovnou ruštinou a substandardem; hranice začala být zjevnou až v průběhu 18. století; 6) slova z argotu zločinců z 11. -18. století přecházela jen v malé míře do dalších vrstev jazyka (Грачев, 1996, 191-192).

První beletristické knihy, kde se setkáváme s argotem kriminálníků v hojné míře, jsou tři knihy popisující život legendárního zloděje a později zaprodance, který se přidal k tajné policii, Vaňky Kaina (1718- ?). První kniha je jeho anonymní literární historie, druhá je jeho anonymní autobiografie s názvem „Жизнь и походжение російскаго картуша, именуемаго КАИНА, извѣстнаго Мошенника и того ремесла людей сыщика. За раскаяние въ злодѣйствѣ получившаго отъ казни свободу; но за обращение въ прежній промыслъ, сосланнаго вѣчно на картожную работу, Прежде Въ РОГЕРВИКЪ, А ПОТОМЪ Въ

² A.A. Sidorov je znám široké ruské veřejnosti spíše pod svým pseudonymem Fima Žiganec neboli ten, co překládá ruskou klasiku do argotu kriminálníků, viz. Жиганец, Ф., Мой дядя, падло, вор в законе...

СИБИРЬ. Писанная ИМЪ САМИМЪ, при Балтійскомъ Портѣ, въ 1764 году“, а třetí pochází z pera spisovatele Matvěje Komarova, který se osobně setkal s Vaňkou a byl jeho příběhu tak upoután a podmaněn, že napsal knihu „Обстоятельное и о вѣрное писаніе добрыхъ и злыхъ дѣл россійскаго мошенника, вора, разбойника и бывшаго Московскаго Сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странныхъ похожденій, сочиненное М: К. въ Москвѣ 1775 года (1779)“.³ V této knize je více než 130 argotismů, např.: *брат нашего сукна* - kriminálník; *выработал* - nakradl; *каменный мешок* - vězení; *купцы пропалых вещей* - zloději; *монастырские чётки* - okovu; *писать левой рукой* - tajně dopášet; *тихая милостыня* - podvod.

I. V první polovině 19. století se o argot začínají zajímat spisovatelé, etnografové, historici a filologové.

D.S. Lichačev poukazuje na to, že argotismy z děl, které popisují život Kaina, nejsou pouhými okazionalismy (Лихачев, 1993, 119), ale navazují na tradici lidové smíchové kultury a jako příklad uvádí povídku I. Novikova „О лукавом нищем“ (1838): „После того нищий уже и не приходил к своей должности, а вздумал с товарищами другое *набожное ремесло* (zločin): по ночам уже *сбирать с прохожих подать* (okrádat) и ходить по дворам в покои и в чердаки та *милостыною* (věci, které lze ukrást). Но сие *мастерство* (zločin) не долго им исполнять удалось, потому что есть *черницы* (tajní) и на Симонове, так и в Москве не простяки: как то ненароком попали в такую западную, из которой трудненько было и вылезть, отведены были в Сыскной приказ к суду, где *мазали* (mlátilи) их по спинам долгою об одном конце плетью... (Новиков, 1989, 443).

Jedním z lingvistů, který věnoval svoji pozornost argotu kriminálníků v prvním období, byl i slovník V.I. Dal (1801-1872), jenž ve svém odborném článku „О наречіяхъ рускаго языка“ prokázal nejen znalost mnohých nářečí ruského jazyka, ale také i tzv. *искусственныхъ языков*, mezi něž zařadil *байковый язык* neboli *музыку* (Даль, 1989, XLVIII-XCIII). Dokonce sestavil i slovníček argotu petrohradských zlodějů s názvem „Условный язык петербургскихъ мошенников, известный под именемъ музыки или байкового языка“, kde shromáždil 139 slov a idiomů petrohradských zlodějů a podvodníků, např.: *маруха* - dívka lehkých mravů; *серёжка* - zámek; *ленень* - šátek; *темный глаз* - falešný pas; *теплуха* - kožich; *имель* - peněženka, dokonce uvedl i několik ukázek konverzace kriminálních žvlů. Tento slovníček nebyl za jeho života nikdy publikován, k tomu došlo až později (Топорков, 1990; Бондалетов, 2004).

V.I. Dal se též věnoval beletristice, kdy pod pseudonymem K. Luganskij publikoval v roce 1844 povídku „Петербургский дворник“, jehož hlavní hrdina domovník Grigorij je nejen obeznámen s petrohradskou galerkou, ale i s její řečí, kterou učí svého kamaráda Ivana, a tak se dozvídáme, že: *перетырить жулику гоньки и грабли* - předat pomocníku kradené boty a rukavice; *стырить камлюх* - ukrást čepici; *увести скамейку* - ukrást koně (Даль, 1984, 81).

³ Tyto knihy popisující život Vaňky Kaina jsou dostupné v ruském a francouzském znění v publikaci, viz Rai-Gonneau, E., Vie de Kain. Bandit russe et mouchard de la tsarine, s. 68-316.

V roce 1859 v časopise Severní včela vyšel anonymní slovníček „Собрание выражений и фраз, употребляемых в разговоре С.-Петербургскими мошенниками,“ bylo to **poprvé**, kdy byl publikován slovníček zlodějské lexiky.

V druhé polovině 19. století došlo k význačným změnám v ruské historii, a to díky reformám cara Alexandra II. V roce 1861 bylo zrušeno nevolnictví, které mělo vliv na počet deklasovaných a kriminálních (většina nově propuštěných nevolníků nebyla s to se uživit poctivě). Zanedlouho došlo k soudní reformě, jejíž součástí byla i vězeňská reforma. Tato reforma nejenže sjednotila vězeňskou správu, čímž došlo k asimilaci různých vězeňských argotů do jednoho (do té doby byly značné rozdíly v argotu různých penitenciálních zařízení), ale také se změnil trestní zákoník, který za krádeže a podvody uděloval především odnětí svobody, což osminásobně zvýšilo počet vězňů (Приемышева, 2009, 377-378). Na konci 70. let tak můžeme již hovořit o obecném, vězeňském a specializovaném argotu⁴ (Гуров, 1990, 80).

Jedním z nejznámějších policejních činitelů, který vedl petrohradskou policii v letech 1866-1889, byl I.D. Putilin (1830-1893). Putilin znal petrohradské kriminální podsvětí jako nikdo jiný, poskytoval odborné rady a lexikální materiál V.I. Dalovi, ale i spisovatelům N.S. Leskovovi, V.V. Krestovskému, které dokonce bral na své pochůzky petrohradskými brloly. On sám napsal v 60. letech „Очерк некоторых видов воровства в Петербурге“ (nedokončenou a za jeho života nepublikovanou črtu), kde popsal různé skupiny kriminálních, kooperujících na území hlavního města, jejich *modus operandi*, a i jejich specializovaný argot. Jeho slovníček obsahuje okolo 160 lexémů a frazémů, přičemž většina tohoto lexikálního materiálu nebyla nikým jiným zachycena, např.: *буквоед* - duchovní, předčítač Svatého písma; *козлятник* - člověk, který učí mladé zlodějskému řemeslu; *полупрогулка* - šestiměsíční pobyt ve vězení; *рыболов* - zloděj, který odřezává zavazadla, připravená na zadní část kočáru; *черная Мария* - anton⁵.

Dalším, kdo svou pozornost věnoval argotu kriminálních, byl spisovatel V.V. Krestovskij (1840-1895), jenž napsal bestseller o kriminálním podsvětí s názvem „Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных“ (1864-1866), který vycházel ve Vlasteneckých zápiscích. Tato kniha popisovala nejen život vyšší společnosti, tzn. těch sytých, ale především přiblížila do té doby nevídaným způsobem život petrohradských kriminálních a spodiny, tj. těch hladových, přičemž popsala i jejich jazyk, tzv. *музыку*. Ta se podle něho vyznačovala nápadnou obrazotvorností, na jedné straně, a extrémní stručností, na straně druhé. Poprvé se v krásné literatuře objevila slova jako *argot*, *Бугры* - uralské hory, hory vůbec; *бабка/и*⁶ - bankovka/y; *дворушник* - žebrák, který žádá o milost oběma rukama, ale také tu autor mimo jiné popsal jeden známý brloh, známý pod jménem *Малинник*. „Под специальным именем Малинника он известен всей Сенной площади, с местами окрест

⁴ Obecný argot slouží jako univerzální komunikační prostředek (jakási *lingua franca*) pro kriminálníky rozličných profesí a národností, vězeňský argot slouží k dorozumívání v penitenciálních zařízeních a specializovaný obsahuje lexiku, která je typická jen pro určitou kriminální specializaci.

⁵ Tento argotismus přešel do povědomí a aktivní slovní zásoby ruského obyvatelstva ve 20. letech 20. století, kdy byl takto označován vůz NKVD, který převážel zatčené a podezřelé.

⁶ A.A. Sidorov tvrdí, že slovo *бабка* bylo kriminálníky převzato z dialektů. Rolníci tímto slovem označovali několik k sobě postavených snopů slámy (od 10-13), přičemž jeden snop se postavil na ně. Zdáli tak toto seskupení připomínalo ruskou ženu v sarafánu, přičemž úspěšnost sklizně se počítala na „babky“ (Сидоров, 2005, 227-228). Jiného názoru je M.A. Граčov, který tvrdí, že slovo *бабка* jako označení peněz vzniklo díky zobrazení Kateřiny II. v značně pokročilém věku na asignacích (Грачев, Мокиенко, 2000, 26).

лежащими, и всему Петербургу, имеющему хотя бы некоторое представление о своих петербургских трущобах. [...] Почему же дом этот называется Малинник или Садок? И то, и другое имя дано в ироническом смысле и представляет собою необыкновенно меткое, характеристичное произведение местного, чисто народного юмора. [...] Малинник – это в некотором роде главный и общий клуб петербургских мазуриков, центральное место для их сборищ, представляющее для такой цели всеможные удобства...“ (Крестовский, 1990, Т. II., 310). Právě díky úspěchu románu se podle A. A. Sidorova z vlastního jména jednoho brlohu a hospody v Petrohradu stalo jméno obecné pro označení úkrytu pochybných existencí, přičemž se z *малинника* stala *малина*. Podle Sidorova na tuto změnu mělo vliv i ruské přísloví „*Не жизнь, а малина*“, kdy malina asociuje s bezpečným a bezstarostným životem (Жиганец, www).

Dalším spisovatelem, který věnoval svoji pozornost “nešťastným”, byl M. F. Dostojevskij (1821-1881), jenž je mohl pozorovat tzv. z první ruky, když si odpykával čtyř roční trest v omské věznici. Své poznatky si nejenom psal do tajného deníku, který nazval „*Моя тетрадка каторжная*“, ale především je později začlenil do románu „*Зáписки з мртvéго дому*“, kde se projevil jako dobrý psychopatolog a kriminolog, snažící se pochopit katorgu a její obyvatele, i když určité romantizaci neodolal. Přičemž argotismy používá jen pro nejtýpictější realie vězeňského života: *парашиник*⁷ - člověk, který je vybírán artělí, aby se staral o úklid, přičemž je osvobozen od nucených prací; *суфлёра* - vězeňská prostitutka; *целовальник* - vězeň, který nelegálně obchoduje s alkoholem; *чистяк* - chleba bez příměsí. V této knize se objevuje i slovo *майдан*: „*Почти въ каждой казармѣ былъ такой арестантъ, который держалъ у себя ариинный худенькій коврикъ, свѣчку и до невѣроятности засаленныя, жирныя карты. Все это вмѣстѣ называлось: майданъ*“ (Достоевский, 1862, 93).

Právo na zřízení tohoto herního místa se kupovalo na začátku každého měsíce a vítězem byl ten, kdo nabídl nejvíce, což v druhé polovině 19. století mohlo být i několik desítek rublů. Provozovatel si platil i ochranku, tzv. *стремщика*, který dostával denní mzdu cca. 15 kopějek, k jehož povinností patřilo pomocí signálů upozorňovat na hrozící nebezpečí: *Дух!* - jestliže šel dozorce, *Шесть!* - jestliže šlo vedení, *Вода!* - jestliže hrozilo nějaké nebezpečí“ (Дорошевич, 1903, Т. II., 58).

V kriminálním folkloru se objevuje i píseň, která nápadně připomíná popis vraždy stařeny-lichvářky z románu Dostojevského „*Злочин а тrest*“, takže je možné si položit otázku, kdo vlastně je autorem námětu tohoto románu - Dostojevskij nebo nějaký trestanec? Uveďme si malou ukázkou oné písně:

*„Бес меня искусил.
Взяв топор, я пошел,
Старушку убил
И с деньгами ушел.
Но не долго гулял –
Грех попутал меня,
Далеко не удрал,*

⁷ *Параши* je zdobnělina jména Прасковья, v argotu označuje: 1. vědro na mytí, 2. kbelík na vykonání potřeby, 3. špinavé nádobí, 4. pomluva, 5. nepravdivé zvěsti, dohady (Балдаев, 1997, 307).

Розыскали меня...“ (Лобас, 1913, 39).

V 70. letech 19. století vychází práce etnografa-beletristy S.V. Maximova (1831-1901) „Сибирь и Каторга“, ve které se nachází i kapitola „Тюремный словарь и искусственные байковые, ламанские, кантюжные языки“ (Максимов, 1900, 158-170), která obsahuje nejen vývoj argotu, vysvětlení více než 220 argotismů, např.: *липовой глаз*⁸ - falešný pas; *наездить* - uskutečnit neúspěšnou krádež; *ножные браслеты* - okovy; *халтура* - pohřeb; *чертова рота* - tajní policisté, ale seznamuje čtenáře i s neverbální komunikací kriminálních, mezi nich řadí i tzv. *перестукивание*. K mnohým, kdo ovládali tento způsob komunikace, patřil i známý básník-děkabrista M. A. Bestužev-Marlinskij. K tomu, aby mohl komunikovat se svým bratrem, jenž si také odpykával trest v Petropavlovské pevnosti, musel vyřukávat zprávy pomocí vlastní abecedy svými okovy (Максимов, 1900, 160).

II. Na přelomu 19. a 20. století dochází k významné změně, kriminální centra se přesunula ze severu na jih: Moskva a Petrohrad byly vystřídány Rostovem, Kyjevem a Oděsou (Приемышева, 2009, 377-378), čím došlo i ke kvalitativním změnám. Argot kriminálních začal tudíž čerpat od oděských zlodějů, tedy lexiky, která má jidiš-německý původ: *блатыкаин* - zloděj koní; *ксива* - dokument; *мархивер* - kapesní zloděj; *хаза* - úkryt; *шухер* - udělat poplach, ztropit skandál; *шмон* - filcunk.

Začínají se publikovat první práce etnografů, žurnalistů, zabývající se normami, pravidly chování a kastovním systémem kriminální subkultury, zmíníme se především o práci V. M. Doroševiče (1865-1922) „Сахалин“ (1897), kde popisoval každodenní život na katorze i její vězeňský argot, který podle jeho mínění není bez humoru, např.: *стрелять* - prosit o almužnu, žebrať; *лозы* - pruty; *манты* - dŕtky, karabáč; *пчельник, сушилка* - karcer. Přičemž těmto těžkým trestům je možné se vyhnout, pokud je vězeň ochoten tzv. *бить хвостом* - lísat se k dozorcům, donášet; za což je posléze označen jako *лигаиш* či *сучка*⁹. Uvedeme si i ukázkou obdivu, který je proječován profesionálními a schopnými kriminálníky: „Онъ фартовець! Онъ человекъ фартовый! Говорять съ завистью и про человека, которому сходяť съ рукъ всякія гадости“¹⁰ (Дорошевич, 1903, 356). Na počátku 20. století se objevilo 6 slovníků zabývajících se argotem kriminálních: oděského zloděje V. Beка „Босяцкий словарь“ (1901), G. Достála „Воровской словарь“ (1903), J. Balujeva „Условный язык воров и конокрадов“ (1909), V.I. Lebeděva „Словарь воровского языка“ (1909), V.M. Порова „Словарь воровского и арестантского языка“ (1912),¹¹ přičemž

⁸ Podle M.A. Gračova z argotu falešných hráčů, kde slovo *липок* označovalo speciální mazadlo, kterým se lepily dvě karty k sobě, aby se jedna či druhá mohla příhodně schovat (Грачев, 2005, 110); podle A. A. Sidorova z argotu antikvářů 19. století, kde slovo *липа* označovalo falešnou ikonu. Pravé ikony byly z kvalitního tvrdého dřeva, ale padělané levné kopie se často malovaly na lipové dřevo. Nepoctivý antikvář je pak prodával důvěřivým klientům, což v argotu označovaly idiomy: *садить липы, пихать липу*. (Сидоров, 2005, 230-231).

⁹ Profesionální kriminálníci zoomorfismy pojmenovávají své nepřátele, mezi něž patří především pracovníci orgánů činných v trestním řízení a zrádci. „Назвать "сука" значит нанести кровное оскорбление. "Честный" арестант должен такое оскорбление смывать хотя бы кровью противника“ (Фабричный, 1925, 178).

¹⁰ Při jednom televizním setkání byl V.V. Putin dotázán jedním mladíkem: „А вы и правда фартовый?“ a on odpovĕděl: „Да, да, я именно такой“ (Овчинский, www).

¹¹ Se všemi těmito slovníky je možné seznámit se v jedné publikaci, viz Козловский, В., Собрание русских воровских словарей.

největší pozornost si zaslouží slovníček V.F. Trachtenberga „Блатная музыка (Жаргон тюрьмы)“ (1908).

F. Trachtenberg (? - 1940) opravdu „*connaissait son monde*“, sám pobýval ve vězení, což mu umožnilo shromáždit více než 760 převážně vězeňských argotismů, např.: *мент*¹² - agent tajné policie; *мокрота*¹³ - vražda s prolitím krve; *фраер* - oběť falešného hráče nebo podvodníka, poškozený či žalující u soudního přelíčení; *хунесница* - prostitutka, která okrádá své klienty; připojil i ukázky vězeňského folkloru - písně, přísloví i průpovídky: „*Денежка все грехи сбреет*“, „*Что мне законы, когда судьи знакомы*“, „*Когда малый вор лежит, крупный вор всегда бежит*“.

Předmluvu napsal polský lingvista J. Baudouin de Courtenay, přičemž doplnil i samotný slovník argotismy z knihy „Преступный мир“ (1901) G. N. Brejtmana.

B. de Courtenay zastával názor, že ruský argot představuje zajímavý materiál nejen pro lingvistu, ale i pro psychologa, etologa, právníka a folkloristu. On sám v této předmluvě rozdělil jazyk na horizontální a vertikální dialekty. Horizontální členění je podle něho tvořeno na základě národnostních, teritoriálních a etnografických odlišností; jednotlivé dialekty se mezi sebou liší především v rovině výslovnostní, tj. v rovině zvukové realizace. Vertikální členění je tvořeno na základě profesních, sociálních a třídních odlišností, dialekty se vzájemně odlišují slovní zásobou a pohledem na okolní svět. Mezi vertikální dialekty (*говоры*) řadil i *блатную музыку*, neboť i kriminálníci tvoří určitou třídu, která sdílí společný pohled na okolní svět a na sebe sama. Argot kriminálních je podle něho založen na morfologii a fonetice ruského spisovného jazyka, ale odrážejí se v něm i zvláštnosti regionu, země, odkud daný kriminálník pochází (Трахтенберг, 1908, 12).

Dalším, který se obrátil o pomoc na J. B. de Courtenayho, byl P.P. Iljin, vězeň, který mu poslal svůj slovníček „Исследование жаргона преступников“ (1912). Ve slovníčku argotismy rozdělil nejenom podle sociálního, ale i teritoriálního principu, uvedl ukázky z obecného, vězeňského i ze specializovaného argotu. Uvedeme si pár argotismů z argotu prostitutek (tzv. *балабурный, балабарский язык*): *бум-бум* - módní účes prostitutky; *генерал* - syfilis; *отрава моя недорогая, дешёвка* - ošklivá prostitutka, která chodí skoro zadarmo; *фукаться* - kopulovat. Dále P.P. Iljin připojil přísloví, průpovídky, písně a legendy vězeňského folkloru, např.: „*Раньше был товарищ до гроба, теперь – до первого следователя*“, „*Одиннадцатую заповедь помни – не зевай*“. Je bezesporu, že měl jazykový cit, protože napsal: „... и язык преступника так же мрачен, как осенняя ночь, и так же груб, как тот нож, который вонзается в горло жертвы, или тот застенок, в котором томится потом представитель лагеря отверженных“ (Грачёв, 2005, 50-55).

¹² Lingvista A. A. Sidorov tvrdí, že etymologie je spojena s maďarským slovem *mente* - plášť, přehoz, jež se stalo označením policisty díky metonymii, poté přešlo do polského a odtud do ruského argotu (Жиганец, www). V kriminální subkultuře byly populární i sarkastické průpovídky: „*Менты – мои кенты*“, „*Сегодня кент, а завтра мент*“.

Dnes je toto slovo už součástí prostofecí, vzniklo i mnoho odvozených slov, např.: *ментозавр, ментяга, ментик* - policista; *ментовка, ментяря, ментура, ментхауз* - policejní stanice.

¹³ Tento argotismus se dostal do veřejného povědomí v 90. letech minulého století v době divoké privatizace, kdy se zvýšila portávka po nájemných vraždách - *мокрое дело, мокрота, мокруха*, které vykonával *мокрый дядя, мокрушник, мокрятник* (Дубягина, Смирнов, 2001, 103) či později *киллер*.

Cílem tohoto skromného příspěvku bylo seznámit čtenáře s názory ohledně vzniku argotu, s etapami jeho zkoumání (přičemž naše pozornost byla upřena pouze na první dvě etapy), s argotismy, které deklarují svéráznou psychologii, smysl pro humor a profesní zaměření svých mluvčích, přičemž jsme neopominuli zmínit ani etymologii těch nejznámějších.

Použitá literatura:

- RAI-GONNEAU, E. Vie de Kain. Bandit russe et mouchard de la tsarina. Paris: Institut d'études slaves, 2008. 384 s.
- БАЛДАЕВ, Д.С. Словарь блатного ворвского жаргона. В двух томах. Москва: Кампана, 1997. 368 s.
- БОНДАЛЕТОВ, В.Д. В. И. Даль и тайные языки в России. Москва: Флинта, 2004. 456 s.
- ГРАЧЕВ, М.А. От Ваньки Каина до мафии. СПб: Авалон, 2005. 384 s.
- ГРАЧЕВ, М.А. Из истории русского арго XI-XIII вв. *Wiener Slawistischer Almanach*. 1996, Bd. 37, s. 189-205.
- ГРАЧЕВ, М.А., МОКИЕНКО, В.М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. Санкт - Петербург: Фолио-Пресс, 2000. 256 s.
- ГУРОВ, А. И. Профессиональная преступность: Прошлое и настоящее. Москва: Юридическая литература, 1990. 304 s.
- ДАЛЬ, В.И. О наречіяхъ рускаго языка. In Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. Москва: Русский Язык, 1989, s. XLVIII-XCIII.
- ДАЛЬ, В.И. Петербургский дворник. In Физиология Петербурга. Москва: Советская Россия, 1984, s. 73-83.
- ДОРОШЕВИЧ, В.М. Сахалин (каторга). Москва: Типография И. Д. Сытина, 1903. 438 s. + 199 s.
- ДУБЯГИНА, О.П., СМИРНОВ, Г.Ф. Современный русский жаргон уголовного мира. Москва: Юриспруденция, 2001. 352 s.
- ЖИГАНЕЦ, Ф. Мой дядя, падло, вор в законе... Классическая поэзия в блатных переводах. Ростов на Дону: Феникс, 1995. 117 s.
- ЖИГАНЕЦ, Ф. Рыцари мента без шпаги. [2013-04-05] Dostupné z WWW: <http://www.proza.ru/2004/05/14-26>
- ЖИГАНЕЦ, Ф. Ярко светит месяц, тихо спит малина... [2013-04-05] Dostupné z WWW: <http://proza.ru/2007/03/31-103>
- ЖИРМУНСКИЙ, В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Ленинград: Гослитиздат, 1936. 297 s.
- КОЗЛОВСКИЙ, В. Собрание русских воровских словарей. Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1983. 225 s. + 230 s. +246 s. + 200 s.
- КРЕСТОВСКИЙ, В.В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в двух книгах. Ленинград: Художественная литература, 1990. 704 s.
- ЛЕОНТЬЕВ, А.А., ШАХНАРОВИЧ, А.М., БАТОВ, В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. Москва: Наука, 1977. 60 s.

- ЛИХАЧЕВ, Д.С. Арготические слова в профессиональной речи. In Статьи ранних лет. Тверь: Тверское областное отделение Российского фонда культуры, 1993, s. 95-145.
- ЛОБАС, Н.С. Убийцы (некоторые черты психофизики преступников). Москва: Т-ва И.Д Сытина, 1913.178 s.
- МАКСИМОВ, С.В. Сибирь и каторга въ трехъ частяхъ. С. Петербург: В. И. Губинский, 1900. 484 s.
- НОВИКОВ, И. О лукавом нищем. In Повести разумные и замысловатые. Москва: Современник, 1989, s. 442-443.
- ОВЧИНСКИЙ, В. Им все фо фени. [2013-05-16] Dostupné z WWW: <http://www.mk.ru/politics/article/2011/05/16/589378-im-vse-do-feni.html?cf716120>
- ПРИЁМЫШЕВА, М.Н. Тайные и условные языки в России XIX. в. 2 ч. СПб : Нестор-История, 2009. 465 s. + 695 s.
- ПУТИЛИН, И. Д. Очерк некоторых видов воровства в Петербурге In НЕЧЕВИН, Д.К., БЕЛЯЕВА, Л.И. Шеф сыскной полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин: Сочинения в двух томах. Т. I. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003, s. 356-375.
- СИДОРОВ, А.А. Жиганы, Уркаганы, Блатари. Подлинная история воровского братства 1917-1940 гг. Москва: Эксмо, 2005. 384 s.
- СИДОРОВ, А.А. Словарь современного блатного и лагерного жаргона (южная феня). Ростов на Дону: Гермес, 1992. 176 s.
- Собрание выражений и фраз, употребляемых в разговоре Санкт-Петербуржскими мошенниками. *Северная пчела*. 1859, № 282, s. 1129-1130.
- ТОПОРКОВ, А.Л. В. И. Даль. Условный язык петербургских мошенников, известных под именем музыки или байкового языка. *Вопросы языкознания*. 1990, № 1, s. 113-137.
- ТРАХТЕНБЕРГ, В. Ф. Блатная музыка: «жаргон тюрьмы». Санкт Петербург: Тип. А. Г. Розена, 1908. 116 s.
- ФАБРИЧНЫЙ, П. Язык каторги. *Каторга и ссылка*. 1923, № 6, s. 177-178.
- ЦЫБУЛЕВКАЯ, А.В. Эмотивный арготический лексикон: дис. ... канд.филол. наук: 10.02.01. Ставрополь, 2005. 176 s.
- ШАПОВАЛ, В. Миф об арго. *Родина*. 2006, № 8, s. 48-49.
- ШОР, Р.О. Язык и общество. Москва: Работник просвещения, 1926. 152 s.

Nikola Dědinová Bc. et Bc.

Filosofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze

Blodkova 8, Praha 3, 130 00

n.dedinova@seznam.cz

Ukončila bakalářské studium na politologii a východoevropských studiích na FF UK, dokončuje magisterské studium na katedře politologie a ráda by se v doktorském studium věnovala komparaci ruského a českého vězeňského argotu.

Гендерная специфика зооморфизмов-компонентов русских антипословиц

Надежда Мельник

Abstract: The article is devoted to the identification and description of gender features of zoomorphisms which are the elements of the Russian anti-proverb's composition. Zoomorphic lexemes represent semantic nominations of man and woman's features. Those zoomorphic images are interesting for a gender analysis. In transformed paremiaes by means of zoomorphisms such gender concepts as *femininity* and *masculinity* are reflected. On the basis of qualitative analysis of Russian anti-proverbs with a zoomorphic component which are selected in the lexicographic sources, the specific zoomorphic units with the metagender, masculine and feminine references are distinguished. The three groups of gender meaningful zoomorphic units are described.

Key words: cultural linguistics, zoomorphism, gender concept, anti-proverbs

В условиях современности одним из актуальных направлений лингвистики является изучение отражения характеристик человека в языке, в том числе и в гендерном аспекте. Гендер, или социокультурный пол, изучается как феномен, включающий в себя ряд социальных и психологических характеристик, а также культурных и ценностных установок, которые оказывают значительное влияние на поведение индивида в социуме.

Антипословицы – переделки традиционных паремий – представляют собой интересное явление в лингвистике. Это тексты, в которых контаминируются такие структурно-семантические единицы как модели традиционных паремий, лозунгов, рекламы. В них, в частности, отражается и подвергается оценке как недавнее прошлое, так и современные реалии.

В антипословицах или трансформированных пословицах, фиксируются три тесно связанных между собой объекта: язык, текст и культура, а эмоциональная экспрессивность является одной из форм экономии языковых средств. Трансформированные пословицы служат отражению современного взгляда на мир и ценности, свидетельствуют о демократизации языковых процессов в обществе. Благодаря современным средствам коммуникации, эти единицы получают широкое распространение в русскоязычной среде. Активизация употребления трансформированных пословиц происходит неслучайно, особенно в публицистике и разговорной речи. Авторские видоизменённые пословицы обладают нетрадиционной структурой и ролью в языке. В большинстве случаев они отражают современные культурные доминанты, явления, оценки, которым отдается приоритет в данном обществе в данный момент.

Первый и, на наш взгляд, наиболее существенный опыт лексикографического фиксирования антипословиц представлен в словарях Х. Вальтера и В. М. Мокиенко: «Пословицы русского субстандарта» (2001), «Словарь русских антипословиц» (2002),

«Антипословицы русского народа» (2005), «Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)» (2006). Также вопросами современной трансформации паремий активно занимаются Е.И. Селиверстова, Е. Е. Жигарина, О. Н. Антонова, Е.К. Николаева и др.

Намеренное употребление зооморфического компонента в качестве элемента трансформированных паремий – явление весьма распространённое и часто оказывается в центре внимания исследователей.

На протяжении последнего десятилетия появились многочисленные работы, посвящённые изучению зооморфных образов как единиц образной номинации человека (О.В. Галимова, Е.А. Гутман, А.А. Киприянова, Ф.А. Литвин, Ц.Ц. Огдонова и др.), а также труды по теории концептов и их языковой репрезентации (В.И. Карасик, З.Д. Попова и И.А. Стернин, Г.Г. Слышкин, В.Н. Телия и др.)

Интересными представляются исследования гендерных аспектов фразеологии и паремиологии, представленные в трудах русских учёных. Заслуживает внимания работа О.А. Васьковой, направленная на описание гендерной специфики фразеологических единиц с зоонимами (О.А. Васькова, 2006), исследование А.А. Киприяновой национально-культурных представлений о мужчине и женщине в зооморфной фразеологии и паремиологии русского языка (А.А. Киприянова, 1999), описание антропоцентрической семантики названий животных в связи с их полом Т.В. Шведчиковой (Т.В. Шведчикова, 1998), а также изучение зооморфных образов русского языка с точки зрения их способности репрезентировать концепты «маскулинность» и «фемининность» А.А. Шаровой (А.А. Шарова, 2010).

Несмотря на живой интерес к исследованиям разных аспектов данной проблематики, всё же вопросы, связанные с гендерными особенностями зооморфизмов, выступающих в качестве компонентов трансформированных паремий, не являются в достаточной степени изученными.

В. М. Мокиенко и Х. Вальтер (2005) полагают, что трансформации пословиц нуждаются в оперативной «словесной расшифровке», которая бы способствовала пониманию смысла данных образований. В своём сборнике «Антипословицы русского народа» термин «антипословицы» авторы объясняют как кальку с немецкого «Antisprichwörter», предложенного В. Мидером.

Согласно определению О. Н. Антоновой (2010), антипословица – это речевое образование широкого круга, это пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий.

Согласно нашему предположению, антипословица – это минипародия, главной целью которой является шутивное, иронизирующее рассмотрение определённых ситуаций, имеющих иногда провокационный характер.

Как отмечают многие исследователи, гораздо активнее стали использоваться в языке те трансформированные пословицы, которые возникли вследствие социально-экономических, политических перемен (Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Е.Е. Жигарина, Н. К. Кваша, Е.К. Николаева, Е.И. Селиверстова).

Всё чаще учёные приходят к выводу, что существует тесная взаимосвязь между установившимися в языковом социуме нравственными и эстетическими ценностями и составом паремиологического фонда данного сообщества. Антипословицы

оперативно реагируют на новые реалии общественной жизни, актуализируют их, а также появляются как протест против здравого смысла и назидательного тона традиционной народной мудрости, как «весёлая языковая игра, очищающий катарсис, карнавальная речевая маска уставшего от повседневной жизни Человека» (Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, 2005, 4).

Как отмечает В.С. Елистратов, при порождении антипословиц генерируется новый смысл: от конкретизации исходных позиций и развития идеи до полного их опровержения. Новый же лексический состав паремий переполнен обценизмами и деформациями слов (В.С. Елистратов, 2000).

Возникновение антипословиц и использование их в речи исследователи связывают с необходимостью пересмотра сложившихся в обществе стереотипов и заменой существующих нравственных установок. Пословица, таким образом, может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на «ритуализацию» мышления и поведения человека.

Рассматривая подходы в изучении гендерных особенностей зооморфной лексики, функционирующей в паремиологии, остановимся на рассмотрении данного явления в рамках лингвокультурологического подхода. Данный подход, разработанный русскими лингвистами Н.Д. Арутюновой, Е.М. Верещагиным, С.Г. Воркачёвым, В.И. Карасиком, В.Г. Костомаровым, В.В. Красных, В.А. Масловой, Г.Г. Слышкиным, В.Н. Телия, часто используется в гендерных исследованиях в целях выявления особенностей выражения в языке гендерных концептов «женственность» и «мужественность».

В рамках лингвокультурологических гендерных исследований категории мужественности и женственности рассматриваются как культурные концепты, которые находят свою репрезентацию в языке (А.А. Шарова, 2010; В.И. Коваль, 2007; А.В. Кирилина, 1999; Г.Г. Слышкин, 2003).

Гендерные концепты входят в разряд важнейших культурных концептов, так как присутствуют в каждой культуре, играют значительную роль в формировании языковой личности и взаимодействии индивидов, и также находят своё отражение в языке. Совокупность языковых средств, вербализирующих концепт в какой-либо период развития общества, определяется учёными как номинативное поле концепта (З.Д. Попова, И.А. Стернин, 2003). Значительную часть номинативного поля гендерных концептов составляют номинации лиц различного пола, в том числе и зооморфные образы.

По мнению А.А. Шаровой, изучение зооморфной лексики как средства номинации лиц мужского и женского пола и репрезентации гендерных концептов представляется весьма перспективным, так как «зооморфизмы не только позволяют описать внешность человека, особенности его поведения, физические, интеллектуальные, нравственные качества, эмоциональное состояние, но и несут в себе ярко выраженную оценочность, а также культурную специфику» (А.А. Шарова, 2010, б).

Вслед за А. А. Шаровой, А.А. Киприяновой и Ц.Ц. Огдоновой (А. А. Шарова, 2010; А.А. Киприянова, 1999; Ц.Ц. Огдонова, 2000), функционально-семантическая

группа зооморфизмов определяется как общность зоонимов (названий животных) в переносном значении, выполняющих функцию характеристики и экспрессивизации.

Как отмечают исследователи, зооморфные образы несут в себе чёткие коннотации с целью приписывания человеку некоторых признаков, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл.

Переносные значения у зооморфизмов возникают как результат метафоризации и творческого осмысления мира, а формируются на основе как общечеловеческих, так и национальных представлений о животных. Кроме различий в ассоциациях, связываемых носителями языка с тем или иным животным, национальная специфика зооморфизмов может проявляться в различиях в гендерной референции данных лексических единиц (т.е. способности относиться к лицу определённого пола), а также в употребительности (или же неупотребительности) названий животных мужского и женского пола для характеристики человека.

Лексические зооморфные единицы, которые репрезентируют гендерные концепты, определяются как гендернозначимые. На семантическом уровне они содержат информацию, способствующую актуализировать в сознании коммуникантов гендерные стереотипы и связанные с ними ограничения на их употребление по отношению к референтам мужского или женского пола (О.А. Васькова, 2006).

В связи с недостаточно полной разработкой темы исследования, нами была предпринята попытка группировки зооморфизмов-компонентов антипословиц по принципу фемининной, маскулинной и/или метагендерной референции.

Следует отметить, что существующие методики изучения гендерно значимых лексических зооморфизмов не являются наиболее оптимальными для применения в случае анализа зооморфизмов в качестве компонентов трансформированных паремий. В ходе анализа оказалось, что в качестве компонентов антипословиц одни и те же зооморфизмы часто используются их авторами для характеристики как мужских, так и женских черт характера или поведения, а в некоторых случаях те же зоолексемы имеют гендерно нейтральную окраску. В большинстве случаев именно семантика отдельной паремии определяет маскулинную, фемининную или метагендерную референцию зооморфизма.

В связи с приведёнными аргументами, считается необходимым представить собственную методику определения значимых гендерных концептов паремиологических единиц с зооморфическим компонентом на основе семантического анализа зооморфизмов в смысловом контексте конкретной паремиологической единицы.

На основании количественного и качественного анализа антипословиц, запечатлённых в словаре «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, было выявлено 116 случаев употребления гендернозначимых зооморфизмов. Из числа русских антипословиц с зооморфным компонентом было отобрано 88 паремиологических единиц, в составе которых встречались гендернозначимые зооморфизмы. Таким образом, зооморфизмы-компоненты паремий были условно отнесены к трём группам: зооморфизмы с маскулинной (23), фемининной (24) и/или метагендерной (41) референцией.

В результате качественного анализа 23 паремий, в составе которых встречается компонент-зооморфизм с маскулинной референцией, выяснилось, что наиболее употребительными зооморфическими лексемами, отражающими концепт «маскулинность» в русских антипословицах, являются следующие образы зооморфизмов: *конь, осёл, козёл, кот, слон, лев, медведь, волк, индюк, петух*. Наиболее яркими примерами зооморфных образов-элементов видоизменённых паремий являются, на наш взгляд, следующие: *Старый конь борозды не портит, он ляжет в неё и спит; Настоящему коту и в декабре март; Индюк тоже думал, пока петухом не стал; Сколько волка ни корми, а у слона всё равно больше; Мужики не волки: на кости не бросаются.*

К зооморфизмам этой группы можно отнести также такие лексемы, как *зверь, рыба, самец*, встречающиеся в следующих антипословицах: *На бабца и зверь бежит; Мужчина без жены как рыба без велосипеда; Меха для дамских шуб в большинстве случаев снимается с самцов.*

Для репрезентации концепта «фемининность» в 24 антипословицах чаще всего используются следующие зооморфные образы: *лошадь, кобыла, корова, тёлка, коза, свинка, кошка, обезьяна, курица/курочка, лебедь, лягушка, пчёлка*. В качестве наиболее ярких примеров функционирования зооморфизмов с фемининной референцией в паремиях-трансформах можем привести следующие: *Работа сделала из обезьяны человека, а из женщины – лошадь; Баба с возу – кобылой меньше; Лучшее молоко из холодильника, чем корова на кухне; Женщина за рулём как обезьяна с гранатой; Чтобы иметь осиную талию, нужно трудиться как пчёлка.*

Может показаться интересным то, что в этой группе наряду с таким ярко выраженным «фемининным» зооморфизмом, как *самочка* встречаются также зооморфизмы с маскулинной референцией *воробей* и *крокодил* в качестве семантических «антиподов» женственности: *Девушка не воробей: залетит – мало не покажется; Не верь девичьим слезам: крокодилы тоже плачут.*

Качественный анализ более 40 антипословиц, в составе которых встречаются зооморфизмы с метагендерной референцией, позволил выделить следующие зооморфные образы: *лошадь, кобыла, овца, собака, волк, медведь, зайчик, верблюд, обезьяна, горилла, носорог, соболь, курица, гусь, индюк, дятел, килька, осётр, щука, рак.*

Следует отметить, что в этой группе не менее ярко, чем в предыдущей, представлены негативные коннотации зооморфических образов, что прослеживается на примере следующих паремий: *Чует собака, чьё мясо съела; Как волка ни корми, всё равно – позорный; Носорог плохо видит, но при его весе это не его беда.*

Негативную окраску в контексте трансформированной паремии приобретают также зоолексемы *тварь, птица, рыба*: *Каждой твари – по хारे; Лучшее быть молодым щенком, чем старой райской птицей; Рыба гниёт с головы, но чистят её с хвоста.*

В структурном составе антипословиц встречаются и зооморфические биномы: *лев – осёл (Хочешь быть львом, не будь ослом), снегирь – барсук (Снегири не гири, барсуки не суки)*, которые также были отнесены нами к данной группе.

Зооморфизмы, условно отнесённые к третьей группе, в гендерном плане являются универсальными и могут выступать в паремиологии русского языка в качестве описания концепта «человек» с целью характеристики как мужских, так и женских черт характера, личностных качеств, манер поведения и особенностей внешности.

Представленные результаты анализа позволяют сделать вывод, что зооморфизмы-компоненты русских антипословиц по своей сути являются своеобразными лексемами-кодами, носителями запечатлённых в них гендерных концептов, благодаря которым формируется семантика целой паремии.

Зооморфизмы, выступающие в качестве компонентов русских антипословиц и отражающие концепт «маскулинность» или «фемининность», в большинстве случаев употребляются с целью описания на семантическом уровне существующих негативных социокультурных и полоролевых коннотаций.

В условиях современности в русских антипословицах на примере зооморфизмов также наблюдается смешение и недостаточно чёткое разграничение концептов «мужественность» и «женственность», что проявляется в соотношении концептуальных женских черт с мужскими зооморфическими образами и наоборот, а также в сопоставлении мужских качеств личности с зооморфизмами с ярко выраженной фемининной референцией.

Используемая литература:

- Вальтер Х., Мокиенко В. М., *Антипословицы в современной живой русской речи* // Антипословицы русского народа, СПб., 2005, с. 3-17. ISBN 5-7654-4001-0.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М., *Антипословицы русского народа*, СПб., 2005, 576 с. ISBN 5-7654-4001-0.
- Мельник Н., *Русские и украинские паремии с зоонимическим компонентом и их английские соответствия*, Wrocław, 2013, 153 с. ISBN 978-83-62571-46-8.
- Огдонова Ц. Ц., *Семантико-типологическая характеристика зооморфизмов* // Семантика языковых единиц. Доклады VI Межд. конф. Т. 1., М., 1998.
- Селиверстова Е. И., *Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость*, СПб., 2009, 270 с.
- Шарова А. А., *Гендерный аспект зооморфных образов (на материале русского и английского языков)*// Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. наук, Ярославль, 2010, 18 с.

Мельник Надежда Ивановна,

аспирант Института славянской филологии Вроцлавского университета (Польша)

Wydział Filologiczny Uniwersytetu Wrocławskiego,

Pl. Biskupa Nankiera 15, 50-140 Wrocław

Почтовый адрес: ul. Śępa-Szarzyńskiego 74/11, 50-334, Wrocław, Polska

E-mail: semperavanti.nadia@gmail.com

Родилась 4 мая 1983 г. на Украине. В 2005 г. окончила Сумской государственный педагогический университет им. А. С. Макаренко (Украина) с дипломом магистра по специальности «Социальная педагогика и английский язык», а в 2006 г. – с дипломом магистра по специальности «Педагогика высшей школы». В 2012 г. стала выпускницей Института славянской филологии Вроцлавского университета (Польша) с дипломом магистра по специальности «Русская филология». В этом же году пополнила лавы аспирантов на филологическом отделении Вроцлавского университета.

В 2013 г. в рамках серии *Philologica* в издательстве QUAESTIO (г. Вроцлав) вышла первая авторская монография «Русские и украинские паремии с зоонимическим компонентом и их английские соответствия».

Теонимы в творчестве русских поэтов 19 века

Juliána Bardzaková

Abstract: In the following research paper we will discuss “-onyms” (*teonyms*) within the works of the Russian poets in the 19th century. The extra attention has been paid to the meaning of the *teonyms* in poems of the various literary representatives. The important factors which have been observed in detail – the *religion* and *belief* – are in the contrast with the ancient world viewing. The aim of the research is to point out the high value of the poems. The paper adheres to the Russian and Slovak literary critics' viewpoints.

Key words: Teonyms, Onomastics, Russian poets

Люди всегда придумывали существа, к которым относятся и боги. Это связано не только с воображением, но и с необходимостью быть под защитой кого-нибудь, иметь возможность обратиться к кому-то и быть в нем уверенным. Греция и Рим как два центра древнего мира, являются источником возникновения богов и их наименований. Таким образом возникли имена богов и их иерархия на основе их свойств. Говоря о древнем мире и именах богов, нужно упомянуть термин из ономастики – *теоним*.

Русский специалист по ономастике А.В. Супрасецкая (2007) пишет о теонимах как о нереальной онимии, в которой появляются сакральные имена. *«Если ту часть нереальной онимии, которая является отражением реальной, можно назвать мифонимией, то сектор, не имеющий соответствия, очевидно, следует назвать теонимией. Вследствие дуализма религиозных представлений древних людей первоначальные духи или боги, когда-то наделенные разнообразными функциями и поступавшие благожелательно или неблагожелательно по отношению к людям и друг к другу, с течением времени разделились на добрых и злых, ср. дуализм бог и сатана в христианской религии.»* (Супрасецкая, 2007, стр. 9).

Теоним принадлежит к мифонимам. Это каждое собственное имя, которое называет божество в любом плане.

Название теоним состоит из двух слов греческого происхождения. Первая часть названия возникла от слова «θεός», что можно просто перевести как бог, или божество. Второе слово на греческом языке «όνομα». В переводе это значит имя.

К примерам можно отнести примеры известного русского языковеда Н.В. Подольской (1978, стр.132): *«Перун, Дажбог (Даждьбог), Стрибог, Волос (Велес), Мокошь; Зевс, Гера, Деметра, Посейдон, Аполлон, Афина; Будда, Шива.»*

Совокупность теонимов называется теонимия. Раздел ономастики, который изучает теонимы, закономерности их возникновения, развития и функционирования называется теонимика (Подольская, 1978).

Боги и их наименования имеют чудесную судьбу – никогда не жили, но они возникли благодаря фантазии простых людей Древней Греции или Рима. В настоящее

время они занимают важное место в пословицах, литературе, в названиях космических ракет, в произведениях скульпторов, живописцев, в созданиях драматургов и музыкантов, в обыкновенном общении. Многие из них будут существовать, пока будет существовать человечество (Zamarovský, 1980).

Из вышесказанного следует, что нашей задачей будет показ наличия теонимов в художественном тексте посредством анализа стихотворений. Следующее намерение связано с тем, что почти все писатели 19 века обращали свое внимание на Древний мир и трансформировали свои знания по этой теме в своем творчестве. Опираясь на информационные ресурсы специалистов по древней истории, литературе и ономастике, мы будем более подробно рассматривать то, как автор в стихотворении делится с адресатом своими знаниями по определенной тематике.

Постараемся показать это на первом теониме Авроры. Чтобы лучше понять этот образ, надо понять имя Авроры как богини греческой и римской мифологии.

Словацкий историк Войтех Замаровски (1980) считал Аврору римской богиней утреннего рассвета, в греческой мифологии называемой Эос. Легенда говорит о том, что она была дочерью Титана Гипериона и его жены Тейи. Богиня была красивой как утренний рассвет и любила все красивое, прежде всего красивых мужчин. Когда ей понравился незнакомый мужчина, она его похитила. Ее первым мужем был Титан Астрей и у них было много детей – звезды и ветры. После того она влюбилась в Титона, который стал ее вторым мужем. С ним она жила «на краю света», где они царствовали. Аврора любила его так сильно, что у главного из богов – Дия она выпросила для него бессмертие. Но у него не было вечной молодости и у нее на глазах он старел и превратился в сверчка. У них было два сына. Один из них умер без огромной славы, но второй – Мемон был одним из самых красивых мужчин и благодаря своей силе он стал начальником троянской армии, но скоро погиб. Аврора отнесла его мертвое тело в Эфиопию. Она не примирилась со смертью своего любимого сына. Слезы, которые текли по лицу Авроры, каждое утро появляются как роса на траве.

Замаровски (1980) тоже пишет, что в глазах греков Аврора представляет собой красивую женщину в одежде из шафрана, которая каждый день утром выходит из океана и несет с собой свет нового дня. Аврору люди изображали с большими крыльями и обычно на повозке с белыми или розовыми конями.

Образ Авроры, с которым можно встретиться в произведениях русских поэтов 19 века использовал и К. Н. Батюшков в своем стихотворении «Радость»:

*Сквозь слезы стыдливости
„Люблю!“ мне промолвила.
Как роза, кропимая
В час утра Авророю,
С главой, отягченной
Бесценными каплями,
Румяней становится, -
Так ты, о прекрасная!
С главою поникшею,*

*Сквозь слезы стыдливости,
Краснея, промолвила
„Люблю!“ тихим шепотом.
(«Радость»)*

То, о чем писал Замаровски, что Аврора конец своей жизни провела в тоске и печали, использовал Батюшков как один из основных мотивов стихотворения.

Литературовед Н.М. Гайденков (1971) говорит о том, что на Батюшкова сильно повлияла любовь к античности, что отразилось и в его поэтическом творчестве. В первом стихе описываются слезы и мы как бы слышим и видим плачущую Аврору. Как объяснял Замаровски, жизнь этой богини, роль, которую она играет в природе, факт что приносит свет нового дня, Батюшков тоже включил в четвертый стих этой строфы: *«В час утра Авророю...»*. Автор соединил два главных образа Авроры – Аврора как богиня раннего света и Аврора как мать сына, по которому плачет. Это образ матери, слезы которой представляют капли утренней росы.

Стихотворение дает информацию и о бедствии богини, о ее страдании и материнской боли. Все это приносит один стих: *«С главою поникшею...»*. Получается очень простой образ Авроры, который передает и Микеланджело приблизительно в 1520 г. в статуе Авроры над могилой Лоренцо ди Медичи во Флоренции. Микеланджело нам подарил материальное изображение, но Батюшков этот образ создал только словами. Это является реальным искусством.

Символ Авроры проявляется не только в стихотворении «Радость». Во втором его стихотворении с 1819 г. мы опять встречаемся с именем этой богини:

*Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы
При появлении Аврориных лучей,
Но не отдаст тебе багряная денница
Сияния протекших дней,
Не возвратит убежищей прохлады,
Где не жились рои красот,
И никогда твои порфирны колонады
Со дна не встанут синих вод.
(«К ТВОРЦУ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»)*

Автор, используя свои знания по мифологии, описывает процесс утреннего пробуждения при помощи стиха: *«При появлении Аврориных лучей...»*. К. Н. Батюшков опять употребил символ Авроры. Она снова выступает как источник росы.

Анализируя эти два стихотворения нам показалось, что Батюшков имел тенденцию вносить в них мотивы греческой мифологии. О том, что это не касалось только двух произведений, но всего его раннего периода творчества, высказал свое мнение и русский литературный критик Н.В. Банников: *«Мечту о счастливой и гармоничной жизни романтик Батюшков воплощал в стихах о Древней Греции...Глубокое ощущение земной радости, земной любви, обожествление*

человеческого счастья – характерные черты стихотворений Батюшкова в начале его творчества.» (Банников, 1981, стр. 298).

Словацкий литературный критик Ян Юричек (1978) высказал похожую мысль и утверждает, что Батюшков как предшественник Пушкина является представителем анакреонтической линии предромантизма. Его поэзия укрепляет внутреннюю свободу поэта.

Конечно, русские писатели не использовали только образ Авроры. Известной является и Афродита – богиня любви и красоты, самая красивая античная богиня. То, что боги имеют в греческой мифологии человеческий вид, является нормальным. Речь идет о антропоморфизации религии (Román, 1963). Происхождение Афродиты не известно, Гомер считал ее дочерью главного бога Дия. Наоборот, по мнению Гесиоды, Афродита является дочерью самого моря. «*Ked' Kronos vykliesnil svojho otca Urána a zvyšky jeho mužskosti hodil do penivých vln oceánu, z vody vínovej farby sa vynorila čarokrásna bytosť: z peny zrodená bohyňa Afrodita. Povstal vietor Zefyros a hučiace vlny zanesli bohyňu v lastúre na ostrov Cyprus. Zlatostuhé Hóry ju šťastné vítali, obliekli ju do nebeských šiat, hlavu jej ozdobili pekne uvitým vencom a na jemne klenutý krk jej zavesili drahocennú retiazku.*» (Román, 1963, стр. 126)

Поскольку любовь играет важную роль не только у людей, но и богов, Афродита занимала огромное место среди античных богов. Замаровски (1980) пишет, что у нее была такая сила, что статуя Пигмалиона получила от нее подарок жизни и он влюбился в нее. Но она не была счастливой, что касается любви. Иногда умела сделать чудеса, которые касались только силы любви. Благодаря своей красоте и этим чудесам, она стала одной из самых известных античных богинь.

Греки этой богине принесли много жертв, посвятили ей мирт, розу, яблоко, голубицу и др. Они построили много храмов и богиню Афродиту стали сравнивать с римской богиней Венерой. По словам Замаровского (1980), имя Афродиты известно до сегодняшних пор благодаря поэтам, художникам и астрономам. Необходимо сказать, что возникало много стихотворений, картин, статуй, посвященных богине. В качестве инспирации эта богиня сыграла важное место и в музыке.

В стихотворениях Батюшкова Афродита выступает под именем Кипридины. В стихотворении «Радость» с ее образом встречаемся уже в первых строках:

*Любимца Кипридина
И миртом и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!
(«Радость»)*

Автор уже в первых четырех стихах показал все, о чем писал Замаровски на нескольких страницах. Кратко он дает информацию о том, что греки ей посвятили мирт и розу, а также то, что со своими просьбами обращались к ней люди, которые хотели любить и не могли жить без любви – это прежде всего касается молодых людей, юношей и дев. Поэт использовал этот символ любви в начале и в последней строке, в которой повторяется образ Афродиты:

*И воды прозрачные,
И холмы парнасские!
Любимца Кипридина,
В любви победителя,
И миртом и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!
(«Радость»)*

Афродита выступает как символ любви и в других стихотворениях К. Н. Батюшкова, например, в стихотворении «О парижских женщинах». Эти женщины, по его словам, принадлежат к Кипридиным подругам. У них огромная могучая сила, мужчины не могут от них уйти. Автор опять использовал символ роз, которые типичны для Афродиты: «*Усейте розами дороги*».

Греческая мифология не была никогда одной целой частью, ни одна религия не существовала так, как мы ее знаем в настоящее время. Словацкий историк Роман (1963) пишет, что Гомер и Гесиодос были первыми, кто составил греческую мифологию и присудили богам главные черты. Во втором столетии д. н. э. Греция становилась частью Рима и вся мифология очень просто перешла в римскую.

Амур, как второй бог любви в греческом античном мире, соединяется с римским богом Эросом. Эрос не только бог любви, но и сама любовь. Амур считается сыном бога войны Ареса и богини любви и красоты Афродиты. По поводу его происхождения существует много версий. Историк Замаровски (1980) пишет, что по его мнению Амур родился вместе с богиней земли и существуют от начала всего. Самый главный бог очень хорошо понимал, что Амур принесет земле и ему. Он решил его убить, но Афродита не позволила этого. В течение нескольких лет Амур был в лесу и после того возвратился на Олимп. Там он всем понравился своей физической красотой. Сам Амур влюбился первый раз в простую деву Психею, которая принадлежала к людям, а не к богам. Афродите это не понравилось и поэтому главный бог принял Психею на Олимп и она вышла замуж за Амура.

В античном мире Амур принадлежал к тем богам, которых чаще всего изображали в художественном мире. Так было и в русской литературе, напр. В поэтическом творчестве А.А. Дельвига.

Дельвиг, точно так же как и Батюшков, использовал знания, касающиеся античного мира и в стихотворения включал имена богов – теонимы и приносил через них информацию, благодаря которой его литература является научной. «*Его элегии и идиллии – своеобразные формы прославления земных радостей, приятия жизни в ее естественных проявлениях, в интимных человеческих чувствах любви и дружбы. Анакреонтические мотивы в лирике поэта восходят к Батюшкову, но в них уже сильно влияние Жуковского и немецких романтиков, однако без присущего им мистицизма...Однако поэзия Д., несмотря на античный колорит, не лишена современного звучания. Античный мир воссоздан Д. не только в его внешнем проявлении, но и во внутреннем существе.*» (Гайденков, 1971, стр. 291).

Стихотворение «К Амуру» касается проблематики античности в творчестве Дельвига. В первой строке появляется информация о несчастной любви и лирический субъект по этой причине говорит Амуру:

*Еще в начале мая
Тебе, Амур жестокий!
Я жертвенник поставил
В домашнем огороде
И розами и миртом
Обвил его, украсил.
(«К Амуру», между 1814 и 1817)*

В первой строке получаем информацию о месяце мае и, как известно, именно май считается в многих культурах месяцем любви. Уже второй стих можно назвать стихом обращения к Амуру. «И розами и миртом - Обвил его, украсил.» - информация о происхождении Амура и его матери Афродиты, которой были роза и мирт посвящены. Из стихотворения нам ясно, что субъект влюбился в женщину, которая его не любила.

В стихотворении Н.М. Языкова «К халату» и с обращением к дальнейшему греческому богу - Аресу.

Арес – сын самого главного бога Дия и его жены Геры, - является богом войны. Аресу была суждена ужасная война, кровопролитие. Его не интересовали причины войны. За эти его качества его не любили ни люди, ни боги. Греки уважали его меньше, чем других античных богов. Перед началом войны они старались прежде всего склонить на свою сторону Афину, а не Ароя. Она всегда побеждала его своей мудростью. Афина является в греческой мифологии богиней справедливой и победительной войны. (Замаровски, 1980).

Арес принадлежал к молодым красивым мужчинам высокого роста со стройной фигурой, но крутых военных способностей и важным лицом. Этот факт говорит о том, что среди женщин он имел много любовниц. В конце концов, в него влюбилась и богиня любви и красоты Афродита.

Что касается Языкова и его стихотворения, он обращается к Арю в пятой строке первой строфы:

*Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отпад!
Пускай служителям Ароя
Мила и тесная ливрея;
(«К халату», 1823 г.)*

Как последний теоним, который тоже использовался в русской литературе 19 века, можно привести образ Гимена. Гимен – бог брака и защитник супружества.

Замаровски (1980) обдумывает возможности его происхождения. Точно он не знает, кто были его родители, но существуют две версии. По одной, он был сыном бога Аполлона и некоторой музы (Каллиопы, Урании или Терпсихоры). По второй, его отцом был бог Дионис и матерью богиня Афродита. Его неопределенное происхождение не было причиной неуважения со стороны людей, прежде всего новобрачных. На каждой античной свадьбе люди пели песни в его честь. Его имя стало всеобщим и представляло собой свадебную песню или только свадьбу.

По словам Замаровского (1980) существует также легенда, которая говорит о том, что Гимен первоначально не был богом, но бедным афинским юношей, который влюбился в красивую богатую девушку. Ее родители запрещали им встречаться. Тогда Гимен переоделся в другое – женское платье и принял участие с этой девушкой в праздновании в честь богини Деметры. На девушек напали морские разбойники и унесли их и с Гименом на далекий остров. Пираты этот успех отпраздновали и напились до бесчувствия. Гимен использовал данные возможности, овладел мечом и всех убил. Возвратился в Афины и провозгласил, что он приведет унесенных девушек только в том случае, если сможет жениться на своей возлюбленной. Под давлением общественного мнения, ее родители согласились с предложением. После того Гимен был очень счастлив и жил в таком счастливом супружестве, что об этом пелось в песнях на свадьбах. В конце концов, приняла его с женой в свою družину Афродита и добилась у бога Дия того, что он его повысил до бога.

Замаровски (1980) обратил внимание и на то, что в мифах встречаемся и с фракийским певцом песен на свадьбах – Гименаем. Его тоже считали сыном одной музы (Урании или Терпсихоры). Для римлян был таким богом бог брака – Таласиус.

Батюшков интересовался античной литературой, в своем творчестве использовал и некоторые античные символы. Большое влияние на это имел его дядя, в усадьбе которого он жил. *«По выходе из пансиона Б. жил у своего дяди, писателя и историка М. Н. Муравьева, отца декабристов Муравьевых, человека образованного и гуманного, противника крепостного права, горячего защитника просвещения. Он пробудил у Б. интерес к поэтическому творчеству, к философии французского Просвещения и к изучению античной и итальянской литературы эпохи Возрождения.»* (Гайденков, 1971, стр. 175).

Батюшков как основоположник русской лирики и один из важнейших представителей русского романтизма, ярко описывал внутренний мир человека, его душу. В анализированном стихотворении автор в первой строке употребил символ Лилы и имя античного бога Гимена. Лила выступает, – как божественная игра, целью которой является познание себя и своей судьбы. Территориальное и темпоральное происхождение этой религиозной игры присутствует в древнем мире. В стихотворении этот символ описывает ситуацию, в которой не присутствует эта игра, благодаря которой можно получить образ о жизни и нашей судьбе. Батюшков хорошо понимал правила этой игры и внес ее символику в произведение вместе с символикой бога Гимена. Гимена называет «унылым» и обвиняет его в несчастье словами *«Счастье улетело!»*.

*Нет подруги нежной, нет прелестной Лилы!
Все осиротело!
Плачь, любовь и дружба, плачь, Гимен унылый!
Счастье улетело!
(«На смерть супруги Ф. Ф. К <окошки>на», Апрель или май 1811)*

В последней строке автор опять обращает свое внимание на Гимена и определяет его состояние:

*Здесь Гимен, прикован, бледный и безгласный,
Вечною тоскою,
Гасит у гробницы свой светильник ясный
Трепетной рукою!
(«На смерть супруги Ф. Ф. К <окошки>на», Апрель или май 1811)*

В стихотворении чувствуем сильное желание счастливой любви. Тенденцию Батюшкова вкладывать свою мечту в творчество, описал Н. В. Банников: «*Мечту о счастливой и гармоничной жизни романтик Батюшков воплощал в стихах о Древней Греции, об Италии. Глубокое ощущение земной радости, земной любви, обожествление человеческого счастья – характерные черты стихотворений Батюшкова в начале его творчества.*» (Банников, 1981, стр.298).

Похожую символику божественной игры Лилы использовал Батюшков и в стихотворении «Разлука». Лила как средство самопознания коснулась большого места:

*Любви непобедима сила!
Она мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила, –
Чего страшиться мне?
(«Разлука», Между сентябрем 1812 и январем 1813)*

Автор направил внимание на эмоциональную сторону человека, на его внутреннее переживание. Банников использовал в своей книге слова критика, теоретика и историка литературы В. Г. Белинского о Батюшкове: «*Стих его,- писал о Батюшкове В. Г. Белинский,- часто не только слышим уху, но видим глазу: хочется ощупать извивы и складки его мраморной драпировки.*» (Банников, 1981, стр. 298). При анализе стихотворений Батюшкова можно придерживаться этого высказывания.

На основе теоретических сведений мы пришли к идее подтвердить присутствие теонимов в творчестве некоторых русских поэтов 19 века, потому что этот литературный период был вдохновлен Древним миром. Целью работы было рассмотреть стихотворения с точки зрения ономастики. Эту цель удалось реализовать. Русские писатели использовали много образов античных богов в виде теонимов. Эти образы нам удалось выявить при детальном анализе избранных стихотворений.

Предположение, что писатели должны были иметь обширные теоретические знания по культуре и истории Древнего мира и по астрологии, было доказано.

Подтвердилась гипотеза, что авторы вносили в свои художественные произведения свои знания для более высокого уровня общения с читателем.

Важность этой проблематики проявляется прежде всего в том, что ей до сих пор не уделяли пристального внимания. Более подробно рассмотрена ономастика собственных имен людей и географических названий. Что касается мифонимов, в том числе и теонимов, не существует столько научных работ. Целью было принести новый взгляд на менее употребительные ономастические термины.

Используемая литература:

- Juríček, J. *Malá encyklopédia spisovateľov sveta*. Bratislava: Obzor, 1978.
- Román, J. *Mýty starého sveta*. Bratislava: Obzor, 1963.
- Zamarovský, V. *Bohovia a hrdinovia antických báji*. Bratislava: Mladé letá, 1980.
- Банников, Н. В. *Поэты пушкинской поры*. Москва: Московский рабочий, 1981 г.
- Гайденков, Н. М. *Русские писатели. Биобиблиографический словарь*. Москва: Издательство «Просвещение» 1971 г.
- Подольская, Н. В. *Словарь русской ономастической терминологии*. Издательства «Наука», Москва, 1978 г.
- Супрасецкая, А. В. *Теория и методика ономастических исследований*. Москва: Издательство ЛКИ, 2007 г.

Вс. Juliána Bardzaková

Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta

Choňkovce 241, 072 63 Choňkovce, SR

jbardzakova@centrum.sk

Я, Юлиана Бардзакова, родилась 1.6.1990 г. в городе Собранце (Словацкая Республика). В 2009 г. я поступила в Прешовский Университет в Прешове. Я студентка 4 курса философского факультета специальности „Преподаватель русского и словацкого языков и литературы“. В 2012 г. я приняла участие во II Международном Студенческом Фестивале *Друзья! Прекрасен наш союз!*, проходившем в Варшаве. В 2012 г. я получила степень бакалавра. С 1.10.2012 по 30.11.2012 я прошла обучение в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина в Москве по программе Практический курс русского языка.

Театральный дискурс и образ российского провинциального театра

Анастасия Николаевна Дудина

Abstract: The purpose of an article is to present a specific image of the Russian provincial theatre in media. Through the prism of linguistic and cultural methods this research is based on regional press of the city Tomsk (Siberia). The article is devoted to theatre discourse and basic concepts, media concepts, which are fixed in a language and Russian mentality. Key aspects of the discursive image of the provincial theatre, semantic dominants, which have been defined and highlighted within this research, are reflected in the Russian language. I investigate the culture through the language, because the language is a basis of conceptualisation and representation “linguistic picture of the world” and “cultural model” of sociocultural space of the country.

Key words: Cultural Linguistics, Cognitive Linguistics, Discourse analysis, Theatre discourse, Provincial theatre

Интерес к лингвокультурологическим исследованиям и теории дискурса как к одним из наиболее активно развивающихся областей языкознания ежегодно растет, начиная с конца XX столетия. Лингвокультурология является одной из самых молодых дисциплин, которая появилась на стыке лингвистики и культурологии и изучает взаимоотношения языка и культуры в неразрывной связи с человеческой личностью – языковой личностью. Культура, язык, этнос, языковая личность, языковая картина мира (образ мира), менталитет, самобытность – ключевые понятия этой молодой, но очень перспективной науки, которая опирается на антропоцентрический подход к изучению языка. Данный антропоцентрический подход позволяет представить *«лингвокультуру как линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса»* (Воркачев С. Г., 2001, с. 64).

Актуальность лингвокультурологического исследования театрального дискурса и современных проблем провинциального театра определяется рядом факторов. Во-первых, в культурной традиции каждого народа и страны *театр воспринимается как центр духовной жизни, поскольку театр является зеркалом, отражающим социокультурные особенности конкретного общества с определенным мироощущением и мировосприятием, с определенной картиной мира*. Во-вторых, речемыслительный «портрет» театра на примере сибирского города Томска и лексическое воплощение образа провинциального театра в дискурсивном пространстве российских средств массовой информации позволит нам представить определенный срез картины мира русской лингвокультуры. В-третьих, актуальность данного исследования определяется представлением театрального дискурса и подходом к *театру как социокультурному и лингвокультурологическому феномену*. Феномен театрального дискурса в настоящее время малоизучен, что объясняется отсутствием фундаментальных трудов, рассматривающих театр не только как социокультурный феномен, но, прежде всего, как лингвокультурологический.

Медиатекст является предметом дискурсивного анализа в рамках театрального дискурса, который рассматривается в качестве *«знаково-символической деятельности, осуществляемой в публичном коммуникативном пространстве и обладающей обязательными свойствами: целостностью, связностью, информативностью, коммуникативно-прагматической направленностью, а также факультативно – медийностью (трансляция информации о театральном представлении через СМИ)»* (Шевченко А.С., 2012, с.10). Изучение медиадискурса является одним из приоритетных и перспективных направлений современной лингвистики. Рассматривая дискурс как совокупность текстов, объединенных каким-либо признаком, общей тематикой, *театральный медиадискурс* можно определить как *совокупность текстов средств массовой информации, посвященных театральному миру и театральной культуре города*. Особо стоит подчеркнуть значение медиаконцептов, которые представляют собой *«концептуальные доминанты современной медиасферы, ставшие средством формирования и трансформации массового сознания»* (Орлова О.В., 2012, с. 145). Таким образом, *медиаконцепт обладает миромоделирующим потенциалом* (Орлова О.В., 2012, с. 147). На основе анализа текстов СМИ, изучая семантику и аксиологию медиаконцептов, мы постигаем современную русскую картину мира, русский менталитет и социально-культурное пространство России.

Языковые единицы, такие как фразеологизмы, паремии, пословицы, метафоры, метонимические выражения, концепты культуры, в том числе медиаконцепты, отмечены этнокультурной значимостью, особым видением мира и стилем мышления. Данные единицы являются языковыми ключами к постижению современной русской картины мира (Орлова О.В, 2012, с. 145), благодаря которым мы можем представить лингводискурсивный образ провинциального театра в социокультурном пространстве России.

Эмпирическую базу данного исследования составили тексты СМИ, собранные нами в 2009-2013 гг., часть из которых была собрана и проанализирована в рамках магистерской диссертации. Выявление лингводискурсивной специфики образа провинциального театра осуществлялось на материале телевизионных новостных передач (Вести-Томск, ЧасПик), репортажей государственного радио «Томск», а также годовой подшивки местной прессы за 2009-2013 гг. («Томский вестник», «Красное знамя», «АиФ в Томске», «Выходной»), в том числе на основе информации, размещенной на томских Интернет-сайтах. Таким образом, через призму театрального дискурса, опираясь на региональную прессу западно-сибирского города Томска, мы хотим представить фрагмент языкового образа мира русской лингвокультуры.

Рассматривая провинциальные театры в качестве неотъемлемой составляющей каждой культуры и общества, **провинция** определяется нами как *важная и неотъемлемая единица культуры, в которой содержится и хранится полная информация о социокультурном пространстве страны*. Важно сохранять, поддерживать и развивать театральную культуру провинциальных городов, поскольку она является важной частью русской лингвокультуры. В Томске функционирует девять театров и театральных студий: зрелищный центр «Аэлита», драматический театр «Версия», театральная студия «Дикие кошки», камерный драматический театр «Интим», томский театр куклы и актера им. Р.М.Виндермана «Скоморох», Театр

Живых Кукол «2+Ку», Театр юного зрителя (ТЮЗ), Томский областной театр драмы, Театр актеров, кукол и теней «Этнос». Наиболее значимыми из них в театральной культуре города являются Театр юного зрителя, Томский областной театр драмы, драматический театр «Версия».

В текстах средств массовой информации преобладает, прежде всего, оценочная лексика, что, в свою очередь, отражается на восприятии и реакции общественности. Именно поэтому масс-медиа автоматически вызывают положительную либо отрицательную реакцию общества на то или иное событие, произошедшее в жизни города. Воздействуя как на отдельного человека, так и на общество в целом, СМИ неизбежно формируют определенные одинаковые эмоции и действия, которые находят свое отражение в языке и закрепляются в языковой картине мира представителей определенного социокультурного пространства. Таким образом, *«благодаря СМИ формируется общественное мнение – состояние массового сознания, заключающее в себе скрытое или явное отношение различных социальных общностей к проблемам, событиям действительности»* (Грушин Б. А., 1967, с. 65).

Необходимо отметить, что средства массовой информации и региональная пресса интерпретируют театральный мир города Томска и положение театров в культурной среде, как правило, негативно-оценочно, что в первую очередь касается финансовых трудностей томских театров, а также феномена *«провинциальности»*, который звучит как диагноз, поскольку первые ассоциации, которые появляются при слове провинциальный, – *«отсталый», «наивный», «простоватый», «второсортный»*. Определение *«провинциальный»* в русской лингвокультуре содержит в себе качественную критически-снижательную характеристику, которая отражается в неизбежном противостоянии «столичного» и «провинциального». В связи с этим в русской культуре много говорят о значении *«провинциального», феномене «провинциальности»* и *«провинциальной ментальности»*. Провинциальные театры постоянно сравниваются с театрами столичными (к ним мы относим театры Москвы и Санкт-Петербурга), на фоне которых успехи провинциального театра выглядят более тусклыми. Однако, несмотря на большое количество негативно-оценочной лексики, сама деятельность томских театров оценивается весьма положительно с преобладанием лексем с оценочно-положительной семантикой.

В ходе исследования нами было выделено несколько ключевых доминант: *«кризис», «реформа», «скандал», «перемены», «современность»*. Анализируя газетный гипертекст региональной прессы 2009-2013 гг., мы пришли к выводу о том, что в СМИ образ провинциального театра представлен как *проект негативный, болезненный и деградируемый, который надо спасти* (ЧасПик, 07.06.11). Средства массовой информации и местная пресса настойчиво фокусируют *символические смыслы болезненности театральной культуры города Томска* посредством концентрации *нездоровой* семантики деятельности томских театров (*болезнь, симптомы, оздоровить*) (Дудина А. Н., 2012, с. 245). *Оздоровление* театральной жизни города видится в переменах и реформировании, об этом свидетельствует театральный дискурс 2011-2013 гг., который сконцентрирован вокруг оценочно-разнопланового аспекта с семантическими доминантами *«реформа»* и *«перемены»*.

Семантическая доминанта «кризис» была выделена нами в качестве оценочно-негативного аспекта образа российского провинциального театра (*Несмотря на кризис и явный дефицит финансов; Непростая ситуация, которая зрела не один год, усугубилась сегодняшним экономическим кризисом; В этот кризисный период; Мы должны быть готовы к развитию кризиса, когда не будет хватать денег на зарплату*). Данная лексема в контексте театрального мира означает затруднительное положение театров, связанное с финансовыми трудностями, в первую очередь бюджетных театров, которые находятся на дотации государства. Однако, на наш взгляд, прослеживается неразрывная связь данной лексемы с лексемой *болезнь*: *кризис как переломный момент в течении болезни, который может привести как к улучшению состояния, так и к ухудшению*. Таким образом, данная лексема появляется в медиадискурсе не только в контексте мирового экономического кризиса 2009 года, но и в контексте *переломного момента, решительной поры переходного состояния*, согласно толковому словарю В. И. Даля (Дудина А.Н., 2012, с. 41).

Сфера культуры и театральной деятельности полна трудностей и препятствий, которые во многом связаны с проблемой финансирования и материальной поддержкой со стороны города, разрушением системы репертуарных театров, дотируемых государством. К основным проблемам российского провинциального театра также можем отнести: нехватку фестивалей и гастрольных поездок; фактически уничтоженный институт главных режиссеров; постоянную актерскую миграцию; маленькие зарплаты; низкую постановочную культуру; отсутствие театральной критики; трудное продвижение современной пьесы; отсутствие «Закона о театре»; культуру, которую «свели» к сфере услуг; частые столкновения местных властей с руководителями бюджетных театров. Это главные проблемы театрального мира не только города Томска, но и большинства других провинциальных городов, в которых прослеживается *мотив трудностей, препятствий и страданий* современного российского провинциального театра.

Нижепредставленный контекст является примером столкновения законодательной и исполнительной власти города с руководителями театров. Это столкновение касается неготовности театральных деятелей мириться со сложившейся ситуацией и тем, как воспринимается театр и культура в целом, что характеризуется лексемой «услуга»: *В государственном проекте «Россия 2020» записано, что надо «стимулировать развитие рынка услуг в сфере культуры». Наши спектакли, наши роли, над которыми мы мучительно бьемся, оказывается – услуги. Меня это бесит. Дело даже не в оскорбительных формулировках, а в том, что за ними скрывается оскорбительное отношение к культуре и к театру* (Выходной, 21.02.2009). Семантические свойства разговорного выражения «меня это бесит» сконцентрированы и выражены глаголом *бесить* (разг. «*приводить в крайнее раздражение, сердить*»), согласно новому толково-словообразовательному словарю русского языка Т. Ф. Ефремовой), который усиливает эмоциональность высказывания по отношению к культуре как к услуге и продукту, который необходимо продать (Дудина А.Н., 2012, с. 44).

Несмотря на многочисленные проблемы провинциального театра, закрепленные в региональной прессе, СМИ также насыщены семантикой активной преобразующей

деятельности по сотворению здоровой реальности и «оздоровлению» театров: *Помочь оздоровить ситуацию в театрах сможет только переход на новые принципы финансирования театрально-зрелищных учреждений, развитие менеджмента, перестройка системы управления и введение должностей художественных руководителей* (Красное знамя, 30.01.2009). Новая здоровая реальность видится в форме преобразования старого и необходимости коренного изменения в организации и управлении театров, создании театральной реформы и развитии в сторону урбанизации, индустриализации и нейтрализации в отставании в плане технических и технологических возможностей (*реформа необходима, модернизация, жажда экспериментов*) (Красное знамя, 30.01.2009). *Новый, развитие, перестройка, введение, возможности, модернизация, эксперимент, перемены, изменение, создание, свобода, осторожность* – главные репрезентирующие лексемы аксиологической доминанты «реформа».

Однако инициатива Министерства культуры о принятии театральной реформы, которая заключается в изменении статуса бюджетных учреждений и разрушении системы репертуарных театров, вызвала многочисленные споры и разногласия: *театральные деятели, в основном, заявляли о наступлении государства на свободу творчества, власти – об оптимизации деятельности театров и создании конкурентной среды на рынке зрелищных услуг* (Государственное радио "Томск", 11.11.2009).

Перемены и споры были также связаны с введением новой должности художественного руководителя театра: *должность директора в этом случае упраздняется, у худрука просто должен быть заместитель, занимающийся хозяйственными вопросами* (АиФ в Томске, 25.02.09). Новая модель управления в региональной прессе и театральном дискурсе города Томска рассматривается в качестве мощного импульса развития, который исключает модель «директорского театра», поскольку было заявлено, что данная модель себя исчерпала. Мотив переживаний актуализируется через сферу *осторожности* перед будущей реформой и неоднозначной оценкой. Однако для государственной власти *принципиально важно принятие областного закона «О театрах и театральном деле в Томской области»*, поскольку принятие этого закона будет означать реализацию реформы театрального дела. Несмотря на добрые намерения властей, попытка перестроить театры вызвала бурный скандал не только среди театральных деятелей, но и среди общественности, в связи с чем можно выделить оценочно-негативный аспект с семантической доминантой «скандал».

В медиадискурсе города Томска нововведения не вызвали единодушного согласия среди деятелей искусства, что, в свою очередь, подчеркивает неоднозначность и противоречивость ключевой лексемы *реформа* в дискурсивном пространстве региональной прессы; именно данная неоднозначность восприятия перемен, связанных с театральной реформой, привела к скандалу, возникшему после театрального фестиваля «Маска» в июне 2011 года. Лексема *скандал (случай, происшествие, громкая ссора, нарушающие порядок и позорящие его участников*, согласно толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой), которая неоднократно появляется в медиатекстах

региональной прессы, также подчеркивает негативную оценку театральной деятельности томских театров.

Началом конфликта стал спектакль «Отцы и дети: обыкновенный фашизм», поставленный на сцене Театра юного зрителя московским режиссером Евгением Лавренчуком, который принес на сцену ТЮЗа новое искусство и новое в искусстве — так называемый театр формы. Однако некоторые учреждения культуры и часть общественности не хотят и не готовы принимать на своих сценах подобное искусство. Главной причиной театрального скандала стало мнение томской общественности о том, что в Театре юного зрителя московским режиссером Евгением Лавренчуком были поставлены *спектакли* («Анна Каренина», «Отцы и дети: обыкновенный фашизм», «Дракон»), *которые развращают детей и молодежь*, в связи с чем не имеют права на существование в государственном театре.

Современное искусство нацелено на уход от классических постановок и появление на сценах театров современной драматургии. Однако современный зритель провинциального города к подобным переменам и «разрушению» традиционного театра с классическими постановками не готов, о чем свидетельствует театральный скандал в Томске и мнение общественности, которая выступила против экспериментов на театральной сцене. Публика провинциальных городов в большинстве своем консервативна, а подобные постановки и эксперименты воспринимаются как грубые, вульгарные и развращающие, пропагандирующие безнравственные ценности и забывающие о воспитательной функции, которую несет театр. Дихотомия *нового и старого, классического и современного, консервативного и новаторского* формирует речемыслительный «портрет» современного провинциального театра в России. Однако стоит помнить об особой внутренней противоречивости провинциальной культуры, которая заключается в том, что она достаточно консервативна и неуступчива, «новое» с трудом приживается и укореняется в ней (Дудина А. Н., 2012, с. 243).

Взаимодействие власти и культуры, выраженное столкновением власти и театральной общественности из-за разных взглядов на управление театрами и дальнейшее развитие театральной культуры в целом (ориентация первых на модернизацию и консерватизм других), стало одной из главных причин вспыхнувшего в Томске скандала. Победил театр формы: новым директором Театра юного зрителя («Театром нового зрителя») был назначен Владимир Казаченко (руководитель юридического отдела одного из крупных промышленных предприятий). Победитель, по словам бывшего начальника департамента по культуре Андрея Кузичкина, предложил концепцию развития Театра юного зрителя в *формате экспериментального авангардного театра для детей и молодежи*, где, помимо спектаклей, будут реализовываться интересные арт-проекты (Томские новости+, № 51 (611) 23.12.11).

В качестве одного из пунктов «Стратегии развития театров до 2020 года» областным департаментом по культуре была разработана программа по «перезагрузке» ТЮЗа. «Перезагрузка» ТЮЗа заключалась в новой модели управления и новом подходе к традиционному восприятию «Театра Юного Зрителя», что нашло свое лексическое и семантическое отражение в его переименовании в «*Театр Нового Зрителя*». Концепция Нового театра – концепция разного театра, который *расчитан на тех, кто*

болен инновациями (Томские новости+, №22 (582) 03.06.11). Таким образом, текстовое пространство средств массовой информации насыщено семантикой активной преобразующей деятельности по сотворению иной реальности в сфере театральной культуры, в центре которой находятся «инновации», «модернизация» и «современность».

У нас сейчас культура во многом еще советская. Ее нужно перестраивать, обучать новым подходам. Театр должен не только нести ценности, но и быть интересным. Над этим и нужно работать (Томские новости+, №22 (582) 03.06.11). В «Театре Нового Зрителя» акцент ставится на современность, современное искусство и современную драматургию, на появление экспериментальных и авангардных постановок на сцене провинциального театра. Новый театр будет говорить об окружающей реальности, о том, что происходит со страной и людьми, которые в ней живут, здесь и сейчас.

В региональной прессе и медиатекстах 2013 года сквозной линией проходит создание региональной концепции развития театрального дела, которая будет нацелена на решение кадровых и финансовых проблем. Согласно томской концепции, необходимо укрепить и модернизировать материально-техническую базу театров, повысить уровень профессионального образования и квалификацию кадров, поддерживать гастрольную деятельность, а также приглашать опытных режиссеров для разнообразия репертуара (Томские Новости+, 11.03.2013). Именно так выглядит новая идеальная и здоровая реальность нового театра, у которого появится новое лицо. В новой и здоровой реальности главный акцент ставится на современность и то, что принесет в жизнь театра свежую струю, а новое искусство позволит новаторству экспериментального театра победить над консерватизмом провинциальных городов.

Провинциальные театры находятся на стадии трансформации и вопрос о том, каким именно будет современный «новый» театр и новый культурный герой, остается открытым. Однако уже сейчас в русской картине мира в качестве ключевых концептов и медиаконцептов, содержащих в себе уникальную ментальную информацию и особую систему ценностей с панорамным представлением современной действительности, в ходе анализа региональной прессы и выявления лингводискурсивного образа российского провинциального театра можно выделить такие ключевые лексемы, как «кризис», «реформа», «скандал», «перемены», «современность». Данные лексемы, выявленные на материале региональной прессы города Томска, наиболее ярко и полно отражают образ российского провинциального театра и разворачивают вокруг себя определенные аксиологические поля. Данные семантические доминанты стали ключевыми в репрезентации образа российского провинциального театра в региональной прессе и являются основой представления фрагмента языковой картины мира русской лингвокультуры.

Используемая литература:

- ВОРКАЧЕВ, С.Г.: *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании*. “Филологические науки” 2001, № 1, с. 64-72
- ГРУШИН, Б.А.: *Мнение о мире и мир мнений*. Москва 1967, 400 с.

- ДАЛЬ, В.И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Москва 1999, 2726 с.
- ДУДИНА, А.Н.: *Образ провинциального театра в дискурсивном пространстве региональной прессы*. Магистерская диссертация под рук. к.ф.н., доцента О.В. Орловой, Историко-филологический факультет Томского Государственного Педагогического Университета. Томск 2012, 155 с.
- ДУДИНА, А.Н.: *Феномен провинциальности и образ провинциального театра в отображении СМИ (на материале русского и польского языков)*. БОЛЬШАКОВА, Н.В. (отв. ред): *Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве*. Материалы Международной научной конференции: в 2-х частях. Часть 2. Псков 2012, с. 241-246
- ЕФРЕМОВА, Т.Ф.: *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. В 2 т. Москва 2000, 2207 с.
- ОЖЕГОВ, С.И., ШВЕДОВА, Н.Ю.: *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд. Москва 1997, 944 с.
- ОРЛОВА, О.В.: *Исследовательский проект «Медиаконцепт как единица изучения русской лингвокультуры в польскоязычной аудитории»*. “Ежегодник Русско-польского института” 2012, № 2 (3), с. 144-150. Режим доступа: <http://ip-r.org/tocznik/archiwum22012/>, свободный.
- ШЕВЧЕНКО, А.С.: *Театральный дискурс: структура, жанры, особенности лингвистической репрезентации (на примере русского, английского, бурятского языков)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург 2012, 20 с. Режим доступа: <http://finec.ru/thesis/d15shevchenkoas.pdf>, свободный.

Дудина Анастасия Николаевна, магистр

Аспирант первого курса Филологического Факультета Вроцлавского Университета
ul. Spółdzielcza 24/6, 51-662 Wrocław, Polska
anastasia.dudina@gmail.com

В 2010 г. окончила Институт Культуры и Искусств Томского Государственного Педагогического Университета (ТГПУ) по специальности культуролог, специалист по межкультурным коммуникациям.

В 2010 г. после окончания Института Культуры и Искусств в рамках программы двойных дипломов между Томским Государственным Педагогическим Университетом (Россия) и Вроцлавским Университетом (Польша) обучалась в магистратуре Института Славянских Языков Вроцлавского Университета. Параллельно дистанционно обучалась в магистратуре Историко-филологического факультета ТГПУ. Занималась исследованиями в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и дискурсивного анализа, а также лингвокультурологическим аспектом в преподавании русского языка как иностранного.

В 2012 г. поступила в аспирантуру Филологического факультета Вроцлавского Университета. Под руководством профессора Кшиштофа Кусалья продолжила анализ

лингводискурсивного образа российского и польского провинциального театра в средствах массовой информации.

Референдум по законопроекту «Поправки к Конституции Латвийской Республики» в свете явления эвфемии

Elva Selecka

Abstract: The article will deal with the reflection of one of the most sensitive issues of modern Latvian society in the Russian-language press by means of euphemism: acceptance or rejection of amendments to the law on the status of Russian as the second state language. The article represents some trends emerging in the mass media in Latvia: based on the pragmatics of political correctness of assessment characteristics when epithets are softened (masked), which creates the effect of reducing the severity of the situation; changes in nomination system of historical processes when instead of ethnonyms demonyms are used to indicate the membership of a person of a particular locality. The article also illustrates a situation that occurred in the period preceding the referendum, when many printed media deliberately raised the severity of quotations to provoke the electorate to certain actions. The submitted material indicates that the main debate on the amendments is constantly developing following the “us and them” opposition which constitutes the entire discourse. As a result the society of Latvia, even in the mirror of mass media euphemisms, looks like a bi-communal formation.

Key words: Russian language in Latvia, euphemism, referendum.

В настоящее время процесс эвфемизации представляет собой интерес для исследователей, т. к. в современном мире протекает с растущей интенсивностью, становится более частотным по сравнению с прошлым, особенно в количественном соотношении.

Эвфемия как лингвистическое явление рассматривается в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы современного языка. Эвфемизм направлен на смещение эмоциональной доминанты высказывания с целью скрыть, завуалировать передаваемую информацию. Большинство эвфемизмов является результатом появления и закрепления новых социально-политических явлений.

Эвфемия с одной стороны есть отражение произошедших общественных изменений, т. е. констатация фактов, нередко – экстралингвистических, имеющих внеязыковую природу, с другой же стороны – эвфемия как явление сама способствует закреплению нового в языке, популяризируя его, привлекая к нему внимание. (Саакян, 2010, 7).

Эвфемизм, -а; м. [от греч. euphēmia – воздержание от неподобающих слов] *Книжн.* Слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-л. причинам неудобно или нежелательно произнести (по причине его табуированности, традиционного неприменения или грубости, оскорбительности, невежливости и т. п. (БТС, 1998).

Таким образом, эвфемизм как лексическая единица реализуется при помощи вторичной номинации и имеет свои особые языковые способы выражения. Эвфемия же является способом сокрытия затруднительных, проблемных ситуаций с созданием

нейтральных или псевдоположительных коннотаций, причем как с позиции говорящего, так и с позиции слушающего.

Одним из примеров эвфемизации может служить употребление камуфлирующих выражений в сфере дипломатии, как определенные круги, миротворческая акция, физическое устранение или ликвидация (вместо лексемы убийство).

Принятие / неприятие поправок к закону о статусе русского языка как второго государственного языка Латвии является одним из самых острых и «больных вопросов» для современного латвийского общества.

Русский язык в Латвии является вторым по распространенности языком бытового общения (2011. gada tautas skaitīšanas galīgie rezultāti, 2012), но в рамках закона о государственном языке, Valsts valodas likums (Valsts valodas likums, 2012), принятом в 1999 году, статус русского языка в Латвии не оговаривается. У русского языка в Латвии нет статуса языка нацменьшинств.

Анализ процессов эвфемии на примере современной латвийской прессы вызывает повышенный интерес исследователей и представляется крайне важным и актуальным в настоящее время. Зеркалом состояния языка, по мнению Ю. Н. Караулова, является язык средств массовой информации и политики (Караулов, 2001, 26).

Материалом проведенного исследования стал анализ высказываний, выделенных из текстов двух ежедневных газет на русском языке: издания «Час» (выпускается с 1997 года, тираж составляет 13 100 экземпляров) и издания «Телеграф» (существует с 2001 года, тираж 13 600 экземпляров).

Выборка публикаций осуществлялась в *период* с 19 сентября 2011 года по 18 февраля 2012 года.

Методами исследования явились метод сплошной выборки, количественный метод, метод анализа словарных дефиниций, метод контекстуального анализа и метод структурно-семантического описания.

В соответствии с показателем частотности были выделены определенные ключевые слова: *интегрировать, русскоязычный, латвиец, нелатыш, оккупация.*

Одним из самых частотных слов является лексема «интегрировать» и производное от него «интеграция», за указанный период времени употребляются в газете «Час» 36 раз, в газете «Телеграф» – 2 раза. Толковый словарь Ожегова объясняет эти лексемы следующим образом: «Интегрировать, -рую, -руешь; -а-нный; сов. и несов. вид. 1. Объединить (-нять) в одно целое (спец.). Экономическая интеграция (форма интернационализации хозяйственной жизни). Интеграция языков (объединение диалектов в единый язык)» (Ожегов, 1953, 219). Словарь Даля и Ефремовой придерживаются той же формулировки.

Лексемы употребляются в следующих контекстах: «Либо объединение поддерживает прогрессивную интеграцию русской общины в латышской среде, что означает признание латышского языка, как единственного государственного языка, так и чистку рядов объединения от почитателей советской Латвии, так и определенное дистанцирование от России. Либо же второй вариант – объединение будет проявлять русское националистическое настроение и дальше пойдет с этим флагом» (Каменев, «Час», 2011) или «Говорят же, что процесс интеграции двусторонний, т. е.

с обязательными компромиссами и уступками. Но нацменьшинствам уступать больше нечего, разве что согласиться с программой Элерте, направленной на ассимиляцию» (Молчунов, «Час», 2011).

Исходя из вышесказанного о дефиниции слова «интегрировать», представленной по данным лексикографии, можно сделать вывод, что в прессе лексема обретает и иной смысл – не только сплочение гражданского общества, лояльность к государству, но и некая потеря своей идентичности и отдаление от культуры. Такой смысловой «сдвиг» является ярким примером эвфемии в современной латвийской прессе.

Слово «русскоязычный» также частотно в газете «Телеграф», где оно было использовано 32 раза, а в газете «Час» – 23 раза. В словаре Ожегова дается следующее определение лексемы: «Русскоязычный, -ая, -ое. Относящийся к людям, живущим вне России, для которых русский язык является родным или вторым родным языком». В словарной статье приводятся следующие варианты употребления лексемы в контексте: «русскоязычное население, русскоязычные писатели (писатели нерусской национальности, пишущие на русском языке)» (Ожегов, 1953, 618). Остальные словари предлагают аналогичное определение.

Лексема употребляется в следующих контекстах: «В какой степени латышские политики готовы признать русскоязычную часть граждан как легитимного оппонента? Это знаменитое, ставшее уже практически фольклором выражение: «Мы кто? Вы никто!» характеризует политику значительной части латышской политэлиты, которая на протяжении 20 лет делала вид, что этой проблемы не существует» (Родионов, «Час», 2011) или «В сборе подписей за придание русского языку статуса государственного активно участвовала русскоязычная молодежь. Это означает, что уже новое поколение русскоязычных жителей Латвии живет в ощущении, что государство считает их гражданами второго сорта» (Сергеева, «Час», 2011). Русскоязычные в основном представлены гражданами второго сорта, партии которых всегда в оппозиции и школы их закрывают: «Действительно, первыми начали Дзинтарс и его компания, замахнувшись на святое для русскоязычных – школу» (Кириллов, «Час», 2011).

На третьем месте по частотности следует этнохороним «латвиец» – 29 примеров в газете «Час», в издании «Телеграф» – 8 употреблений за указанный период времени, например: «Мы все хотим жить в едином обществе, где люди уважают друг друга вне зависимости от национальности и родного языка. И где мы все вместе работаем на благо своей страны, страны, которую русскоязычные латвийцы точно так же, как и латышские латвийцы, считают своей Родиной». Словари Ушакова и Ефремовой дают следующее определение: «Латвиец, латвийца, м. Подданный Латвии...» (Ушаков, 1935–1940, 28). Возвращение к этнохорониму «латвиец», который указывает на принадлежность человека к определенной местности, обусловлено прагматикой политкорректности изменения оценочных характеристик, что снижает эффект остроты ситуации. «Латвиец» в публицистическом дискурсе выполняет функцию сплочения двухобщинного общества.

Частотным словом является лексема «нелатыш», неологизм, толкование которого отсутствует в современных толковых словарях; образовался в русскоязычном политическом дискурсе Латвии. Примеры употреблений – в газете «Час»: «Бывший

министр культуры Сармите Элерте предложила для будущего развития Латвии программу интегрирования нелатышей в латышское общество. Эта программа получила резко негативную оценку со стороны самих 'интегрируемых' (Ошская, «Час», 2011) или «А может быть, все проще: народом в Латвии считают только латышей – и демократия, Сатверсме (латышская конституция), законы-референдумы – это только для них? Тогда все сходится – попытка нелатышей вполне законным способом заявлять о своих правах никак не совпадает с «латышским пониманием» Сатверсме и противоречит базовым принципам национал-демократии» (Матюшенок, «Час», 2011).

Частотные слова «оккупант» и «оккупация». В газете «Час» использованы 10 и 13 раз соответственно, в газете «Телеграф» – 5 употреблений. Толкование в словарях: «оккупация» – это «1. Временное отторжение, захват чужой территории военной силой. 2. период такого захвата и пребывания гражданского населения на захваченной территории (разг.). Во время оккупации. Остаться жить в оккупации. II. прил. оккупационный, -ая, -ое (к 1 знач.). Оккупационные войска. О. режим». «Оккупантом» является «участник оккупации» (Ожегов, 1953, 401).

Вопрос оккупации и оккупантов в Латвии является очень сложным и спорным, но, тем не менее, в публицистическом дискурсе употребление слов «оккупация» и «оккупант» частотно и создает оппозицию «свой-чужой», провоцирует нетерпимость одной общины к другой, расслоение общества: «Ей, интеллигенции, вроде бы терять нечего, да и от кормушки ей много не перепало, но нет, ксенофобия оказалась сильнее – слова «оккупант», «оккупация», «нелояльный» звучат на латвийском государственном телевидении (общественным называть его теперь точно нельзя) с такой частотой, которой не наблюдалось уже лет двадцать. Закрытая вроде бы уже давно тема снова вытаскивается на белый свет и муссируется до онемения конечностей. Дело дошло до того, что некоторые латышские СМИ на полном серьезе принялись изучать, есть ли такой юридический статус – «оккупант»? Слава богу, выяснили, что нет, а то неизвестно, до чего бы в результате додумались...», (Хотеев, «Телеграф», 2011). «Лидер объединения Нил Ушаков говорит, что у него «нет аллергии» называть период советского правления Латвией «оккупацией». Но в то же время Ушаков отказывается принимать формулировку «оккупанты» в отношении тех, кто иммигрировал в Латвию в [советские] годы» (Шведов, «Телеграф», 2011) или «Консервативное «Единство» Домбровскиса правит вместе с партией реформ бывшего президента и с радикально экстремальным национальным блоком «Visu Latvijai! ». Последние отвергают любые возможности сотрудничества с русскими латвийцами, которых они [НБ] описывают как колонистов и оккупантов» (Молчунов, «Час», 2011). Острое выражение используется, чтобы склонить электорат в определенную сторону, т.е. голосовать за русский язык как второй государственный чтобы наконец освободиться от оскорбительного ярлыка.

Как показал анализ эвфемии на примере указанных изданий, русскоязычной прессе в Латвии свойственна тенденция образования таких неологизмов, как «нелатыш», «русскость», «латышскость», и эти же неологизмы образуют бинарные оппозиции и создают условия для противопоставления общин.

Особенностью русскоязычного дискурса в Латвии является употребление латышских слов, которые пишутся кириллицей, например, «Патриот, который несапрот» (не понимает), «латвиетиба» («латышскость»), «ак диевс» (о, Боже). Русскому языку диаспоры в Латвии в целом свойственно калькирование с латышского языка, но использование этих слов в дискурсе свидетельствует об ироническом отношении русскоязычных к этим понятиям, а также является своеобразной свернутой информацией для своих (человек, владеющий русским языком, но не владеющий латышским, не поймет, о чем идет речь в статье). «Ак диевс» – это частотное междометие используемое в случае удивления, поэтому его осознанно не переводят.

Основная полемика по вопросу принятия поправок к закону о госязыке устойчиво развивается в русле оппозиции «свой-чужой», которая конституирует весь дискурс. В результате латвийское общество, особенно в зеркале эвфемизмов СМИ, выглядит как двухобщинное образование.

Таким образом, эвфемизация в текстах печатных изданий латвийской прессы показывает, как грубые или резкие слова и выражения заменяются более мягкими, нейтральными, тем самым провоцируя так называемый семантический «сдвиг» в речи как пишущих, так и читающих; а также употребление более общих языковых конструкций реализуется при обсуждении негативно оцениваемых явлений, связанных с нежелательными, трудными для обсуждения темами.

Используемая литература:

- 2011. gada tautas skaitīšanas galīgie rezultāti. *Centrālās statistikas pārvaldes datu bāzes* [online]. 2011 [cit. 2012-11-02]. Dostupné z: http://data.csb.gov.lv/DATABASE/tautassk_11/2011.gada%20tautas%20skait%C4%AB%C5%A1anas%20gal%C4%ABgie%20rezult%C4%81ti/2011.gada%20tautas%20skait%C4%AB%C5%A1anas%20gal%C4%ABgie%20rezult%C4%81ti.asp
- *Valsts valodas likums* [online]. 1999 [cit. 2012-11-02]. Dostupné z: <http://www.likumi.lv/doc.php?id=14740>
- *Большой толковый словарь русского языка* [online]. Первое издание. Санкт-Петербург: Норинт, 1998 [cit. 2013-05-25]. Dostupné z: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
- ГЛУХИХ, Александра. Шкура неубитого правительства. *Телеграф*, 26.09.2011.
- ДАЛЬ, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. *Толковый словарь живого великорусского языка* [online]. 2008-2009 [cit. 2013-05-25]. Dostupné z: <http://slovardalja.net/>
- ЕФРЕМОВА, Татьяна. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* [online]. 2000 [cit. 2013-05-25]. Dostupné z: <http://www.efremova.info/>
- КАМЕНЕВ, Анатолий. О чем говорить будем? *Час*, 16.11.2011.
- КАРАУЛОВ, Юрий. О состоянии современного русского языка. *Русская речь*. Москва: Наука, 2001, с. 3. С. 25-28. ISSN 0131-6117.
- КИРИЛЛОВ, Павел. Бомба в песочнице. *Час*, 07.12.2011.

- МАТЮШЕНОК, Виктор. Референдум 1991 года - вне закона? *Час*, 09.12.2011.
- МОЛЧУНОВ, Вениамин. А ведь они знают толк в нацистах. *Час*, 04.11.2011.
- МОЛЧУНОВ, Вениамин. Заграница демократии. *Час*, 08.12.2011.
- ОЖЕГОВ, Сергей. *Словарь русского языка*. Москва: Издательство иностранных и национальных словарей, 1953, с. 401.
- ОЖЕГОВ, Сергей. *Словарь русского языка*. Москва: Издательство иностранных и национальных словарей, 1953.
- ОШСКАЯ, Ина. Ромуалдс Ражукс: «Для латышей язык это вопрос бытия!». *Час*, 14.11.2011.
- РОДИОНОВ, Владимир. Юрис Розенвалдс: «Латыши испытали шок». *Час*, 08.12.2011.
- СААКЯН, Левон. *Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения* [online]. Москва, 2010 [cit. 2013-05-25]. Dostupné z: <http://do.gendocs.ru/docs/index-78038.html>. Диссертация на соискание степени канд. филол. наук. Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина.
- СЕРГЕЕВА, Наталья. За статус русского языка. *Час*, 08.12.2011.
- УШАКОВ, Дмитрий. *Большой толковый словарь современного русского языка*. Москва: Советская энциклопедия, 1935, с. 28.
- ХОТЕЕВ, Андрей. Позитив среди сожаления. *Телеграф*, 18.10.2011.
- ШВЕДОВ, Андрей. Шкура неубитого правительства. *Телеграф*, 26.09.2011.

Вс. Elva Selecka

Lotyšská Univerzita

Ezeru 4-2, Sondori, Veremu pagasts, Rezeknes rajons, LV-4647, Latvia

elva.selecka@inbox.lv

Студентка 2 курса магистратуры факультета гуманитарных наук Латвийского Университета. г. Рига

Русский глагол *идти* с приставками в сопоставлении с чешским

Renata Mikulíková

Abstract: This paper aims at the issues of a selected Russian verb of movement with its prefixes. It compares the Russian verb “*idti*” with its Czech equivalent “*jít*”. The theoretical part of paper deals with the issues of word formation, while being focused on prefixation and on prefixes as such, namely on their grammatical and lexical meanings in Russian and Czech. A substantial part of the work is formed by the practical part which aims to carry out a detailed lexical analysis of prepositional verbs. Analysis of individual verbs was carried out with the help of Russian and Czech monolingual dictionaries and subsequent excerption of these verbs with the help of the Czech National Corpus and the Russian National Corpus.

Keywords: word formation, prefixation, prefix, meaning, verbs of movement

В лингвистике современного русского литературного языка одним из наиболее актуальных вопросов является проблема сочетаемости слов. Данное свойство представляет собой возможность употребления слова в предложении или высказывании. Сочетаемость регулируется системой и нормой языка и выражается во взаимодействии явлений разных языковых уровней. Глагол движения *идти*, особенно его префиксальные формы, обычно представляет большие трудности для студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Большое внимание в нашем исследовании уделяется морфемике и словообразованию. Изучение морфемике и словообразования дает ключ к пониманию процессов словообразования и словоизменения, связи между значением и структурой слова, словообразовательных связей родственных слов. Особое место в нашем исследовании занимает также префиксация. Исследования префиксального словообразования глаголов с теоретической и практической точки зрения актуальны, так как префиксация играет важную роль в обогащении глагольной лексики. Почти от каждого глагола при помощи префиксов можно образовать лексическую единицу с новым значением. Именно поэтому практическое усвоение префиксального способа словообразования имеет важное значение в пополнении активного словарного запаса студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Так как одной из важнейших черт префиксов является добавление оттенков значения мотивирующего слова, в основу настоящего исследования положено значение нами выбранных глаголов движения *войти, выйти, дойти, зайти, отойти, перейти, подойти, прийти, пройти, сойти, уйти* и их чешских эквивалентов *vejít, vyjít, dojít, zajít, odejít, přejít, podejít, přijít, projít, sejít, ujít*. В процессе практического анализа решались следующие конкретные задачи:

- 1) дать глаголам характеристику в исходных значениях
- 2) привести анализы совпадающих значений в чешском и русском языках
- 3) выявить расходящиеся значения чешско-русских глагольных пар

- 4) определить характер перенесенных значений в сравнении со значением настоящих приставок
- 5) создать графические схемы обнаруженных результатов и данных

В качестве основных источников исследования служат словари, примеры употребления были выбраны с помощью Интернета:

- 1) Толковый словарь русского языка под редакцией Ожегова
- 2) Словарь чешского литературного языка под редакцией Гавранка
- 3) Национальный корпус русского языка
- 4) Чешский национальный корпус
- 5) Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ
- 6) Переводческий комплект словарей под редакцией Копецкого

В анализе был использован комплекс методов и приемов для анализа фактического материала в соответствии с поставленной целью и задачами работы. Основные методы исследования — описательный и сопоставительный семантический анализ. Практическая часть дипломной работы структурирована так, что, во-первых, включена глава, в которой нами были выбраны значения глаголов из русских словарей, затем приводятся примеры из национального корпуса русского языка, далее следует глава с чешскими значениями глаголов и примерами употребления чешского национального корпуса. Каждый анализ закончен комментарием, в котором мы стремились выявить исходное значение глаголов движения, сходства и различия их значений в обоих языках. Если значения расходятся и глаголы не соответствуют по значению друг другу, то приводятся чешский или русский переводы.

Процесс нашего исследования демонстрируется на примере глагольной пары *uýtmi* — *ujít*. В данном анализе исходное значение *uýtmi* — *ujít* содержит исходное значение лексемы *идти* — *йти* и значение префиксов «у-» — «и-», сначала определяется исходное значение глаголов *идти* — *йти*, т. е. 'передвигаться, ступая ногами', потом определяется значение префиксов «у-» — «и-». Значение префиксов в данном анализе не совпадает, значит, не будут совпадать и исходные значения анализируемых лексем *uýtmi* — *ujít*.

Чешский префикс «и-» вносит значение 'завершенности действия, доведения состояния до какого-либо результата'. Соединение значения глагола *йти* и префикса «и-» получает значение 'идя, совершить какой-нибудь путь'. Приведенное значение сходится с исходным значением русского глагола *пройти*. Данный глагол также используется для выражения следующего сочетания *пройти 140 километров*. в русском языке. Чешскому сочетанию *ujít asi tři sta yardů* соответствует по значению русское сочетание *пройти 140 километров*.

Русский префикс «у-» обозначает 'направленность действия, движения от чего-либо, удаление, устранение, исчезновение чего-либо', отсюда следует, что исходным значением русского глагола *уйти* является 'идя, удалиться'. В одном из предыдущих анализов уже упоминалось, что значению 'идя, удалиться' в данном контексте соответствует чешский глагол *odejít*. Русскому сочетанию *отец ушел домой* соответствует по значению чешское сочетание *odešel domů*.

На основе данной структуры были проанализированы другие совпадающие значения. Итоги исследования были подведены в таблице контекстуальных примеров

совпадающих значений чешско-русских глагольных пар. Глагольная пара *uítu* — *ujít* совпадает только в одном значении.

Tabulka 1: Контекстуальные примеры совпадающих значений

<i>Uítu — Ujít</i>		
1	<i>отец ушел</i> домой	<i>Tajně jsem ušel</i> z domova

Приведенное значение 'идя, удалиться' в чешском языке сохранилось в качестве контекстуального примера *Tajně jsem ušel z domova*, которое однако является устаревшим и диалектным.

Во второй таблице — таблица расходящихся значений отдельных глаголов движения — значения глаголов были распределены в четыре группы. Классификация была составлена на основе соответствия анализируемого глагола движения и значения другого глагола, в котором:

- во-первых, сочетаются разные префиксы с глаголом движения *идти* — *jíti*
- во-вторых, сочетается анализируемый префикс с разными глаголами движения в русском и чешском языках
- в-третьих, сочетаются разные префиксы с другими глаголами движения в русском и чешском языках

и в-четвертых, значение выражается перифрастически или другим глаголом, а не глаголом движения, в русском и чешском языках

Для русского глагола *уйти* приводится следующая таблица:

Tabulka 2: Расходящиеся значений отдельных глаголов движения в русском языке

<i>Для русского глагола уйти</i>					
		I	II	III	IV
1	<i>отец ушел</i> домой	<i>odešel</i> domů	—	—	—
2	<i>ушел</i> из политики	<i>odejít</i> z politiky	—	—	—
3	<i>ушла</i> на пенсию	<i>odešla</i> na mateřskou	—	—	—
4	<i>ушла</i> молодость	<i>mládí odešlo</i>	—	—	—
5	<i>ушли</i> из жизни	<i>odešla</i> na věčnost	—	—	—
6	<i>ушел</i> в решение	—	—	—	<i>ponořit se, nadchnout se</i>
7	<i>чайник ушел</i>	—	—	—	<i>utéct</i>
8	<i>\$ 12, 2 млн уйдет</i> на строительство	—	—	—	<i>Být potřeba</i>

9	<i>Вода ушла куда-то</i>	—	—	—	<i>Spustit se, stéct, sestoupit</i>
10	<i>ушли от беды</i>	—	—	—	<i>Uniknout</i>

В связи с тем, что признак удаления в чешском языке содержит префикс «*od-*», со значением глагола *odejít* совпадают и некоторые другие значения русского глагола *уйти*, расходящиеся по значению с глаголом — первый столбик.

Русскому глаголу *уйти* в сочетании *ушел из политики* соответствует по значению чешский глагол *odejít* в сочетании *odejít z politiky*.

Русскому глаголу *уйти* в сочетании *ушла на пенсию* соответствует по значению чешский глагол *odejít* в сочетании *odešla na mateřskou*.

Русскому глаголу *уйти* в сочетании *ушла молодость* соответствует по значению чешский глагол *odejít* в сочетании *mláďi odešlo*.

Русскому глаголу *уйти* в сочетании *ушли из жизни* соответствует по значению чешский глагол *odejít* в сочетании *manželka odešla na věčnost*.

Остальные значения русского глагола *уйти*, которые расходятся по значению, несохраняющие в чешском языке ни анализированные префиксы, ни глаголы движения, выражаются с помощью следующих перифрастических оборотов или других глаголов — четвертый столбец:

Значению глагола *уйти* в русском сочетании *уйдет на строительство* соответствует по значению чешское сочетание *Být potřeba*.

Значению глагола *уйти* в русском сочетании *Вода ушла куда-то* соответствуют по значению чешские глаголы *Spustit se, stéct, sestoupit*.

Значению глагола *уйти* в русском сочетании *ушли от беды* соответствует по значению чешский глагол *Uniknout*.

Значению глагола *уйти* в русском сочетании *Я ушел в решение постановочных процессов¹* соответствуют по значению чешские глаголы *ponořit se, nadchnout se*.

Значению глагола *уйти* в русском сочетании *Кажется чайник ушел. Где чай?²* соответствует по значению чешский глагол *utéct*.

Для чешского глагола *ujít* таблица составлена следующим образом:

Tabulka 3: Расходящиеся значений отдельных глаголов движения в чешском языке

Для чешского глагола <i>ujít</i>					
		I	II	III	IV
1	<i>ujít asi tři sta yardů</i>	<i>пройти 140 километров</i>	—	—	—

¹ Национальный корпус русского языка. [online] 2003–2009. [cit. 2012-05-06] Dostupný z WWW: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=fol1&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F3%F8%E5%EB+%E2+%F0%E5%F8%E5%ED%E8%E5+%EF%EE%F1%F2%E0%ED%EE%E2%EE%F7%ED%FB%F5>

² Национальный корпус русского языка. [online] 2003–2009. [cit. 2012-05-06] Dostupný z WWW: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=fol1&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CA%E0%E6%E5%F2%F1%FF+%F7%E0%E9%ED%E8%EA%A0%F3%F8%E5%EB>

2	<i>Den nám rychle ušel</i>	День быстро прошел	—	—	—
3	<i>celkem to ujde</i>	как память сойдут	—	—	—
4	neujde trestu	—	—	избежать наказания	—
5	ušel mu značný výdělek	—	—	—	потерять
6	neušla mu ani jedna perla	—	—	—	упустить что
7	ušel z něj vzduch	—	—	—	утечь

В чешском языке аналогично существует вариант, соответствующий употреблению значения глагола *projít*, по образцу употребления исходного значения *ujít*

в чешском языке. Префикс «*про-*» указывает на 'завершенность действия, доведение состояния до какого-либо результата'. Описанное явление появляется в сочетании *Den nám rychle ušel*, в русском языке представлен контекстуальным примером:

- *День быстро **прошел** в работе, и ночь незаметно накинула свое покрывало на эти унылые скалы и зажатый между ними горный аэродром.*

Выражение с помощью другого префикса повторяется также в чешском сочетании *celkem to ujde* со значением 'хватить', которому соответствует русский глагол движения *сойти*, представленный контекстуальным примером:

- *Фотографии плохие, но как память **сойдут**.*

Следующим вариантом в выражении расходящегося значения в чешском сочетании **neujde** trestu является использование другого префикса и другого глагола движения. Чтобы выразить приведенное сочетание употребляется глагол *избежать*:

- *Врет это когда не просто от изоциренности ума, а с какой-то целью: **избежать** наказания, например, или **избежать** ответственности за поступок.*

В остальных случаях значение чешского глагола *ujít* выражается в русском языке другим глаголом:

Значению глагола *ujít* в чешском сочетании **ušel** mu značný výdělek соответствует по значению русский глагол *потерять*.

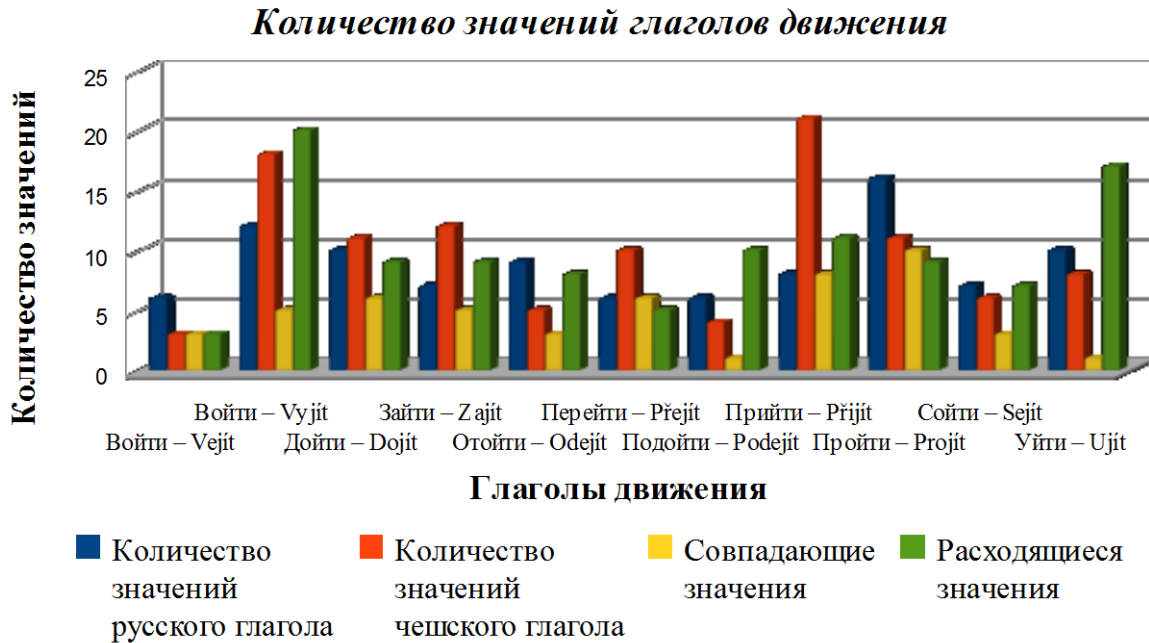
Значению глагола *ujít* в чешском сочетании **neušla** mu ani jedna perla соответствует по значению русский глагол *упустить что*.

Значению глагола *ujít* в чешском сочетании **ušel** z něj vzduch соответствует по значению русский глагол *утечь*.

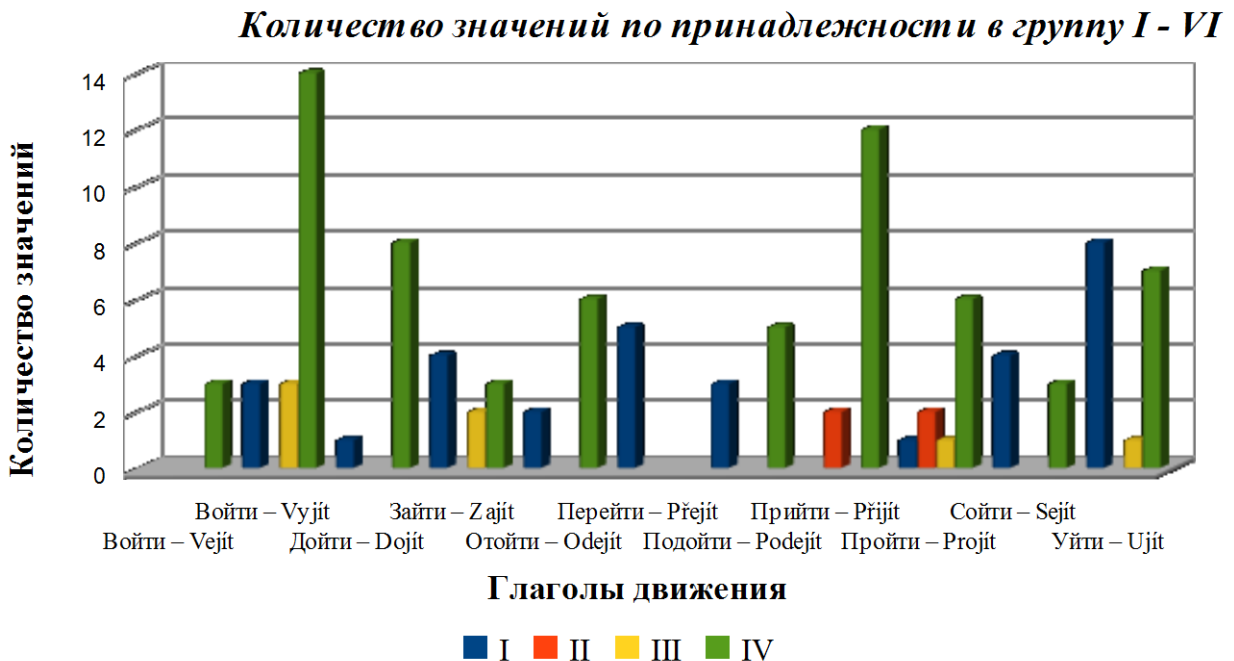
Аналогичным способом в данном анализе значений рассматривается 12 русских и 12 чешских глаголов. Всего было прослежено 199 значений. 51 из них было значение совпадающее (по парам = 102 значения) и 106 из них расходящиеся значения, всего 208 значений. Суммированное количество значений не совпадает с общим количеством значений, так как некоторые значения в одном языке слились в одно значение в другом и наоборот.

Результаты нашего анализа расходящихся значений полностью подводятся в следующих диаграммах:

Ilustrace 1: Количество значений глаголов движения

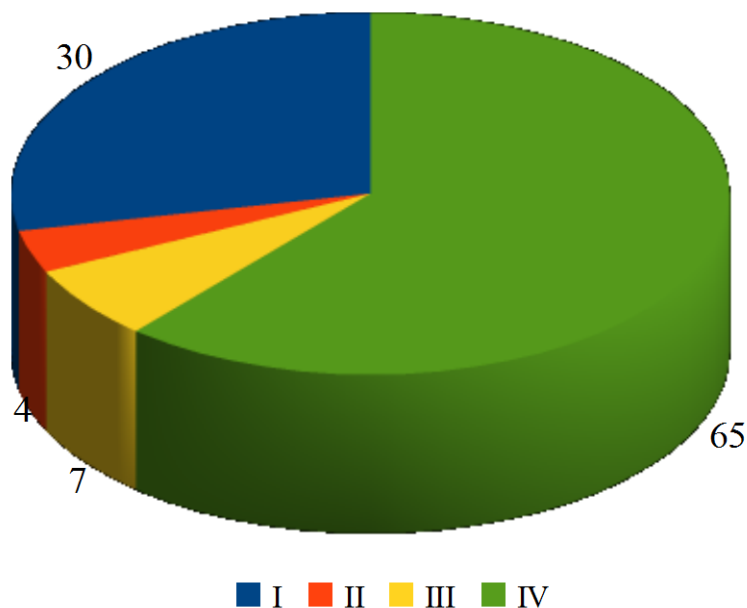

Ilustrace 2: Количество значений отдельных глаголов по принадлежности в группу I - IV

Ilustrace 3: Количество значений по принадлежности в группу I - IV

Количество значений по принадлежности в группу I - IV

Из диаграмм вытекает, что группы I — IV занимают приблизительно:

- I — 28,3 %
- II — 3,8 %
- III — 6,6 %
- IV — 61,3 %

Значит, наименее часто расходящееся значение глаголов выражается с помощью глагола, который соединяет анализируемый префикс с другим глаголом движения. В блоке красного цвета появляются только 2 примера. Наиболее частотное расходящееся значение данных глаголов движения выражено перифрастическим оборотом (блок зеленого цвета). Однако важнейшим для студентов русского языка как иностранного является блок синего цвета, в котором иллюстрируется количество расходящихся значений глаголов, выражаемое соединением разных префиксов с глаголом движения *идти* — *йти*. Именно эти глаголы будут представлять самые частотные ошибки студентов изучающих русский язык как иностранный.

Используемая литература:

- НЕМЧЕНКО, В.Н. *Современный русский язык. Словообразование*. Москва : Высшая школа, 1984.
- ОЖЕГОВ, С.И. *Словарь русского языка*. Москва : Русский язык, 1989.
- ШАНСКИЙ, Н.М. — ТИХОНОВ, А.Н. *Современный русский язык. Словообразование. Морфология*. Москва : Просвещение, 1987.
- *Национальный корпус русского языка*. [online] 2003–2009. [cit. 2012-05-06] Dostupný z WWW: <<http://www.ruscorpora.ru/index.html>>.

- CVRČEK, V. *Mluvnice současné češtiny*. Praha : Univerzita Karlova v Praze, Nakladatelství Karolinum, 2010. 353 s.
- DOKULIL, M. et al. *Tvoření slov v češtině*. Praha : Academia, 1967.
- HAVRÁNEK, B. *Slovník spisovného jazyka českého*. Praha : Academia, 1989.
- KOPECKÝ, L. V., et al. *Rusko-český slovník I A-O. II П-Я*. Praha : SPN, 1978.
- KOPECKÝ, L. V., et al. *Česko-ruský slovník I A-O. II P-Z*. Praha : SPN, 1978.

- *Český národní korpus — SYN2000*. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha.

Bc. Renata Mikulíková

Pedagogická fakulta Masarykovy univerzity v Brně

Zahrady 672,

Buchlovice 687 08

Renata.mikulikova@seznam.cz

Рената Микуликова — студентка пятого курса программы педагогического образования: Математика и Русский язык и литература. Она родилась 27-ого января 1989 года в городе Угерское Градиште. В 2008 году Рената окончила гимназию в родном городе и поступила в бакалавриат педагогического образования Педагогического факультета Университета имени Масарика. Бакалаврскую программу она окончила в 2011 году. В скором времени ей предстоит сдать государственный экзамен в рамках магистерской программы по подготовке учителя математики и русского языка и литературы.

**Заимствованные фразеологические единицы русского языка
с антропонимом в их компонентном составе, возникшие на основе
мифологических происшествий**

Nikoleta Doliničová

Abstract: Abstract in English: The article describes specific proper names in component composition mythological phraseological units of Russian language. This article in particular presents so called names-fact, which are associated with historical figure and names-general factors, which denote some man's characters. This antroponyms over the centuries became general names. Also given work offers insight into Greek mythology, which myths and legends become the seed for the formation phrasal verbs. This article based on the views famous russian linguists.

Key words: Phraseology, Phrasal verbs, Mythology, Proper names

Как ни один народ не может полностью существовать без контактов с другими народами, так и язык не мог бы в будущем более развиваться, если бы не принимал и не отдавал лексические элементы другим языкам. В русской фразеологии слияние национального и интернационального не является редкостью. С точки зрения происхождения, фразеологизмы делятся на исконно русские и заимствованные. Во фразеологическом фонде русского языка основную массу занимают родные выражения, хотя много фразем являются заимствованными из других языков. Ценнейшим источником, откуда заимствовалось значительное количество фразеологических единиц, является древнегреческий язык, культура и связанная с ней античная мифология.

Античная мифология является одним из самых глубоких колодцев в культурной истории человечества. «Миф – это первоначальная форма духовной культуры, объединяющая в себе начало познания мира» (Ушаков, 2009, с. 329). Разные мифологические повествования о деяниях древних богов и героев, предания о добрых и злых духах и фантастических существах, которыми языческие греки заселяли всё, что их окружало, стали источником для зарождения многочисленных фразеологических оборотов.

Фразеологические выражения порождены греческой мифологией – мифологизмы живут в русской фразеологии издавна. Каждый из таких оборотов восходит к какому-нибудь мифу или псевдоисторическому факту. Исторический мотив у большинства фразем античного происхождения может быть в настоящее время уже не общеизвестен, хотя некоторые из них всегда активно употребляются в речи. Для того, чтобы лучше понять, почему произвольное выражение, относящееся к мифологии, приобрело нынешнее значение, нужно знать нечто больше, чем целостное значение компонентов, составляющих данный оборот.

Древнегреческие мифы и легенды стали преимущественно источником для зарождения фразем с именем собственным – антропонимом. В именах греческих богов, царей, героев находится ключ к происхождению отдельных образных выражений. В. М. Мокиенко в своей книге «В глубь поговорки» объясняет, что антропонимы, входящие в мифологическую фразеологическую единицу, в большинстве случаев представляют собой так называемые имена-факты (Мокиенко, 2005, с. 198). Конкретно речь идёт об антропонимах, неразрывно связанных с конкретным мифическим лицом (**Ахиллесова пята, сизифов труд, Прокрустово ложе, Авгиевы конюшни** и т. п.). Но появляются и случаи, когда мифологические имена прошли процесс обобщения и стали обозначать определённые человеческие свойства или черты характера. Мокиенко приводит для таких антропонимов название «имена-общие знаменатели». Конкретно имеются в виду такие слова как *Цербер, Гарпия, Мегера, Нарцисс, Геркулес* или *Пенелопа*. Каждое из приведённых бывших антропонимов в современном русском языке функционирует как имя нарицательное, за которым закрепилась или положительная или отрицательная характеристика. Вот например *Мегера* – самая страшная из трёх древнегреческих богинь мщения, в переносном значении превратилась в символ злой и неживучей женщины. То же самое представление вызывает и имя *Гарпия*, представляющая в древнегреческой мифологии божество бури, изображавшееся в виде хищной птицы с головой женщины. Миф о Гарпиях попал даже в современную зоологическую терминологию. Орнитологи называют Гарпией большую южноазиатскую летучую мышь, которая, по-видимому, своим видом напоминает данные мифологические чудовище.

Древнегреческая мифология находит своё отражение и в растительном мире. Наверно, каждому известна легенда о красивом и душистом цветке – *нарциссе*. Этим именем звали юношу-красавца *Narkissa*, который был так увлечён своим прекрасным лицом, что влюбился в своё отражение в ручье. В наказание за это, боги его после смерти превратили в цветок. Подобно тому и лучистый цветок нарцисса, склонен набок смотрит нежно-жёлтыми глазками вниз, на своё отражение. В настоящее время данным словом можно обозначить самовлюбленного, любующегося собой человека.

В переносном значении в современном русском языке употребляется и имя *Цербера* (от греч. соб. имени Kerberos) – мифологической собаки-сторожа, охраняющего вход в ад (Ушаков, 2009, с. 915). Данный антропоним превратился в нарицательное имя, которое стало подходящим средством для обозначения злого, свирепного стража, следящего за каждым шагом. Таким образом имена некоторых мифологических персонажей превращаются в будничные наименования.

Интересными являются антропонимы мифических героев, вошедшие в компонентный состав фразеологических единиц. Большинство из них представляют собой так называемые имена-факты. Это тип имен, «отражающих назывную, индивидуализирующую функцию антропонимов» (Мокиенко, 2005, с. 198).

Наверно, каждому известно имя одного из самых смелых и сильных героев троянской войны – *Ахиллеса*. Его мать, морская богиня Фетида для того, чтобы сделала сына непобедимым и бессмертным воином, погрузила его в священную реку Стикс, держа младенца за пята, которой вода не коснулась. Пятка так осталась единственным уязвимым местом на теле героя. Во время войны, разгневавшийся

бог Апполон направил стрелу Париса в пятю Ахиллеса, для которого она стала смертельной. Таким образом мифологические лицо и событие стало источником возникновения фраземы **Ахиллесова пята** со значением 'самая слабая, уязвимая сторона кого-л' (Бирих, 2005, с. 585). Данное мифологическое выражение представляет собой по структуре номинативную фразему. В составе предложения может выполнять функцию подлежащего, именной части сказуемого или дополнения. Ср. «*Но была и у Дмитрия Ерофееча своя ахиллесова пята.*» В приведенном примере фразема «ахиллесова пята» выполняет роль подлежащего.

Многие обороты связаны с обозначением человеческой гордыни, которая привела двух древнегреческих царей – **Тантала** и **Сизифа** к невыносимым страданиям. Оба правители пытались перехитрить богов, повыситься на их уровень, чем их оскорбили. За это разгневанные боги прокляли и наказали Тантала и Сизифа. И так на многих языках выражение **муки Тантала**, или **танталовы муки** означает 'невыносимые мучения, вызываемые созерцанием желанной цели и осознанием невозможности её достичь' (Бирих, 2005, с. 454). Приведенная исконно греческая фразема имеет соответствие и в словацком языке, где о человеке, который находится в сложном душевном расположении говорится, что он испытывает танталовы муки (*prežíva Tantalové muky*). Данное по структуре номинативное мифологическое выражение, вступает в русском языке в синонимическое отношение с известнейшей русской поговоркой – **близок локоток, да не укусишь**, которая обладает сходным значением 'казалось бы и легко осуществить что-л., да нет возможности достичь желаемого'.

Мало кто не знает фразеологический оборот **сизифов труд**, который впервые появился в элегии римского поэта Проперция I. (Бирих, 2005, с. 700). В сравнении с Танталом Сизиф получил не менее жестокое наказание от бога Зевса, который его за оскорбление осудил на вечные муки в Аиде. Он должен был вкатывать на вершину горы большой тяжелый камень, который всегда, достигая цели, опять скатывался вниз. В переносном смысле выражение **сизифов труд** направлено на обозначение 'бесполезной, бесплодной работы' (Мокиенко, 2005, с. 178).

Сизифов труд не является единственным образным выражением в античной мифологии, обозначающим бесцельный, не имеющий конца труд. Фразема **бочка Данаид** (*книж. неодоб.*) постигает тот же самый смысл. Даже историко-этимологический словарь предоставляет два значения указанного оборота: 1) 'бесцельная нескончаемая работа', 2) 'бесполезный и бессмысленный труд' (Бирих, 2005, 64 – 65). На основе совпадающих значений, приведённые фразеологизмы можно считать синонимами.

Первое значение вытекает из мифа о Данаидах – пятидесяти дочерях царя Даная, которые по приказу своего отца в брачную ночь убили своих мужей. За совершенное злодеяние, они были осуждены богами навечно в подземном царстве Аида, наполнять водой бездонную бочку. В.М. Мокиенко предполагает, что образ бездонного сосуда был греками по-видимому создан на основе природного явления – исчезающей массы воды, которую поглощает морское дно, на месте, где по легенде были совершены страшные убийства (Мокиенко, 2005, с. 65).

С лексемой *бочка* известна и следующая единица мифологического происхождения, символизирующая оторванность от жизни или общества. О человеке, который остерегается людей говорится, что он **прячется в диогеновскую бочку**. Данное выражение представляет собой намёк на древнегреческого философа-киника Диогена, который считал жизнь между людьми в доме роскошью и так избрал местом пребывания бочку. Приведенная фразеологическая единица, отличается от вышеупомянутых своей структурой, осложненной предикатом *прятаться*.

К образным выражениям, которые происходят от имен легендарных древнегреческих лиц, относится и номинативная идиома **Эзоповский (Эзопов) язык**. Общеизвестно, что древнегреческий баснописец Эзоп был рабом. У него не было никаких прав и было опасно выражать свои мнения открыто Поэтому он о многих делах говорил в аллегорической, образной, басенной форме. Таким образом, если кто-нибудь говорит Эзоповским языком, то его речь «полна намеков, умолчаний или аллегорий» (Федосов, 2003, с. 593). Мифологическое выражение Эзопов язык сделал популярным писатель М. Е. Салтыков Щедрин, который для него придумал синоним «рабий язык». Указанная фразема употребляется и на других языках (напр. итал. *linguaggio esopico* или слов. *Ezopovský jazyk, ezopčina*) и поэтому имеет интернациональный характер.

В европейских языках имеет соответствия и всегда живая фразема **разрубить гордиев узел**. Уже самое понятие *узел* имеет символический характер. Зачастую его люди связывают с трудно решимой задачей, со сложным, запутанным вопросом. *Узел*, как объясняет «Словарь символов» – это один из древнейших индоевропейских символов препятствий, сложностей, «запутанности» (Тресиддер, 1999, с. 383). Образное словосочетание, в котором отразилась данная символика, возникло на основе античной легенды о фригийском царе Гордии, который в храме Зевса завязал такой запутанный узел, что его никто не мог развязать. В настоящее время выражение **разрубить гордиев узел** обозначает освобождение от сложностей. С точки зрения структуры данный мифологизм, также как и фразема **прячется в диогеновскую бочку**, представляет собой осложненный предикатом фразеологизм.

Не редким является случай, когда фразеологизмы приходят в фразеологический состав данного народа через два или три языка. Таким образом через древнегреческий и французский язык (*noeud gordien*) попало и упоминаемое выражение **гордиев узел**.

С мифом о герое Тесее, убившем в Критском лабиринте фантастического монстра Минотавра, связана номинативная фразеологическая единица **Ариаднина нить**. Именно благодаря клубку ниток, полученному героем от Ариадны, дочери критского царя Тесею после убийства Минотавра удалось выйти из лабиринта и спасти обреченных на съедение юношей и девушек. Нить представляла для афинского героя Тесея способ как выйти из затруднительной обстановки, спасти себя от гибели. (Бирих, 2005, с. 470 – 471).

Если человек находится в безвыходном положении, то говорится, что над ним висит **Дамоклов меч**. Самое понятия *меч* обладает необыкновенно богатым символизмом. Кроме своей защитной функции он является также «символом постоянной опасности и смерти» (Тресиддер, 1999, с. 221). В античной мифологии эту символику отразило уже упоминаемое по структуре номинативное выражение

Дамоклов меч из древнегреческого предания о фаворите сиракузского тирана Дионисия. Тиран во время пира посадил Дамокла на свое место на один день, но при этом прикрепил к потолку над его головой на конском волосе острый меч, желая чтобы Дамокл понял горечь счастья и благополучия правителя.

Указание на античный миф содержит в себе и фразеологизм **ящик Пандоры**, означающий 'источник всевозможных, несчастий и неприятностей'. Когда-то люди не знали, что такое страдание, болезнь и старость, пока Зевс не прислал на землю прелестную женщину в виде богини – Пандору. Она получила от Зевса коварный подарок – ларец (ящик), в котором были заключены все человеческие пороки. Подстрекаемая любопытством, красивая Пандора открыла сосуд и выпустила в мир все несчастья. С тех пор человечество страдает всякими бедствиями. Это выражение стало известным из поэмы древнегреческого историка Гесиода «Труды и дни». Теперь оно символизирует 'вместилище бед' (Гвоздарёв, 1988, с. 158).

Мифологизмы – выражения, связанные с греческой мифологией, представляют собой вторую большую группу фразем фразеологического состава русского языка. Подробный этимологический анализ единиц этого порядка, нам указал много признаков:

1. В первую очередь это фраземы заимствованные из древнегреческого языка.
2. Данные единицы содержат в себе указание на древний миф, античную литературу или на имя древнегреческих исторических лиц, которых специфический образ жизни, социальный статус или характеристическое свойство стали образными.
3. Во фразеологии других народов они стали настолько привычными, что многие люди употребляют их, не думая об их заимствованном происхождении.
4. С точки зрения структуры мифологические выражения можно структурировать как номинативные (**Ариаднина нить, сизифов труд**) и осложненные предикатом (**разрубить гордиев узел, прятаться в диогеновскую бочку**).
5. Почти все являются фразеологическими кальками из древнегреческого языка. Например, выражение **Танталовы муки** образовано посредством копировки соответствующего выражения в древнегреческом языке.
6. Если имеется в виду функционально-стилистический статус, то приведённые мифологизмы принадлежат к книжному стилю.
7. Большинство из мифологических идиом связывается с именем собственным, чётко привязанным к конкретной мифологической личности (**Танталовы муки, Ахиллесова пята**). Именно В. М. Мокиенко в своем труде «В глубь поговорки» занимается вопросом, как имена собственные, особенно антропонимы, в принципе слова, которые не имеют значения, участвуют в создании фразем.
8. Мифологизмы, заимствованные из древнегреческого языка появились и на других иностранных языках. Это говорит о том, что они стали интернациональными.

Обращение к мифам Древней Греции и именам отдельных античных героев необходимо исследователю мифологизмов. Особенно эти два средства ему дают некий ключ к поискам истинной семантической мотивации данных образных выражений.

Используемая литература:

- АЛЕФИРЕНКО, Н.Ф., СЕМЕНЕНКО, Н.Н. 2009. *Фразеология и Паремология: учебное пособие*. 1. изд. Москва : Наука, 2009. 344 с. ISBN 978-5-9765-0838-5.
- БИРИХ, А.К., МОКИЕНКО, В.М. 2005. *Русская фразеология: Историко-этимологический словарь*. 3. изд. Москва: Астрель, 2005. 926 с. ISBN 5-271-11199-7.
- ГВОЗДАРЁВ, Ю.А. 1988. *Рассказы о русской фразеологии*. 2. изд. Москва: Просвещение, 1988. 192 с. ISBN 5-09-000348-3.
- МОКИЕНКО, В.М. 2005. *В глубь поговорок*. 3. изд. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 256 с. ISBN 5-352-01349-9.
- ТРЕСИДДЕР, Д. 1999. *Словарь символов*. 1. изд. Москва: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с. ISBN 5-8183-0049-8.
- УШАКОВ, Д.Н. 2009. *Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция*. Москва: ООО Дом Славянской книги, 2009. 960 с. ISBN 978-903036-99-8.
- ФЕДОСОВ, И.В., ЛАПИЦКИЙ А.Н. 2003. *Фразеологический словарь русского языка*. 1. изд. Москва: Юнвес, 2003. 608 с. ISBN 5-88682-167-8

Вс. Nikoleta Doliničová

Prešovská univerzita v Prešove

Sobrance, Tibavská 5/9, 07301

NikoletaDolinicova@gmail.com

В настоящее время Николета Долиничова является студенткой первого курса, обучающаяся по магистерской программе на кафедре русистики Философского факультета в Прешове по специальности русский язык и литература – история. Прежде всего к предметам её интересов относятся вопросы, связанные с такими дисциплинами как фразеология, паремология и ономастика. Конкретно она занимается исследованием роли ономастики (в том числе антропонимии и топонимии) в русской фразеологии и паремологии. Целью её научных исследований является выяснение следующего вопроса, какую роль сыграли антропонимы – собственные имена людей при возникновении и формировании отдельных фразем, пословиц и поговорок. Преимущественно её заинтересовала русская народная фразеология и паремология. С темой *«Исконно русские фразеологические единицы и паремии с антропонимом в их компонентном составе»* она приняла участие в 9. студенческой научной конференции Прешовского университета. В 2012 году она закончила обучение на получение бакалаврской степени и защитила бакалаврскую работу под названием *«Ономастика в русской фразеологии и паремологии»*. В настоящее время она начинает работать над

своей дипломной работой, в которой она будет заниматься ономастикой и эпонимами, т. е. именами нарицательными, которые относились ранее к числу собственных.

Фразеосемантическая группа "денежные средства" в контексте делового общения на материале русского и польского языков

Dorota Drużyłowska

Abstract: The purpose of this paper is to analyse phraseosemantic group with the semantic component „monetary assets” in Russian and Polish language of business communication. In the paper the concepts of phraseosemantic group, phraseologism and business communication are described. The materials are classified and the main characteristic of them are revealed.

Key words: phraseologism, business communication, semantic component „monetary assets”, phraseosemantic group

Цель настоящей статьи - охарактеризовать фразеосемантическую группу, включающую в себя семантический признак "денежные средства", т.е. аккумулированные в наличной и безналичной формах деньги государства, предприятий, населения и другие средства, легко обращаемые в деньги. Цель исследования предполагает выполнение следующих задач: 1) определение понятия делового общения; 2) определение понятий фразеосемантической группы, фразеосемантического поля и фразеологической единицы; 3) лексикографический анализ; 4) классификацию фразеологического материала; 5) анализ семантических и структурных свойств фразеологических единиц, входящих в рассматриваемую фразеосемантическую группу.

Анализируя данную проблему, стоит определить понятие делового общения. "Профессионально-деловое общение в широком смысле представляет собой профессиональную коммуникативную форму деятельности.(...) Деловое общение - это сложный многоплановый процесс установления и развития профессиональных и деловых контактов между людьми, осуществляемое знаковыми средствами взаимодействие субъектов, которое продолжается потребностью в совместной деятельности и включает в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека о оказание влияния на него." (Химик, 2012, 47) Деловое общение включает в себя ряд разновидностей деловой речи. Её можно, во первых, разделить на письменную и устную. Письменная деловая речь реализует официально-деловой стиль с его подстилями: 1) собственно официально-деловым; 2) юридическим; 3) дипломатическим (Химик, 2012, 34). Каждому из них свойственны определённые жанры, напр. собственно официально-деловому (так называемому канцелярскому) документы личного характера, служебная корреспонденция, производственная документация (Химик, 2012, 73).

Самые значительные черты официально-делового стиля: 1) императивность и предписующе-долженствующее значение; 2) точность, не допускающая инотолкований; 3) неличный характер; 4) именной характер речи; 5) стандартизованность; 6) безэмоциональность, нейтральность и безобразность.

(Химик, 2012, 13-14). Своеобразной формой деловой письменной речи является электронная форма общения, характеризующаяся многими элементами устной речи, напр. просторечной лексикой, эмоциональной окраской и др., которые нарушают общепринятые правила традиционной переписки (Химик, 2012, 44).

Эти характеристики однако, полностью реализуемые в традиционных формах деловой письменной речи, не касаются её устной формы, в связи со спецификой устной речи вообще. Среди устного делового общения выделяются его разновидности: строго официальные устное деловое общение (т.е. протокольные его виды), официальное (непротоколируемое деловое общение в рабочей обстановке) и неофициальное деловое общение (деловое общение в нерабочей обстановке) (Химик, 2012, 149). Среди разновидностей устного делового общения можно выделить напр. деловую беседу, презентацию, переговоры, совещание, телефонный деловой разговор (Химик, 2012, 172-193).

Особым жанром деловой коммуникации является реклама. Выделяется также так называемый административно-деловой жаргон, т.е. речь определенной субкультуры государственных чиновников, служащих частных компаний, чиновников от политики (Химик, 2012, 324). Необходимо подчеркнуть, что сферы политики, бизнеса и администрирования тесно взаимосвязаны (Химик, 2012, 325).

Итак, деловое общение реализуется в очень широком спектре ситуации, в разных формах, на разных уровнях, что делает его структурой неоднородной. В ходе исследования мы сосредоточились на фразеологии официального и полуофициального делового общения, так как в строго официальной версии устной коммуникации, а тем более в письменном официально-деловом стиле фразеологические единицы в принципе отсутствуют, а неофициальное деловое общение, по нашему мнению, не отличается в плане фразеологии (кроме тематического спектра) от разговорной речи.

Проблема денежных средств является одной из важнейших тематических кругов делового общения. В статье М.В. Китайгородской - *Современна экономическая терминология* - автор исследует системные отношения экономической терминосферы и представляет экономическую лексику в систематизированном виде (Китайгородская, 1996, 168). Для организации современной экономической терминологии, Китайгородская предлагает распределение экономической терминологии по номинативным зонам, которые выделяются на основании экономической структуры, типичной для рыночного управления. Итак, выделяются номинативные зоны: *рынок, экономические предикаты, субъекты/контрагенты*, и - самая важная для нашего исследования зона - включающая в себя определения связанные с *деньгами (валютой), денежными знаками, ценными бумагами*. Предложенную классификацию считаем подходящей для классификации фразеологического материала делового общения.

В нашем исследовании, вместо понятия *номинативной зоны*, пользуемся понятием *семантической группы*, которая определяется как "совокупность ФЕ одного лексико-грамматического разряда, объединенных одним общим семантическим признаком" (Бирих, 1993, 99), будучи составной частью семантического поля, т.е. "совокупности ФЕ различных лексико-грамматических разрядов, объединённых определённым семантическим признаком (...)" (Бирих, 1993, 99). В рассматриваемую нами фразеосемантическую группу вошли фразеологизмы со структурой

атрибутивного словосочетания, со стержневыми словами с семантикой "денежные средства", т.е. *деньги, капитал, акции, облигации, векселя, валюта*, а также отсубстантивные прилагательные: *денежный, капитальный, валютный*. Данные фразеологические единицы свойственны деловому общению, т.е. мы не включили в исследование фразеологизмов с данным признаком, свойственных просторечию (хотя, как говорилось выше, они могут присутствовать в устном неофициальном деловом общении), а также пословиц и поговорок. Мы анализировали фразеологические единицы (включая составные термины), зафиксированные во фразеологических словарях русского и польского языков, двуязычных - русско-польских словарях, а также экономических словарях и словарях бизнес-терминов. Мы не включили перифраз (напр.: *презренный материал, звонкая монета, золотой телец, желтый дьявол*). При отборе материала, мы пользовались следующей дефиницией фразеологической дефиниции: "ФЕ - возникшая в результате фразеологизации, воспроизводимая в языке в любом акте речи как готовая единица более сложной организации, нежели слово" (Бирих, 1993, 89).

Таблица 1. Фразеосемантическая группа с семантическим признаком "денежные средства"

<i>Денежные средства/денежные ресурсы</i>		
<i>ФЕ в русском языке</i>	<i>Значение ФЕ</i>	<i>ФЕ в польском языке</i>
<i>Деньги</i>		
денежная масса	денежные знаки, находящиеся в обращении; денежные средства на счетах и во вкладах юридических лиц и граждан	1)masa pieniężna 2)masa pieniądza
белые деньги	временная национальная валюта в Латвии	-
грязные деньги	деньги, заработанные нечестным путём, добытые обманом, мошенничеством	brudne pieniądze
чистые деньги	деньги, заработанные честным путём	czyste pieniądze
а) дорогие деньги	удорожание кредита в результате мероприятий центрального банка	1)drogie pieniądze 2)drogi pieniądz
б) дорогие деньги	деньги, покупательная способность которых повышается	1)drogie pieniądze 2)drogi pieniądz
а) дешёвые деньги	удешевление кредита в результате мероприятий центрального банка	1)tanie pieniądze 2) tani pieniądz
б) дешёвые деньги	деньги, покупательная способность которых понижается	1)tanie pieniądze 2) tani pieniądz
пластмассовые деньги	кредитные пластиковые карточки, обеспечивающие безналичную оплату	plastikowe pieniądze

Lingvistická sekce – Лингвистическая секция

электронные деньги	платежные средства, представленные и обрастаемые в электронном виде, оборот которых гарантирует безналичные расчеты, осуществляемые посредством компьютерной сети, систем связи с применением средств кодирования информации и ее автоматической обработки	pieniądz elektroniczny
а) горячие деньги	краткосрочный спекулятивный капитал	gorący pieniądz
б) горячие деньги	о деньгах, имеющих у населения, на которые нечего купить из-за дефицита или отсутствия товаров	pusty pieniądz
денежный голод	одно из явлений, характерных для денежно-кредитных кризисов, выражающееся в недостатке наличных денег	głód pieniądza
отмывание грязных денег	легализировать наличие преступно нажитых денежных сумм	pranie brudnych pieniędzy
1. утечка денег 2. бегство денег 3. вымывание денег	неконтролируемый вывоз денег за границу	przeciek pieniądza
денежная иллюзия	типичная ошибка, когда изменения номинальных показателей принимаются за реальные изменения: интерпретация повышения зарплат (или цен на продаваемые товары и услуги, цен на активы) как реально получаемые выгоды, а не как часть общего процесса инфляции цен и заработной платы	iluzja pieniądza
<i>Kapitał</i>		
1. кочующий капитал 2. блуждающий капитал 3. плавающий капитал	совокупность ликвидных средств, быстро переводимых из одной валюты в другую	kapitał błądzący
1. мёртвый капитал 2. праздный капитал	все не дающее результатов, как и имущество, деньги, не приносящие дохода	martwy kapitał
1. замороженный капитал	капитал вложенный в ценные бумаги, не дающие дохода, без возможности	kapitał zamrożony

Lingvistická sekce – Лингвистическая секция

2. иммобилизованный капитал	выхода из инвестиции	
человеческий капитал	капитал в форме интеллектуальных способностей и практических навыков, полученных в процессе образования и практической деятельности человека.	kapitał ludzki
1. утечка капитала 2. бегство капитала 3. вымывание капитала	неконтролируемый вывоз капитала за границу	1.przeciek kapitału 2.drenaż kapitału
неприкосновенный капитал	капитал не подлежащий никакому расходованию	żelazny kapitał
Ценные бумаги		
ценные бумаги	процентные бумаги - векселя, облигации, акции	papiery wartościowe
Акции		
1. безголосная акция 2. неголосующая акция	акции, которые не дают их держателям права голоса, но гарантируют держателям определенный дивиденд независимо от полученной прибыли	1.akcja bez prawa głosu 2.akcja niema
многоголосая акция	акция, дающая акционеру право на несколько голосов на общем собрании акционеров	akcja wielogłosowa
дутая акция	акции, фактически не имеющие объявленной ценности, которая удерживается за счет поддерживающих акций	akcja wątpliwa
горячие акции	акции, имеющие повышенный спрос на биржевом рынке; обычно г.а. это дополнительная эмиссия акций, спрос на которые имеет устойчивую тенденцию к повышению	gorące akcje
Облигации		
1. детские облигации 2. мелкие облигации	облигации, эмитированные с номиналом меньше стандартного, общепринятого; обычно продаются с дисконтом из-за определенного интереса к ним на рынке	1.drobne obligacje 2.obligacje o małych odcinkach
мусорные облигации	ценные бумаги, с помощью которых инвестор может получить крупный доход, хотя кредитный рейтинг	obligacje śmieciowe

	данных облигаций очень низок; в мировой практике мусорные облигации выпускаются компаниями, которые не имеют солидной деловой репутации для привлечения денежных средств на краткосрочный период	
облигации самурай	облигации в иенах, выпущенные на японском рынке	obligacje samurajskie
облигации янки	облигации в долларах, выпущенные на американском рынке	obligacje jankeskie
Вексель		
1. бронзовый вексель 2. дружеский вексель 3. безденежный вексель 4. дутовый вексель	вексель, не имеющий экономического или правового основания, предназначенный либо для его учета и получения денег в банке, либо для искусственного увеличения долгов банкрота с целью создания фиктивных кредиторов	1. weksel grzecznościowy 2. weksel fikcyjny
Валюта		
больная валюта	валюта, имеющая тенденцию к падению курса (в капиталистических странах)	-
1. свободно конвертируемая валюта 2. твёрдая валюта	валюта, свободно обмениваемая на любую другую валюту или золото;	1. waluta swobodnie wymiennalna 2. twarda waluta
сильная валюта	устойчивая валюта со стабильным курсом, в отношении которой в обозримом будущем обесценивание не ожидается	1. silna waluta 2. mocna waluta
1. мягкая валюта 2. слабая валюта	национальная валюта страны, имеющей слабый платёжный баланс, пользующаяся относительно невысоким спросом; неконвертируемая или ограниченно конвертируемая валюта, которая подвержена относительно большим колебаниям из-за экономических и политических факторов	1. miękka waluta 2. słaba waluta
замкнутая валюта	национальная валюта, которая функционирует в пределах только одной страны и не подлежит обмену	waluta niewymiennalna
зелёная валюта	ЕЭС; коллективная единица по	waluta zielona

	расчетам за сельскохозяйственную продукцию	
валюта-убежище	сленговое биржевое понятие, которое определяет валюту, являющуюся средством хеджирования или временного сохранения активов в период кризисов или повышенной волатильности на рынках; в качестве убежища выступает валюта страны с наиболее стабильной экономикой и зачастую низкой процентной ставкой; исторически эту роль выполняют швейцарский франк и японская иена, а также золото как наиболее ликвидный инструмент на рынке	waluta schronienie
валютный коктейль	международная валютная единица, основанная на национальных валютах ряда стран	coctail walutowy
валютная утечка	неконтролируемый вывоз валюты за границу	przeciek waluty
1. валютная змея 2. валюты змеи	система согласованных валютных курсов между европейскими государствами; в 1979 г. роль "змеи" заменила новая коллективная денежная единица ЭКЮ - евро	wąż walutowy/ waluty węże
1. валютная корзина 2. корзина валют	набор используемых при котировке иностранных валют; определяет курс национальной или международной (региональной) валюты	koszyk walutowy
валютный коридор	пределы колебания валютного курса, устанавливаемые и поддерживаемые центральным банком посредством закупок и продажи валюты	korytarz walutowy

Анализ собранного нами материала позволяет охарактеризовать фразеосемантическую группу с признаком "денежные средства" в деловом общении русского и польского языков.

Большинство русских единиц имеет эквивалент в польском языке. Ссылаясь на самое распространенное разделение фразеологических эквивалентов на три группы: полные, частичные и безэквивалентные фразеологизмы, можем сказать, что в данной фразеосемантической группе преобладают полные эквиваленты. Под полными эквивалентами подразумеваются единицы тождественные по всем своим параметрам: семантике, лексическому наполнению, морфологической и синтаксической структуре.

Например: *грязные деньги* – *brudne pieniądze*, *чистые деньги* – *czyste pieniądze*, *дорогие деньги* – *drogie pieniądze*, *дешевые деньги* – *tanie pieniądze*, *мертвый капитал* – *martwy kapitał*, *горячие акции* – *gorące akcje* и др. Стоит обратить внимание, что единицы *дорогие деньги* и *дешевые деньги* имеют два эквивалента, в силу функционирования в польском языке единственного числа существительного *деньги* - *pieniądz*; соответственно, употребляются две формы: *drogie pieniądze/drogi pieniądze*, *tanie pieniądze/tani pieniądze*. Многие единицы находятся на грани полных и частичных эквивалентов: они обладают одинаковой образной основой, однако в силу отличий в грамматическом строе языка, не обладают тождественной морфологической и синтаксической структурой. В качестве примера можно привести фразеологизмы: *денежная масса* – *masa pieniężna*: в русском языке используется прилагательное + существительное, в то время как в польском может либо употребляться конструкция существительное + прилагательное: *masa pieniężna*, либо существительное (И.) + существительное (Р.): *masa pieniędzy* (букв.: "масса денег"). Есть и другие примеры: *облигации самурай*, *облигации янки*, в польском языке – *obligacje samurajskie*, *obligacje jankeskie*, т.е. данная единица реализуется при помощи прилагательного: *samurajski*, *jankeski*. Имеется также частичный эквивалент, где образная основа отличается, напр. *неприкосновенный капитал* – *żelazny kapitał*, т.е. железный. К безэквивалентным фразеологизмам можно отнести единицы: *белые деньги*, т.е. временная национальная валюта в Латвии, а также *больная валюта*, т.е. валюта, имеющая тенденцию к падению курса. В словарях польского языка эти единицы не фиксируются.

Наличие большого количества полных фразеологизмов может объясняться тем, что подобное явление происходит при проецировании понятийных категорий на язык: экономическая сфера предполагает наличие одинаковых понятийных категорий у носителей различных языков, что ведет к полному совпадению словообразований. С другой стороны, некоторое расхождение в понятийных категориях и существующих общих внеязыковых явлений дает простор для появления частичных тождеств.

Стоит подчеркнуть большое влияние английского на возникновение многих фразеологизмов, напр. *отмывание грязных денег* – *pranie brudnych pieniędzy* – *money-laundering*, *грязные деньги* – *brudne pieniądze* – *dirty money*, *мусорные облигации* – *obligacje śmieciowe* – *junk bonds*, *замороженный капитал* – *kapitał zamrożony* - *frozen capital*. Они функционируют также и в других языках, напр. немецком (*Geldwäsche*, *schmutziges Geld*, *eingefrorenes Kapital*), что позволяет судить об их интернациональном характере. Считаем, что такая ситуация связана с названием возникающих новых явлений в области денежных средств, свойственных рыночной экономике и одинаковых в разных странах. Это, в свою очередь, свидетельствует о поступающей интернационализации и глобализации мира бизнеса.

Внутри рассматриваемой фразеосемантической группы, как русского, так и польского языков наблюдаются синонимия, антонимия, а также полисемия между их элементами. Присутствие данных отношений свидетельствует о системном характере этой группы. Итак, примеры синонимов: *кочующий капитал/блуждающий капитал/плавающий капитал/горячие деньги*; в польском языке имеются только два эквивалента: *kapitał błędzący/gorący pieniądze*; *мертвый капитал/праздный капитал*, в польском языке – *martwy kapitał* ; *безголосная акция/неголосующая акция*, в польском

языке – *akcja bez prawa głosu, akcja niema*; *бронзовый вексель/дружеский вексель/безденежный вексель/дутый вексель*, в польском языке – *weksel grzesznościowy/weksel fikcyjny*; *утечка денег/бегство денег/вымывание денег/утечка капитала/бегство капитала/вымывание капитала*, в польском языке: *przeciek pieniędzy/przeciek kapitału/drenaż kapitału*; *слабая валюта/мягкая валюта*, в польском – *mięka waluta/słaba waluta*; *свободно конвертируемая валюта/твердая валюта*, в польском – *waluta swobodnie wymienna/twarda waluta* и др. В качестве антонимических пар можно назвать следующие: *грязные деньги - чистые деньги, brudne pieniądze – czyste pieniądze*, *дешевые деньги - дорогие деньги, tanie pieniądze – drogie pieniądze*, *твердая валюта - мягкая валюта, twarda waluta – miękka waluta*. Наблюдается также пример полисемии: *горячие деньги*. Одно из значений: краткосрочный спекулятивный капитал, переводимое на польский язык как *gorący pieniądz*. Второе значение: деньги, имеющиеся у населения, на которые нечего купить из-за дефицита или отсутствия товаров, в польском языке обозначаемое как *pusty pieniądz* (букв.: пустые деньги).

Многие фразеологизмы в данной фразеосемантической группе имеют образную мотивацию. Самым распространенным стилистическим механизмом внутри ФЕ является метафора: имеются как стертые (напр. *мертвые, замороженные, горячие деньги* или *утечка капитала*), так и живые метафоры (напр. *валютная змея, облигации самурай*). Наблюдаются также фразеологизмы с метонимическим характером, напр. *электронные* или *пластмассовые* деньги. Мы обнаружили несколько тематических групп, к которым относятся образы, лежащие в основе фразеологических единиц. Некоторые из образов ссылаются на физические свойства: объем (*денежная масса – masa pieniężna/masa pieniądza*), температуру (*горячие деньги – gorący pieniądz, горячие акции – gorące akcje, замороженный капитал – kapitał zamrożony*), материал (*пластмассовые деньги – plastikowy pieniądz*), текстуру (*мягкая валюта – miękka waluta, твердая валюта – twarda waluta*), цвет (*белые деньги, зелёная валюта – zielona waluta*). Присутствует также образ движения: *утечка денег/бегство денег/вымывание денег/утечка капитала/бегство капитала/вымывание капитала*, в польском языке: *przeciek pieniędzy/przeciek kapitału/drenaż kapitału*; *кочующий капитал/блуждающий капитал/плавающий и kapitał błędzący*. При том движение является быстрым, смутным, в чем отражается нелегальность описываемых денежных средств. Имеются также пространственные образы, напр. *замкнутая валюта, валютный коридор – korytarz walutowy*, а также – *pusty pieniądz*. Можно заметить и зооморфный образ: *валютные змеи/валюты змеи – węże walutowe*. Интересным примером считаем фразеологизмы – *дешевые деньги – tani pieniądz* и *дорогие деньги – drogi pieniądz*, так как в данных единицах деньги определяются некой характеристикой, которую можем считать их имманентной чертой: при помощи денег определяется стоимость товаров и услуг, т.е. дорогие они или дешёвые. Внимание обращает фразеологизм *человеческий капитал – kapitał ludzki*. Под этим понятием подразумевается капитал в форме интеллектуальных способностей и практических навыков, полученных в процессе образования и практической деятельности человека. Складывается некое впечатление, что человек в данном случае сводится к своим производственным способностям, что его стоимость оценивается как деньги. Стоит подчеркнуть, что насчитывается намного больше

фразеологизмов описывающих нелегальный характер денежных средств, в то время как легальности денег посвящается только одна единица: *чистые деньги*. Это связано с тем, что язык фиксирует отрицательные явления значительно чаще, а также с оценочным и, часто эмоциональным, характером фразеологизмов.

Анализ фразеосемантической группы с семантическим признаком "денежные средства", выявление её главных характеристик, позволяют сделать следующие выводы:

1) рассматриваемые фразеосемантические группы в русском и польском языках характеризуются значительным сходством, наличием фразеологических эквивалентов в данных языках; этот факт может свидетельствовать о том, что денежные отношения в русском и польском языковых пространствах одинаковые; многие из фразеологизмов носят черты интернационализмов, что считаем отражением поступающей глобализации;

2) системные отношения внутри языковых семантических групп позволяют думать, что они являются отражением системных денежных отношений в обществе и о тяготении как внеязыковой, так и языковой действительности к системности;

3) образная мотивация многих фразеологических единиц с семантическим признаком "денежные средства" позволяет судить об их эмоциональном и оценочном характере, который отражает эмоциональное отношение человека к денежным средствам.

Используемая литература:

- Jochym-Kuliszowska L., Kossakowska E., *Słownik rosyjsko-polski. Biznes i gospodarka*, Warszawa 2009.
- Konopielko B., *Słownik finansowy rosyjsko-polski*, Wrocław 1996.
- Lukszyn J., *Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski, rosyjsko-polski*, Warszawa 1998.
- *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*, oprac. Kłosińska A., Sobol E., Stankiewicz A., Warszawa 2005.
- Бирих А.К., Волков С.С., Никитина Т.Г., *Словарь русской фразеологической терминологии*, под ред. проф. В.М. Мокиенко, München 1993.
- Китайгородская М.В., *Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование)* In.: *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, отв. ред. Е.А. Земская, М.: Языки российской культуры, 1996, с. 163-235.
- Мокиенко В.М., *Новая русская фразеология*, Opole 2003.
- *Основы русской деловой речи. Учебное пособие*; СПб, Златоуст 2012, под ред. проф. В.В. Химика.
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.. *Современный экономический словарь*. — 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М. 479 с.1999.

Магистр Дорота Дружиловска

Институт славянской филологии Вроцлавского университета

Polska, 54-129 Wrocław, ul. J.Вajana 38/7

dorotadru@gmail.com

Магистр Вроцлавского университета (славянская филология), аспирант филологического факультета Вроцлавского университета в Институте славянской филологии; тема кандидатской диссертации: *Фразеологические единицы русского языка делового общения и их польские эквиваленты.*

Тут сам чёрт ногу сломит.

Фразеологизмы с инвективами, относящимися к мифологической сфере. Сравнительный анализ употребления в польском и русском языках.

Julia Klyus

Abstract: The purpose of this article is lexical-semantic analysis of the Polish and Russian idioms, including definitions of demonological sphere with offensive meaning, as well as proving whether they are still invectives, or maybe they change their meaning to euphemistic, according to conditions of rapid linguistic changes and semantic transformations both in Polish and Russian languages. To achieve this goal, we compared idioms, mainly related to the concept of devil «чёрт» and its derivatives.

Key words: phraseology, invective, euphemism, devil, demonology

Все более и более популярное употребление разговорной речи и невысокого языкового стиля и все более частое наличие инвективной лексики в языке СМИ, политики или публицистики является активным языковым процессом конца двадцатого и начала двадцать первого столетия. Данное явление неразрывно связано не только с лингвистикой, но и с социологией, то есть его необходимо рассматривать сквозь социолингвистическую призму. С точки зрения антропоцентрической парадигмы науки, значительным является вопрос адекватной интерпретации деструкционных проявлений языковых реализаций.

Конфликтогенная сфера в последние годы вызывает все больший лингвистический интерес. Мокиенко называет экспансию вульгаризации *социальной болезнью*, которая вызывает огромные описательные трудности. (Мокиенко, 1998, 231) Рассмотрением этой области занимается социо- и психолингвистика, лингвоэкология или юрислингвистика. Существенным в данном случае, является определение того, как проявляется конфликтогенность в данном языке, то есть определение понятия инвективы. Автор первого русского словаря по проблематике агрессии и человеческой деструктивности Д. В. Жмуров предлагает следующую дефиницию:

***Инвектива** - форма выражения агрессии, феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, или языковой оборот, воспринимающийся в той иной культуре как оскорбительный для своего адресата (Можейко, 2003). Исследователи усматривают два вида инвективы: агрессивную и эксплетивную (Дмитриенко, 2006). Если первая характеризуется намерением говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, то вторая представляет собой «междометную инвективу»: использование табуированной лексики для выражения собственного отношения к описываемой ситуации.*

Однако, надо помнить, что по мере развития языка в нем происходят такие процессы, как семантические преобразования и многие языковые единицы семантически трансформируются из одного лексического пласта в другой, с совершенно иной окраской. Так происходит и с инвективами, которые могут эвфемизироваться, но обратные процессы также наблюдаются.¹

«Pojęcia z tego zakresu oznacza się zwykle nazwami maskującymi, mającymi bardzo ogólną, aluzyjną treść. Po pewnym okresie użycia takiego eufemizmu następuje swoiste „wyrównanie” jego wartości semantycznej do oznaczanego nim desygnatu. Mianowicie tradycyjna treść «niewinna», dawniej dla wyrazu podstawowa, zanika i wobec tego stabilizuje się on w znaczeniu zwężonym, już nie mającym charakteru przenośnego, aluzyjnego»² (Buttler, 1978, 70).

Целью настоящей статьи является проведение лексико-семантического анализа польских и русских фразеологизмов, включающих в себя определения из демонологической сферы и имеющих инвективную окраску, а также проверка того, являются ли они в дальнейшем инвективами при учете условий стремительных языковых изменений. Для достижения данной цели было проведено сравнение ряда фразеологизмов, главным образом относящихся к понятию *черт* и его дериватам.

Лексема «черт» относится к лексике из области демонологии, которая на протяжении многих столетий была табуизирована в славянских языках. Понятие табу уже изначально относилось к сфере культа, и только позже стало терминологическим компонентом научных дисциплин:

«Zjawisko, którym się tu zajmujemy, dotyka sfer biegunowo różnych: od świętości do skrajnego wulgaryzmu. Mówiąc o nim, niepodobna pruderyjnie ominąć wszystko co drastyczne (...) Wyraz tabu znany w Europie od przeszło dwustu lat, a oznaczający początkowo egzotyczne tu zakazy kultowe, upowszechnił się w językach europejskich, poszerzając zakres swego użycia. Wszedł do terminologii różnych dyscyplin nauk społecznych (jak etnologia, psychologia, językoznawstwo»³) (Leszczyński, 1988, 9).

Лещинский утверждает, что табу исходит из нормативного акта. Так, например, поговорка *«Nie mówi się o sznurze w domu powieszzonego»⁴* не обозначает категорического запрета, но подразумевает некую деликатность и вежливость по отношению к адресату высказывания, когда например слово *potęra* заменяет слово *śmierć* и выполняет эвфемистическую функцию (Leszczyński, 1988, 12).

¹ См. Ключ Ю., *Почему инвективная лексика является инвективной – семантическая трансформация лексем с негативной окраской*. Труды X Международной научной конференции «Инновации в науке, образовании и бизнесе». Ч. 2. Издательство ФГБОУ ВПО «КГТУ», Калининград, 2012, с. 330-332.

² «Понятия из данной области обозначаются обычно маскирующими названиями, носящими обобщенное, аллюзионное значение. После длительного употребления такого эвфемизма происходит некое сравнение его семантики с обозначаемым им определением. Точнее, невинное содержание, ранее основное для десигната пропадает и он стабилизируется в зауженном значении, не имеющем переносного характера» Перевод автора.

³ «Понятие, которым мы занимаемся, касается совершенно противоположных областей: от святости до крайней obscenity. Говоря о нем, невозможно ханжески пропустить то, что является резким (...) Слово *табу*, известное в Европе более чем двести лет, изначально обозначающее экзотические культовые запреты, распространился в европейских языках, и область его употребления расширилась. Оно вошло в терминологию разных дисциплин социальных наук (таких как этнология, психология, языкознание)» Перевод автора.

⁴ «У повешенного дома не говорится о веревке». Перевод автора.

Лещинский перечисляет следующие причины табу:

- отождествление лексемы с вещью или явлением, которое она обозначает (языковая магия);
- вежливо-дипломатическое табу (относясь к кому-то с уважением, мы не упоминаем о его недостатках, слабостях, плохих поступках);
- запреты, определяемые хорошим вкусом, опасением перед нетактичностью (Leszczyński, 1988, 19-26).

В страхе перед приходом того, чего мы опасаемся также употребляется табу:

«Unika się i to nie tylko u szczepów na niskim poziomie cywilizacji, nazywania śmierci, choroby, zwłaszcza różnych zaraz, diabła i wielu innych rzeczy, budzących obawę, wstręt, pogardę itd., albo przeciwnie budzących w nas uczucia czci, uszanowania, religijnego poddania. (...) Lepiej diabła nazwać 'złym' czy 'kusym', bo my wiemy o kim towa, a jego się zmyli – tyłu wszakże jest na świecie 'złych' lub 'kusych'!» (Leszczyński, 1988, 38).

Так как черт и остальная «дьявольщина», то есть лексика, связанная с демонологией на длительном промежутке времени функционировали как качество табу (или же были серьезными ругательствами, обценность которых однако со временем и из-за сильной частотности употребления, ослабела) ее пришлось эвфемизировать. Как пишет Дембска, рядом с вульгаризмами стали появляться эвфемизмы, которые оказались сверхэкспрессивными языковыми единицами, так как обычно они появляются посредством языковой шутки или метафоры (Dembska, 2007, 5).

Эвфемизм, по словам Домбровской, это слово происходящее из греческого языка, изначально обозначающее *предвещающий удачу*. Этимологически это значение изменилось, расширилось и начало относиться к определениям, заменяющим слова с отрицательной окраской. Так что можно сказать, что эвфемизмы являются своеобразным решением языкового табу. Эвфемизм это языковое явление, однако его источники внеязыковые. Это название, которое замещает нечто, вызывающее отрицательные ассоциации и поэтому, не может быть высказано напрямик. Эвфемистические определения должны вызывать положительные или нейтральные коннотации. Лингвистка перечисляет следующие причины эвфемизации:

- волшебное мышление, то есть убеждение о связи названия с предметом, которое оно обозначает и вера в то, что название является его интегральной частью;
- стеснение и скромность, которые не позволяют говорить хотя бы о физиологических действиях;
- сочувствие и жалость, не позволяющие напрямик говорить о чьем-либо уродстве, бедности или недостатках характера;
- дипломатические причины употребления языкового табу (напр. в политике) (Dąbrowska, 1998, 12).

⁵ «Избегается, причем не только среди нецивилизованных племен вербализовать смерть, болезни, особенно всякие заразы, черта и многие другие, вызывающие опасение, отвращение или презрение вещи ... или наоборот, которые призывают нас к чувствам уважения, чести, религиозно подданства. Черта лучше назвать «козлоногим» или «нечистым», так как мы знаем о ком идет речь, а его можно провести – ведь на свете столько козлоногих и нечистых». Перевод автора.

Со временем, диапазон перечисленных причин менялся и, например по проблематике агрессии и человеческой деструктивности Д. В. Жмуров, сегодня религиозные убеждения, демонология и волшебство не являются важнейшими причинами употребления эвфемизмов, по сравнению с хорошим воспитанием или тактичностью. Однако, это не обозначает вовсе, что магическое мышление совсем исчезло и перестало влиять на способ высказывания (Dąbrowska, 1998, 12-13).

Ниже приводятся примеры некоторых эвфемизмов, понятия *черт* на польском и русском языках, показавшихся автору интересными.

Итак, с словаре эвфемизмов польского языка мы находим в частности такие определения:

Anioł nowogrodzki – объясняется тем, что в новгородская область имела в гербе черного ангела и отсюда название дьявола.

Antychryst – эвфемизация посредством отрицания понятия, относящегося к Христу – покорителю сатаны.

Bies, Boruta, Czarny, drab, kaduk, komornik, Korfanty, księżę ciemności, kusiciel, kusy, lelek, lichy, Niemiec (раньше черта представляли как кого-то в не польском костюме), *piekielnik, pokutnik, rokita* – старотольский черт. Знаменитый польский историк литературы и фольклорист Кшижановски, писал о нем так: «Rokita» гнездящийся в ветвях ивы принадлежит к «rokutniki», земным демонам, но адским чертям, но не к дьяволам порожденным в мире библейских верований. В таком понимании существуют две группы злых духов: древние поганские духи, которые выжили в народной культуре и христианские, намного более опасные. Однако, утверждает Домбровска, кажется, что со временем «христианские черти» поглотили «поганских чертей», и более дружелюбные поганские стали эвфемизмами для христианских. Еще один интересный, хотя немного устаревший польский пример на определение черта это: *Walenty/Walek* – Кшижановски объясняет это тем, что святой Валентин (Walenty) был покровителем эпилептиков, а эпилепсия считалась одержимостью дьяволом (Dąbrowska, 1998, 234).

В свою очередь Серебрянова в статье, посвященной слову *черт* в русской мифологии отмечает следующие эвфемизмы данной лексемы:

Бес, лукавый, нечистый, злой дух, окаянный, домовый, беспятный, козлоногий, черный, леший, фофан, шут. (Серебрянова, 1997, 287-290)

Среди источников эвфемистических выражений Дембска называет следующие (поддержим это некоторыми примерами из вышеназванных):

1. Синонимию (и парафразы, как поверхностную структуру) – напр. *bies*
2. Жаргон – напр. *фофан*
3. Семантические и лексические неологизмы и преобразования – напр. *Anioł Nowogrodzki*
4. Метафоры – напр. *козлоногий*
5. Личные имена – напр. *Korfanty*
6. Фонетические изменения - *черный*

7. Словообразовательные гнезда⁶ - напр. *чертовщина*

8. Грамматическая перегруппировка - (напр. переход оживленных в неживленные и наоборот, субстантивизация) - напр. *czarny*

Как на русском, так и на польском языках семантическое поле понятия *чёрт* очень развито. Вероятно это связано с диалистическим мировоззрением славян:

«*Również w przypadku wschodnich Słowian i Rosjan stwierdzamy wyraźny wpływ irański, bezpośredni bądź zapożyczony od Scytów, a przejawiający się w akcentowaniu dualizmu (...) Słowianie rozróżniali bogów dobrego i złego; ten ostatni zwał się „Diabol” albo „Czernoboh”*» (Di Nola, 2000, 76).

Ниже приводятся примеры фразеологизмов с отрицательной, бранной окраской на русском языке и соответственно их польские эквиваленты⁸.

Чёрт (тебя, его и т. п.) поберу - Выражение возмущения, негодования, досады, иногда восторга и т. п. – *A niech cię diabli!*

Чёрт возьми кого, чего - Выражение негодования, возмущения, удивления, восхищения и т. п. кем-либо или чем-либо. – *Niech go diabli wezmą!*

Чёрт двинул кого - Неизвестно зачем, по какой надобности нужно кому-либо (сделать что-либо) – *Ki diabeł.*

Чёрт догадал кого - Кто-либо поддался соблазну (сделать что-либо, обычно предосудительное). – *Licho nie śpi.*

Чёрт его (их) знает - Совсем неизвестно, никто не знает. – *Diabli wiedzą.*

Чёрт знает где - Очень далеко или в очень плохих условиях (быть, находиться и т. п.). – *Gdzie diabeł mówi dobranoc.*

Чёрт знает что - Нечто невообразимое, несуразное – *Po kiego diabła.*

Чёрт несёт - Неизвестно, с какой целью, зачем идёт, едет и т. п. – *Diabli nadali.*

Чёрт носит - Выражение резкого недовольства тем, что кто-либо пропадает, ходит где-то, долго не появляется – *Diabli gdzieś kogoś noszą.*

Чёрт понутал - Кто-либо поддался соблазну (сделать что-либо предосудительное), поступил неосмотрительно или неправильно, допустил оплошность – *Diabeł kogoś podkusił.*

Чёрт тебя (тя) задави - Выражение возмущения, негодования, досады и т. п. – *Idź do diabła.*

Чёрт унёс - Выражение удовлетворения, чувства облегчения по поводу того, что нежеланный гость, посетитель ушёл, удалился, уехал. – *Diabli ponieśli.*

Чёрт чёртом - Чем-то похожий на чёрта. – *Diabeł wcielony.*

Чёрт-те откуда - Из очень отдалённого места. – *Gdzie diabeł mówi dobranoc.*

⁶ Под словообразовательным гнездом понимается упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня. Общность однокоренных слов проявляется не только в плане выражения (в наличии у них одного и того же корня), но и в плане содержания (корени выражает общий для всех родственных слов элемент значения), т.е. слова, объединяющиеся словообразовательное гнездо имеют смысловую, и материальную общность (cyt. za: Stawnicka 1991:8)

⁷ Также в случае восточных славян и россиян мы замечаем выразительное иранское влияние, непосредственное или перенятое от Скифов, проявляющееся в акцентуализации дуализма (...) Славяне выделяли доброго и злого бога и этого последнего называли «Diabol» или «Czernoboh». Перевод автора.

⁸ Примеры изъятые из перечня польских и русских фразеологических словарей, перечисленных в списке литературы.

Чёртов сын - Бранное выражение, употребляемое применительно к лицу мужского пола. – *Diabeł nie człowiek*.

Чёртово семя - О человеке вызывающем раздражение, негодование, гнев. – *Pomiot szatański*

Чёртом глядит - Кто-либо проявляет злое, недружелюбное отношение к кому-либо. *Diabłem patrzy komiś z oczu*.

Чёрту брат - Нелюдимый, суровый, угрюмый человек. – *Diabeł za skórą siedzi*.

Чёрта с два! - Нет-нет! Вовсе нет! Выражение категорического несогласия, отрицания, возражения. – *Diabła tam*.

Стоит заметить, что в польских фразеологизмах *черт*, в противоположности к русским примерам, намного чаще выступает в множественном числе, что вероятно относится к древним языческим корням этого понятия. Кроме того, среди фразеологизмов на русском языке наблюдается большее количество типично ругательных фразеологизмов с лексемой *черт* чем среди польских примеров, напр.:

Чёртова кукла - Бранное выражение, ругательство в адрес кого-либо.

Чёртова перечница - Бранное выражение в адрес злой, сварливой старой женщины.

Черт закатай вату – ругательство и возглас выражения отрицательных эмоций.

Зато польские фразеологизмы и пословицы часто являются примерами оппозиции *бог-черт* напр.:

Pani Bogu świeczkę, a diabłu ogarek – Умный страхуетсся с каждой стороны.

Ani w boga wierzy ani się diabła boi – Ни во что не верит; не пристрастен ни к чему.

Boga na języku, a diabła ma w sercu – О ком-то лицемерном.

Bogu się kłaniaj, a diabła nie gniewaj – Умный страхуетсся с каждой стороны.

Pan bóg stworzył jedzenie, a diabeł wymyślił kucharzy – Жизнь без страданий, как еда без соли.

А также примеры фразеологизмов сопоставляющих черта и женщину⁹ напр.:

Gdzie diabeł nie może, tam babę pośle – Женщина может то, чего даже сам черт не может сделать.

W kobiecym sercu społem mieszka diabeł z aniołem – Женский характер непредсказуем.

Za babą i diabeł nie trafi – Даже дьявол не успеет за проворной женщиной.

Żyd okpi Niemca, diabeł Żyda, Rusin diabła, a Rusina niewiasta – Женщина хитрее самого черта.

Для проверки интуитивного убеждения в том, что семантика фразеологизмов с наличием понятия *черт* теряет отрицательную окраску и переходит в ряд нейтральных или же эвфемистических выражений, автором проводился опрос среди 65 польских и 70 русских носителей языка. Результаты опроса указывают на то, что часто слово *черт* выполняет эвфемистическую функцию, чтобы заменить такие обценные лексемы как *хуй, хер, хрен, жопа* или польское слово *chuj*¹⁰.

Конечно, фразеологизмов, относящихся к области демонологии существует огромное количество на обоих рассматриваемых языках. Однако наблюдения

⁹ Концепт женственности подвергается данным образом мифологизации и восходит к чему-то сверхъестественному и непонятному.

¹⁰ Респонденты письменно отвечали на вопросы типа: «заполни промежуток, чтобы образовать устойчивое словосочетание напр.: «Иди.....; пошел.....;знает; wie».

показывают, что понятия, относящиеся к словосочетаниям с *чертом*, подвергаются стремительной дестабулизации и перестают быть инвективами или же в языковом акте играют роль эксплитивных (междометных) инвектив. Конечно, это явление процессуально и чтобы подробнее его рассмотреть, необходимо провести ряд крупных и последовательных во времени лингвистических исследований. Но все таки может это и к лучшему, ведь, как упоминает Jasińska «*Niestraszny diabeł oswojony*¹¹» (Jasińska, 2007, 7).

Используемая литература:

- Bąba S. Liberek J., *Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny*, Wyd. PWN, Warszawa 2002
- Buttler D., *Rozwój semantyczny wyrazów polskich*, Warszawa 1978
- Dąbrowska A., *Słownik eufemizmów polskich czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie*, Warszawa 1998
- Dembska K., *Rosyjsko-polski słownik eufemizmów semantycznego pola seksu*, Toruń 2007
- Di Nola A. M., *Diabeł o formach, historii i kolejach losu Szatana, a także o jego powszechnej a złowrogiej obecności wśród wszystkich ludów, od czasów starożytnych aż po teraźniejszość*, Kraków 2000
- Jasińska L., *Diabeł oswojony*, Wrocław 2000
- Kłosińska A., Sobol E., Stankiewicz A., *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*, wyd. PWN, Warszawa 2005
- Lebda R., *Wielki słownik frazeologiczny*, wyd. Krakowskie Wydawnictwo Naukowe, Kraków 2008
- Leszczyński Z., *Szkice o tabu językowym*, Lublin 1988
- Muelnder-Nieckowski P., *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*, wyd. Świat Książki, Warszawa 2003
- Stawnicka J., *Gniazda słowotwórcze czasowników oznaczających położenie w przestrzeni w języku polskim i rosyjskim. Konfrontatywna analiza strukturalno-semantyczna*, Katowice 1991
- Жмуров В. Д., *Словарь терминов агрессии*, <http://www.vocabulum.ru/word/394/> - дата просмотра: 29.05.2013
- Мокиенко М. В., *О русской брани без бранной лексики*, «Русистика сегодня» 1-2/1998
- Серебряная И.Б., Слово *черт* в русской мифологии и в памятниках русской письменности – дата просмотра: 29.05.2013
- Фёдоров А. И., *Фразеологический словарь русского литературного языка*, Москва 2008
- <http://phraseology.academic.ru> – дата просмотра: 29.05.2013

¹¹ Прирученный черт – не страшен. Перевод автора.

- <http://glossword.info/index.php/list/6-russkijj-frazeologickijj-slovar-/2,%D0%A7.xhtml> – дата просмотра: 29.05.2013

магистр Julia Klyus (Юлия Ключ)

Вроцлавский университет

Ul. Worcella 4/3; 50-448 Wrocław

julia.klyus@gmail.com

Степень магистра получила в Ягеллонском университете, защитив дипломную работу по теме: *Гендерные отношения в современной русской коммерческой рекламе*. Аспирант Филологического факультета Вроцлавского университета. Проводит социолингвистические фразеологические исследования, связанные с вопросами инвективности языка. Научные интересы: исследования языковой картины мира, фразеология и паремиология, кросс-культурные исследования. Хобби: популяризация культуры славянских и балтийских стран, проводимая в рамках деятельности в научной организации аспирантов *Baltica*; изучение иностранных языков.

**Лексико-семантический анализ интернационализмов со значением
лица как источника русско-польских мнимых эквивалентов**

Наталья Диденко

Abstract: Translingual pseudo-equivalents, also known as „false friends”, still attract the attention of linguists today. Research of this lexicon has risen to a new level of higher quality. Now research is taking place in a narrower field of study, allowing for a deeper understanding of the current and universal problem of translingual quasi-equivalents. In the following article, several semantic differences are addressed regarding Polish-Russian internationalisms having individual meaning, with a given meaning obligatorily having at least one quasi-equivalent. These emerge in the form of translingual correlations of the following types: individual- object, individual- abstract phenomenon, and also individual-individual.

Key words: „false friends”, translingual homonyms, translingual paronyms, translingual communication, semantic relations

Каждый язык по-своему уникален, являясь сокровищницей человеческой мысли и культуры отдельной нации. Изучая иностранный язык, мы изнутри открываем для себя культуру народа (который говорит на этом языке), пытаемся мыслить его категориями и образами.

Постигая лексику иностранного языка, мы подсознательно сопоставляем ее с тем словарным запасом, который был приобретен нами в ходе использования родного языка. В силу неизбежности мыслительных процессов, связанных с соотношением уже имеющихся и приобретаемых знаний о лексических единицах, проявляется наиболее распространенная в изучении иностранного языка проблема – интерференция.

Интерференции чаще всего подвержены люди, приступающие к изучению языка, который является родственным для родного языка. Схожие грамматические структуры, синтаксис, лексика с одной стороны упрощают обучение, с другой – мешают установлению четких границ между родным и изучаемым языками.

Главным барьером в осознанном разграничении «своего» и «чужого» на уровне словарного состава являются так называемые «ложные друзья переводчика» (далее ЛДП). Этот термин, несмотря на его метафоричность, самым лучшим образом отражает свою сущность – мешать коммуникации, подменять приобретенные (в процессе обучения иностранному языку) словарные познания теми, что присущи родному языку.

Проблема ЛДП порой осложняется тем, что в качестве источника данных лексем выступают интернационализмы, то есть слова межнационального характера, использующиеся в нескольких, не менее чем в 3-х языках. Согласно определению В. Акуленко, 2 из этих языков должны быть неродственными (Акуленко, 1961, с. 61). Следует отметить, что интернационализмы внедряются в словарный состав и зачастую воспринимаются, как лексемы родного языка, поскольку при каждом их использовании границы исконного и заимствованного постепенно затираются.

Таким образом, ЛДП на примере интернационализмов, возможно, представляют большую «угрозу» для обучающихся второму родственному языку. Межнациональный характер лексемы или ее элементов может способствовать укреплению возникших ложных представлений, что чревато подменой единственно правильного понятия в изучаемой языковой культуре представлениями из родной языковой картины мира. Итог – коммуникативная ошибка.

Взгляды многих педагогов относительно изучения ЛДП сводятся к единому мнению - заучивание на память и постоянная работа со словарем. Однако не стоит рассматривать данный подход как единственный. Если подступить к изучаемому материалу более узко, исследовав четко выбранный словарный состав, то, вполне вероятно, что удастся выделить определенные семантические соотношения, которые помогут обучающемуся усвоить уникальную межъязыковую лексику.

Именно поэтому данная статья посвящена лексико-семантическому анализу ЛДП со значением лица на примере интернациональной лексики русского и польского языков. В одном из номеров «Вестника МГУ» А. Подкин отмечает: *«Наименования лиц, образующие наиболее активно пополняемый пласт лексики любого языка, на протяжении нескольких десятилетий вызывают повышенный интерес в отечественной и зарубежной лингвистике»* (Подкин, 2010, с. 55). Кроме того, не стоит забывать о том, что человеческое начало в языке огромно. Лексикон, пожалуй, каждого языка содержит в себе пласт слов, имеющих значение лица, чтобы каждый индивид в зависимости от исполняемой им социальной роли мог получить свое конкретное языковое определение.

Множество таких социальных ролей, присущих человеку, являются аналогичными для большинства народов. Язык, как зеркало действительности, стремится отразить это тождество, принимая в свой состав интернациональную лексику со значением лица (ср. рус. демагог, пол. demagog, англ. demagogue, франц. démagogue, нем. Demagoge, исп. demagogo; рус. цензор, пол. cenzor, англ. censor, франц. censeur, нем. Zensor, исп. censor).

Однако внутренняя форма интернациональных слов вследствие ряда причин не всегда соответствует ее внешнему проявлению в отдельных языках. По этому поводу лингвист А. Шмелев отмечает: *«При заимствовании сталкиваются языковые картины мира языка-донора и языка-реципиента и, если заимствуемое слово содержит семантические компоненты, противоречащие языковой картине мира языка-реципиента, возникает некоторая коллизия»* (Шмелев, 2009). Чтобы избежать этой коллизии, язык конструирует собственное семантическое поле для заимствованной формы, причем, каждый язык это делает по-своему, что становится причиной появления в межъязыковом пространстве мнимых эквивалентов-интернационализмов.

Предварительный анализ лексем, отобранных из словарей иностранных слов польского и русского языков, а также из толковых словарей (см. Список литературы) показал, что среди интернациональных словарных единиц со значением лица в польском и русском языках можно выделить следующие основные реляции:

1. Лицо – предмет.
2. Лицо – абстрактное явление.
3. Лицо - лицо.

Из вышесказанного следует, что условие значения лица может выполнять единица лишь одного языка. Например, достаточно, чтобы, в русском языке лексема обозначала лицо, в польском же языке она может принадлежать к иной категории (предмет, абстрактное явление).

Под **значением лица** понимается такое значение слова, которое способно вызвать в сознании человека образ самого человека.

Под **предметным значением** в данной статье понимается такое значение слова, которое способно вызвать в сознании человека образы, то есть денотаты реального мира, кроме образа человека.

Под **абстрактным значением** понимается такое значение слова, которое не способно вызвать в сознании человека каких-либо образов («нулевой денотат»).

Тенденция многозначности словарных единиц может осложнять анализ по приведенным критериям, так как лексема способна обладать как значением лица, так и предмета одновременно. Главным критерием в типологии лексико-семантических вариантов слов является наличие/отсутствие дефиниций определенной категории. Так, например, русско-польские интернациональные омопары *кокетка – kokietka* совпадают в значении лица: «Женщина, стремящаяся своим поведением, манерами, нарядом понравиться мужчинам, вызвать к себе интерес» (БТС, 2000, с.438). Однако русское слово имеет дополнительное значение, которое является предметным: «Верхняя отрезная часть одежды, к которой пришивается остальная часть» (БТС, 2000, с. 438), а польское – нет.

1. Лицо – предмет.

Данный тип семантических реляций русско-польских мнимых эквивалентов можно наблюдать с двух позиций.

А) Лицо (польский язык) – предмет (русский язык).

К данной группе ЛДП относятся русско-польские графические омонимы *фацет – facet* (данные слова имеют различное ударение). Польское слово (язык-источник - латынь) в толковом словаре имеет следующую дефиницию: «o mężczyźnie, zwykle bliżej nieznanym»¹ (USJP, 2001). Тогда как русская лексема отражает предметное значение (язык-источник - английский): «декоративный скос по краю зеркала» (СИСРЯ). Такое расхождение в значении обусловлено тем, что это пример случайного совпадения формальной стороны слов в разных языках, причем, слов, заимствованных из разных языков-доноров.

Аналогичная ситуация наблюдается в случае с парой интернационализмов-паронимов *фризер – fryzjer*. Так, польская лексема имеет значение лица (язык-источник - французский), которое в переводе на русский означает «парикмахер». Русское же слово пришло из языка-донора – английского - со значением предмета: «Холодильная установка для приготовления мороженого» (БТС, 2000, с. 1435). Данные паронимы также являются результатом случайного совпадения в польском и русском языках.

Приведенные интернациональные пары русско-польских лексем со значением лица являются «классическими» примерами, то есть они не имеют совпадающих

¹ «О мужчине, который не является близким знакомым».

дефиниций, что обусловлено заимствованием их из разных языков-источников, а также случайным совпадением формального облика данных словарных единиц.

К этой же группе «лицо - предмет» (польско-русская подгруппа) относятся слова, заимствованные из общего языка-источника (латынь), в связи с чем имеющие совпадающие дефиниции. Например, *конструктор* – *konstruktor*. Обе лексемы обладают идентичным значением лица: «Тот, кто конструирует что-либо, создает конструкцию чего-либо» (БТС, 2000, с. 451). Однако русская лексема, в отличие от польской, развила дополнительное значение: «Детская игра - набор деталей для конструирования» (БТС, 2000, с. 451). Вследствие метонимического переноса в русском языке данное слово функционирует также для обозначения предмета.

В эту же группу войдут вышеописанная пара ЛДП *кокетка* (*часть одежды*) – *kokietka*, а также: *апанш* (*воротник*) – *apasz*, *апостол* (*книга*) – *apostol*, *донатор* (*изображение*) – *donator*; *локатор* (*техническое оборудование*) – *lokator*; *миксер* (*кухонная техника*) – *mikser*; *примус* (*бытовой прибор*) – *prymus*.

Б) Лицо (русский язык) – предмет (польский язык).

Известные нам примеры слов в данной подгруппе не имеют случайных совпадений, которые бы могли проиллюстрировать «классический» тип связи интернациональных русско-польских ЛДП «лицо-предмет».

Вместе с тем имеются наглядные иллюстрации для вида, которые характеризуются, в силу общих языков-источников, наличием идентичных (или частично схожих) дефиниций. К примеру, *генератор* – *generator*. Общие значения для данных лексем – предметные: «Устройство, аппарат или машина, предназначенные для производства какого-либо вещества, выработки энергии или преобразования одного вида энергии в другой» (БТС, 2000, с. 198), а также появившийся относительно недавно термин в информатике. Различия касаются как раз взятого в данной работе за отправную точку значения лица, поскольку лишь русская лексема обладает им: «О том, кто постоянно выдвигает, предлагает, изобретает, придумывает что-либо» (БТС, 2000, с. 198).

К данной группе слов также можно отнести межъязыковые омонимы *донор* – *donor*, которые совпадают в предметном значении: в физике – тип примеси, в химии – атом. Русская же лексема обладает значением лица: «Человек, дающий свою кровь или какой-либо орган для переливания, пересадки другому человеку» (БТС, 2000, с. 275).

Интересны русско-польские межъязыковые омонимы *депутат* – *deputat*, дефиниции которых не могут быть до конца отождествлены. Так, данные интернационализмы имеют одинаковое значение лица: «Выборный представитель, член выборного государственного учреждения» (БТС, 2000, с. 251). Русское слово в этом значении широко употребительно, тогда как в польском языке оно является устаревшим. Тем не менее, в настоящее время словари польского языка эту дефиницию фиксируют. Кроме нее польская лексема имеет еще одно значение (предметное): «Część wynagrodzenia za pracę dostarczana w naturze»² (USJP).

К этой группе ЛДП можно отнести следующие интернационализмы: *информатор* – *informator* (*книга*), *кантор* – *kantor* (*обменный пункт, офис, прилавок*);

² «Часть заработной платы, выдаваемой натурой».

мультипликатор – multiplikator (технические устройства); пилот – pilot (пульт управления), репетитор – repetytor (оборудования).

2. Лицо – абстрактное явление.

Этот вид отношений между русско-польскими интернационализмами представлен единичными примерами. Н.В. Феоктистова считает, что «имена существительные, обозначающие названия действий, состояний, качеств в отрыве от их носителей и производителей, определяются как абстрактные существительные» (Феоктистова, 1984, с. 6). Стоит отметить, что в данной работе мы рассматриваем не только лексемы, обладающие единственным абстрактным значением (именно о них пишет Н.В. Феоктистова), но также слова, в которых развились производные абстрактные значения от базовой дефиниции. Поэтому связь человека и абстракции здесь сохраняется.

Согласно толковым словарям русского и польского языков, ЛДП *фурия – furia* сходятся в мифологическом значении: «В древнеримской мифологии: богиня мщения и угрызений совести» (БТС, 2000, с. 1437). Естественно предположить, что данная дефиниция была базой для появления дополнительных значений в исследуемых языках. Так, в русском языке развивается антропологическое значение: «О злобной, сварливой женщине», тогда как польская лексема развила абстрактное значение, выражающее эмоциональное состояние, чувства: «*Napad gniewu, złości, wściekłości*»³ (USJP). Кроме того, в польском языке у данной лексической единицы появилась также дефиниция, функционирующая в медицинской сфере – психиатрии: «*szal*»⁴ (USJP).

К данной группе, на наш взгляд, можно отнести также русско-польские ЛДП *интеллигенция – inteligencja*, несмотря на то, что значение лица в них выражено собирательно. Так, общие дефиниции у данных слов следующие: «Социальная группа, состоящая из образованных людей, обладающих большой внутренней культурой и профессионально занимающихся умственным трудом»; «Люди, принадлежащие к этой социальной группе, интеллигенты» (БТС, 2000, с. 395). Польская же лексема развила абстрактное значение, которое характеризует человека со стороны его умственных способностей: «*Zdolność rozumienia, uczenia się i kojarzenia oraz umiejętność wykorzystania tej zdolności w działaniu; bystrość, pojętność*»⁵ (USJP).

Одним из ярких примеров является здесь омопара *пассия – pasja*, где польское слово имеет абстрактное значение (чувство, психическое состояние человека), в то время как в русском языке актуализировано значение лица: «Предмет любви, страсти; возлюбленная» (БТС, 2000, с.785). Это иллюстрация «классических» отношений «лицо - предмет», так как слова не имеют дополнительных дефиниций.

Приведенные примеры русско-польских ЛДП-интернационализмов вида «лицо – абстрактное явление» показывают, что данные абстрактные значения развиваются в неразрывной связи с антропологической дефиницией слова. Вполне возможно, что таких примеров можно привести больше, однако, без сомнения, их количество невелико.

³ «Приступ гнева, злости, бешенства».

⁴ «Безумие».

⁵ «Способность к пониманию, обучению и абстрактному мышлению, а также умение использовать эту способность на практике; быстрота, сообразительность».

3. Лицо – лицо.

Количественный состав этого типа русско-польских интернационализмов значительно выше предыдущих. Данные лексемы сравниваемых языков, безусловно, заслуживают самостоятельного исследования. Однако это не является целью данной статьи, поэтому остановимся лишь на общих моментах, характеризующих этот вид реляций в представленной здесь типологии.

Интернационализмы как источник мнимых эквивалентов соотношения «лицо - лицо» зачастую имеют общий язык-донор. В случае, если словарь дает разные языки-источники, в их роли, как правило, выступают языки-посредники. Исторически же лексемы восходят к одному праисточнику. Это подтверждается общностью семантики сопоставляемых слов.

Так, русско-польские паронимы *senior* – *сеньор*, согласно толковым словарям, восходят к латыни и французскому языку соответственно. Однако для русской лексемы французский язык является промежуточным, поскольку праисточник данного слова – та же латынь: «франц. *seigneur* от лат. *senior* - старший» (БТС, 1998). Кроме того, данные мнимые межъязыковые эквиваленты по-разному были восприняты польским и русским языками. Если в польском языке – это общеупотребительное слово, то в русском оно является экзотизмом, выражая культурные реалии Запада: «1. **В Западной Европе** в средние века: земельный собственник, обладавший всей полнотой власти на принадлежавшей ему территории... 2. **В Испании**: форма вежливого упоминания или обращения к мужчине ...» (БТС, 2000, с. 1176). Отметим, что польская лексема также обладает этими значениями, однако функционирует она в польском языке в качестве нейтральной словарной единицы и не воспринимается носителями польского языка как экзотическая. Кроме того, польское слово *senior* имеет дополнительные дефиниции, которые не фиксируются русскими словарями: «*najstarszy wiekiem członek rodziny, rodu (ojciec, brat)*»; «*najstarszy wiekiem lub latami pracy członek jakiegoś zespołu, jakiejś społeczności*»; *sport.* «*zawodnik w wieku odpowiednim do uprawiania danej dyscypliny sportu, zwykle mający ukończone 19 lat*»⁶ (USJP).

Интересны мнимые русско-польские эквиваленты *провинциал* – *provincjał*, происходящие из одного языка-донора. В условиях принимающих языков слово-источник начинает функционировать как новая лексема, находя свое место в ЯКМ носителей каждого из языков. Так, польское слово имеет одно значение, непосредственно связанное с религией: «*zwierzchnik klasztorów jednej prowincji zakonnej*»⁷ (USJP). Тогда как русская лексема не связана с темой православия или католицизма и обладает следующими дефинициями: «1. Житель провинции. 2. О человеке с ограниченными интересами, с узким кругозором и т. п.» (БТС, 2000, с. 1001).

⁶ «самый старший член семьи, рода (отец, брат)»; «самый старший по возрасту или по выслуге лет член какой-либо группы, какого-либо общества»; *спорт.* «спортсмен в возрасте, соответствующем для занятия спортом в какой-либо дисциплине, обычно после исполнения 19 лет».

⁷ «начальник монастыря одной из монашеских провинций».

К этой группе будут отнесены также *аниматор* – *animator*, *инквизитор* – *inkwizytor*, *фантаст* – *fantasta*, *романист* – *romanista*, *криминалист* – *kryminalista*, *ординатор* – *ordynator* и многие другие.

Выводы:

В данной статье польско-русские интернационализмы со значением лица поделены на три группы, отражающие их межъязыковые семантические реляции: «лицо - предмет»; «лицо – абстрактное явление»; «лицо - лицо».

ЛДП типа «лицо - предмет» дополнительно разграничены в зависимости от того, какой из исследуемых языков обладает значением лица, а какой – предметным значением. Также представлены примеры, имеющие общий язык-источник, и лексемы, заимствованные из разных языков-доноров. Вследствие чего первые имеют совпадения в семантике, тогда как вторые – нет.

Мнимые польско-русские эквиваленты типа «лицо – абстрактное явление» представлены единичными лексемами. Все абстрактные значения, так или иначе, связаны с фигурой человека, поскольку выражают его эмоции, чувства, психическое состояние. Лексемы также отличаются наличием общей семантики.

Самый крупный пласт русско-польской интернациональной лексики в сфере мнимых эквивалентов отражен в типе реляций «лицо – лицо». Данная лексика, как правило, имеет единый языковой источник и общие семантические поля.

Изучение мнимых межъязыковых эквивалентов (с целью использования полученных результатов в преподавании), на наш взгляд, должно проводиться на более узком, тематически однородном материале, что было продемонстрировано в данной статье. Систематизированная информация, как известно, лучше поддается общему восприятию и глубокому изучению. Поэтому классическая работа со словарем студентов, обучающихся иностранному языку, должна быть дополнена подобными сведениями с целью более эффективного освоения столь уникального межъязыкового словарного фонда.

Сокращения:

- USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego.
- БТС – Большой толковый словарь С. Кузнецова.
- ЛДП – «ложные друзья переводчика».
- СИСРЯ – Словарь иностранных слов русского языка.

Используемая литература:

- Акуленко, Валерий. Существует ли интернациональная лексика? Вопросы языкознания. Москва, 1961, № 3, с. 60 – 68.
- Большой толковый словарь русского языка под ред. С. Кузнецова. СПб: «Норинт», 2000. 1536 с. ISBN 5-7711-0015-3.
- Большой толковый словарь под ред. С. Кузнецова. Первое издание, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>. Дата доступа: 2 марта 2013.

- Подкин, Александр. Лексико-семантические особенности швейцарски маркированных наименований лиц с пассивным значением. Вестник МГУ. Серия 9. Филология. Москва, 2010, № 1, с. 54 – 55.
- Словарь иностранных слов русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа:
http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/11395/%D0%A4%D0%90%D0%A6%D0%95%D0%A2. Дата доступа: 1 марта 2013.
- Феокистова, Наталья. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Ленинград, 1984. 188 с.
- Шмелев, Алексей. Языковые заимствования и картина мира [Электронный ресурс]. Учительская газета, 2009, №36. Режим доступа:
<http://www.ug.ru/archive/29160>. Дата доступа: 10 февраля 2013.

Исследование финансируется проектом "Rozwój potencjału i oferty edukacyjnej Uniwersytetu Wrocławskiego szansą zwiększenia konkurencyjności Uczelni"
(Program Operacyjny Kapitał Ludzki)

Наталья Владимировна Диденко

аспирант Вроцлавского университета (Институт славянской филологии),

Вроцлав (Польша) – Wrocław (Polska)

ul. Kazimierska 19/21, 51-657, Wrocław, Polska

didenochka@gmail.com; didenochka@mail.ru

Наталья Диденко является аспирантом Вроцлавского университета. Закончила магистратуру в Восточно-Казахстанском государственном университете им. С. Аманжолова в Казахстане по специальности «Русская филология», специализация – языкознание. Магистерская работа Н. Диденко посвящена когнитивному анализу неологизмов со значением лица в казахстанской прессе. Магистр Диденко имеет более чем двухлетний опыт работы в городской газете в качестве корректора, а также журналиста. В данный момент круг интересов Н. Диденко составляют мнимые межъязыковые эквиваленты в сфере интернациональной лексики польского и русского языков.

K frazeosémantické skupině „zrada“ v rusko-české biblické frazeologii s křestními jmény

Markéta Pavlasová

Abstract: The article is titled "Betrayal" in Russian and Czech idioms of a biblical origin with first names. The main objective of the article is to capture similarities and differences in Russian and Czech idioms, key components of which is a biblical first name. In the article I used a classification of a semantic field and a classification in terms of their content equivalence.

Key words: Phraseology, the Bible, language of the Bible, biblical idioms, first names

Křestní (osobní) jména

Osobní jména se užívají nejenom v běžném hovoru, denní komunikaci, ale také v dokumentech, v různých oficiálních situacích, v právníkové praxi aj. Jména lidí se v každé zemi liší jak ze stránky zvukové – fonetické, tak i ze stránky jejich původu i využití. Můžeme rozlišit jména tzv. individuální a skupinová. K individuálním zařadíme např. osobní jména a příjmení: *Иван Терентьевич Козлов, Анна Ковалева*. Ke skupině tzv. skupinových jmen patří příjmení členů rodiny nebo označení manželského páru: *Петровские приехали, Ивановы сегодня в полном сборе, Novákovi už odjeli* apod. Mezi zvláštnosti ruských osobních propriet patří označení každého jednotlivce křestním jménem a také jménem po otci (*отчество*).

S přijetím křesťanství získalo jméno zvláštní, sakrální význam a ve všech křesťanských zemích začalo být zvykem dávat jména biblická, která jsou nejčastěji židovského nebo řeckého původu. V ruštině to jsou např. jména s koncovkou na „*ил*“ (*Даниил, Гавриил, Михаил*); ruská koncovka „*ил*“ odpovídá hebrejskému לָא (эл — Bůh). V několika případech byla biblická křestní jména přeložena jako kalk do ruštiny (tak vznikla jména *Вера, Надежда и Любовь*).

Ve starých ruských kalendářích se objevují dvě jména skládající se z dvou hlásek: *Ив, Ор*. Ženské jméno *Ия* se skládá z tří hlásek: *И+й+а*. Jmen tvořených ze tří hlásek je v ruštině o mnoho více, např. mužská jména typu *Агн, Вар, Вил, Вис, Гай, Дан, Ерм, Ива, Иоб, Кай, Лев, Лин, Нил, Нул, Нут, Тут, Том, Фот*. Jejich ženské protějšky *Ада, Аза* (původně mužská křestní jména) aj.

Postupem času se nejvíce prosadila dvojslabičná, trojslabičná, příp. čtyřslabičná křestní jména, např. *Иван, Лидия, Татьяна, Виссарион* apod. Mužská křestní jména v ruštině končí obvykle na tvrdou souhlásku (*Семен, Август*) nebo na *-ий* (*Анатолий*), ženská na *-а* (*Анна, Валентина*) nebo na *-я* (*Валерия*). Ve staroruských kalendářích nalezneme také některá mužská jména s koncovkou na *-а* nebo *-я* (např. *Никита, Сава, Лука, Кузьма, Илья, Никола*). Počet těchto jmen je nevelký. Mnohá později „přešla“ mezi ženská křestní jména.

Osobní jména byla od počátku našeho letopočtu uváděna v církevních kalendářích. Mezi častá česká jména patřila jména světců, kteří zemřeli mučednickou smrtí a byli později

prohlášení za svaté; srov. oblíbená česká jména *Václav, Ludmila, Marie* aj. V českém prostředí se od středověku nabídka jmen neustále rozšiřuje. Z písemností máme k dispozici také jména ze šlechtických rodin, často v neúřední formě (*Beneš, Mareš, Burian, Archleb, Tas, Jan, Marek, Pavel, Havel, Markéta, Eliška, Eva, Anežka*).

Křestní jména v biblické frazeologii

Termínem frazeologie běžně označujeme nejen souhrn frazeologických jednotek (obratů, výrazů a spojení), frazeologismů, frazémů v jazyce, ale také jazykovědnou disciplínu, která se zabývá zkoumáním a popisem frazeologického fondu daného jazyka. Frazeologie je pokládána za jednu z nespécifičtějších oblastí každého přirozeného jazyka a podle stupně jejího ovládnutí se často hodnotí celková úroveň znalosti cizího, ale i mateřského jazyka.

Většina definic se shoduje v tom, že se frazém vyznačuje víceslovností, ustáleností, reprodukovatelností a sémantickou celistvostí. Někteří lingvisté uvádějí také další kritéria vymezení frazeologických jednotek, a to syntaktickou ustrnulost, přítomnost archaismu, nezaměnitelnost komponentů, vázaný význam komponentu, ekvivalentnost slovu, nepřeložitelnost apod.

V porovnání se slovem je frazém jednotkou anomální také v jiném aspektu - plní sice funkci nominativního znaku, ale současně je v jazykovém systému jednotkou přebytečnou. Tato přebytečnost je však vyvážena jinou funkcí, a to funkcí expresivní: "*Под фразеологической единицей понимается относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением*" (Mokijenko, 1980). Kromě termínu *frazém* užíváme také jeho synonymní výrazy *frazeologická jednotka* a *rčení*. Někteří autoři řadí mezi frazeologické jednotky také *příслови* a *pořekadla* (*пословицы и поговорки*). Oba tyto termíny jazykovědci od sebe zřetelně odlišují.

Mezi nejvýznamnější lingvisty a badatele věnující se frazeologii patří zcela nepochybně tvorba ruského akademika V. V. Vinogradova. Akademik Vinogradov vyčleňuje tři skupiny frazeologismů: *idiomy*; *frazeologické jednotky* a *frazeologická spojení*. Vinogradovu klasifikaci upřesnil N. M. Šanskij, který pojmenoval ještě jednu skupinu frazeologických jednotek - tzv. *frazeologické výrazy* (*фразеологические выражения*).¹

V Bibli, která reprezentuje velikost a rozmanitost lidského pokolení a životní moudrost, je soustředěno velké myšlenkové bohatství odrážející se i ve frazeologii. Bible

¹ **Idiomy** (фразеологические сращения) - nerozložitelná frazeologická spojení, jejichž celkový význam nemá žádnou souvislost s významem jednotlivých částí. Tyto frazémy se vyznačují největšími sémantickými posuny, bývají často nepřeložitelné doslova; jsou tvořeny slovy, jež pozbyla svoji původní motivaci (např. оцезивать комара, чающие движения воды; соль земли).

Frazeologické jednotky (фразеологические единства) - sémanticky nedělitelné jednotky, jejichž význam se zakládá na významu jednotlivých slov. Tyto frazeologické jednotky mívají většinou metaforický charakter (např. Вавилонская блудница; нести (свой) крест; заблудшая овца; волк в овечьей шкуре).

Frazeologická spojení (фразеологические сочетания) - obraty, které mluvčí přijímá jako izolované jednotky mající samostatný význam. Frazeologická spojení se užívají výhradně ve vzájemném "frazeologicky vázaném" spojení (např. отделить зёрна от плевел; хлеб насущный; краугольный камень).

Frazeologické výrazy (фразеологические выражения). Na rozdíl od výše uvedených typů frazémů, které jsou součástí vět, mohou frazeologické výrazy vystupovat jako samostatně nezávislé věty. Tyto frazémy jsou nejčastěji vyjádřeny s výrazným expresivním zabarvením. Tato ustálená slovní spojení mohou vyjadřovat nejen doslovný, ale i přenesený význam (např. всякое даяние благо; горе тому, кто соблазнит единого из малых сих; да минует меня чаша сия).

obsahuje množství frazémů, které můžeme nalézt jak ve slovanských jazycích, tak i v řadě jazyků národností, které vyznávají katolickou věrouku. Mnohé biblizmy můžeme klasifikovat jako internacionalizmy.

Tematicky jsou biblické frazémy bohatě rozčleněny. Zahrnují události ze Starého zákona (příběhy líčící nejstarší dějiny lidstva, etnicko-kulturní údaje o starých Izraelitech a o sousedních národech aj.) a Nového zákona (zobrazují život, učení a zmrtvýchvstání Ježíše Krista). Jazyk Bible si po století zachovává svérázný, orientální způsob vyjadřování a často také eufemizovaný styl.

Biblická frazeologie tvoří frekventovanou část ruské i české frazeologie. Frazémy biblického původu se užívají nejen v jazyce spisovném, ale i v dialektech. Biblismy jsou frekventované jak v hovorových komunikátech, tak i v projevech písemného rázu. Část frazémů biblického původu tvoří aktivní složku slovní zásoby, jiné mají knižní charakter a uplatňují se pouze v některých textech. Některé z frazémů vyjadřují (hlavně u nejmladší generace) nejasnou sémantiku. Jsou spojeny se starobylými, pro nás vzdálenými kulturami a etniky, s jejich charakterem myšlení a jednání, daný význam nám už není tedy zcela jasný.

Při excerpci ruských a českých frazeologických jednotek jsme se inspirovali klasifikací podle L. I. Stěpanové a V. M. Mokijenkina (1995, 2008), kteří vydělují frazémy *s úplnou ekvivalencí, s částečnou ekvivalencí, poměrné (též relativní) ekvivalenty, frazeologické analogy a bezekvivalentní frazeologizmy*. Podle této koncepce jsme rovněž frazémy rozdělili na *úplné ekvivalenty s křesťanským jménem biblické postavy, částečné ekvivalenty s křesťanským jménem biblické postavy a na frazeologické analogy s odlišným křesťanským jménem biblické postavy* (nebo výjimečně *jiným křesťanským jménem mytologické postavy*). K uvedené klasifikaci jsme ještě doplnili *specifické české frazémy s křesťanským jménem biblické postavy, specifické ruské frazémy s křesťanským jménem biblické postavy a překladové ekvivalenty*.²

²Srov. naši vlastní klasifikaci:

Úplné ekvivalenty s křesťanským jménem biblické postavy vyjadřují v obou jazycích shodný význam, totožné obsazení lexikálních komponentů, shodnou strukturu i obraznost.

Částečné ekvivalenty s křesťanským jménem biblické postavy mají shodný význam, stejnou nebo velmi podobnou obraznost, ale obsahují gramaticky nebo lexikálně odlišný výraz, formu, což je často determinováno charakterem jazyka, jeho pravidly a zásadami.

Frazeologické analogy s odlišným křesťanským jménem biblické postavy se v naší klasifikaci vyznačují shodným významem u obou frazémů. Klíčovým komponentem této kategorie je odlišné křesťanské jméno biblické postavy (nebo jiné mytologické křesťanské jméno) v ruštině nebo v češtině. Frazeologické analogy mohou mít také odlišnou obraznost a obsahují gramaticky i lexikálně odlišný výraz.

Specifické ruské frazémy s křesťanským jménem biblické postavy - zásadním komponentem je opět křesťanské jméno biblické postavy, které se objevuje pouze v ruštině. V češtině doplníme tvar buď frazeologickým ekvivalentem bez užití biblického křesťanského jména (v některých případech jsme dohledali jiné křesťanské jméno) nebo vlastním překladem, který vyjadřuje význam daného frazeologizmu. Je uveden kurzívou (bez tučného označení).

Specifické české frazémy s křesťanským jménem biblické postavy jsou paralelou k předchozímu. Jedná se o typ frazémů, které se s biblickým křesťanským jménem nacházejí pouze v češtině. V ruštině doplníme tvar buď frazeologickým ekvivalentem bez užití biblického křesťanského jména (v některých případech jsme dohledali jiné křesťanské jméno) nebo vlastním překladem, který vyjadřuje význam daného frazeologizmu. Je uveden kurzívou (bez tučného označení).

Překladové ekvivalenty - vždy doplňují specifický ruský frazém s křesťanským jménem biblické postavy nebo naopak specifický český frazém s křesťanským jménem biblické postavy. Jejich součástí tedy není křesťanské jméno biblické postavy, protože daný ekvivalent s křesťanským jménem nebyl dohledán. Překladový ekvivalent uvádíme buď jako frazeologický ekvivalent zachovávající si podobnou sémantiku (bez biblického křesťanského jména) nebo jako vlastní překlad (označen kurzívou).

Frazémy jsme rozdělili do tzv. *frazeosémantických polí*. Frazeosémantická pole jsou významové skupiny frazémů vyčleněné na základě společného sému. Frazémy jednoho pole se odlišují svými specifickými sémy, které jsou sekundární a navazují na jeden referenční pojem. Frazémy jednoho frazeosémantického pole vyjadřují stejný věcný, denotativní význam a seskupují se do významových celků, frazeosémantických makropolí (Jankovičová, 1991). Frazémy jednoho frazeosémantického pole se navzájem nachází v různých sémantických vztazích. Základním vztahem je synonymie. Frazeosémantická pole tvoří obvykle několik synonymních řad.³ Frazeosémantická pole se dále člení na tzv. *frazeosémantické skupiny*, tj. skupiny frazémů vyjadřující společný význam.

Hlavním cílem našeho příspěvku je zachytit shody a rozdíly v ruských a v českých frazeologizmech, jejichž klíčový komponent tvoří biblické křestní jméno (ve výjimečných případech i jiné křestní jméno mytologické postavy – z antické či ze slovanské mytologie).⁴ Nejčastěji jsou v našem zkoumání⁵ zastoupeny frazeologizmy s křestním jménem biblické postavy, které vyjadřují duševní prožitky člověka. Objevíme i frazémy, které označují vzhled (zevnějšek) člověka, rodinné a příbuzenské vztahy, fyziologické stavy a procesy člověka, konec lidského života, ale také čas, dobu a pojmání času.

Frazeosémantické pole „Duševní prožívání člověka“

Duševní prožívání člověka a zvláště vylíčení jeho záporných vlastností je dáno člověku odpradáva. V obrazném biblickém jazyce se objevují osoby, které jsou spjaty se zápornými činy a prohřešky. Mezi nejznámější záporné postavy, jejichž jednání se odrazilo i ve frazeologii obou slovanských jazyků patří např. Jidáš, Kain, Herodes, Pontský Pilát či symbol ženského pokolení – prvorodička Eva. Objevují se zde i méně známé biblické postavy, např. Gog (kníže ze země Magog), Chám (syn Noemův), Jezabel (žena krále Izraele Achaba) či Levité (příslušníci kmene Levi) aj.

Toto frazeosémantické pole se skládá celkem z 32 frazeosémantických skupin. Dominantním rysem frazeosémantického pole jsou frazémy vyjadřující záporné lidské vlastnosti (srov. např. frazeosémantické skupiny „Istivost a pokrytectví“, „zrada“, „krutost – bezcitnost“, „nevychovanost“, „krutost“, „záletnost“, „pokárání – kritika“ apod.). Objevují se

Pozn. v našem výzkumu považujeme za **frazém i samotné křestní jméno biblické postavy**, nese-li symbolický význam (např. Jidáš – tj. zrádce).

Za **frazém** pokládáme i tzv. **frazeologický výraz** (фразеологическое выражение). Jedná se o typ frazému, který svou strukturou i významem odpovídá větě a může vystupovat nezávisle jako věta – v. výše. Daný typ frazémů se objevuje v biblické frazeologii poměrně často. Srov. např. не мечите бисера перед свиньями; Кайн, где брат твой Авель? Из Назарета может ли быть что доброе?; что делаешь, делай скорее; кто не работает (не трудится), тот (и) не ест.

Základní materiálový korpus byl čerpán z Rusko-českého frazeologického slovníku (Stěpanova, 2007), z Česko-ruského frazeologického slovníku (Mokijenko – Wurm, 1995). Další seznam výběrové bibliografie – v. níže.

Součástí příspěvku jsou i frazémy, které jsou označeny hvězdičkou *. Tyto frazeologické jednotky vyjadřují jiné variace daného křestního jména. Většinou se jedná o archaické frazémy, které vyšly z běžného užívání. S těmito typy frazémů se setkáváme častěji v českých tvarech. U některých frazémů znak * označuje také další možné významy frazeologizmu.

³ Srov. Mlacek, J. - Ďurčo, P. Frazeologická terminológia [online]. [cit. 2012-11-25]. Dostupné z: <www.juls.savba.sk/ediela/frazeologicka_terminologia/>

⁴ Zkoumané frazémy, jejichž součástí je jméno osoby (a konkrétní událost) z Bible, jsou podmožinou biblické frazeologie (Ferencová, 2006: 90-91).

⁵ Výsledky výzkumu budou zveřejněny v disertační práci, jejíž obhajoba proběhne na konci roku 2013 na Filozofické fakultě Masarykovy univerzity v Brně.

i skupiny frazémů s významem „být chytrý“ – tj. „nebýt hloupý“ - srov. např. skupinu „duševní obroda“, „moudrost“, „moudrost – vychytralost“) či frazémy s pozitivním sémantickým vyzněním (např. frazeosémantická skupina „pokora – nevinnost“, „pracovitost“, „spravedlnost“ aj.).

Frazeosémantická skupina „zrada“

Zrádce je člověk, který se dopustil zrady, buď z hlediska zákona (pak jde o zločin), nebo morálky, pak jde z hlediska patřičného morálního systému o nemorální jednání. Podstatou zrady je závažné zneužití udělené důvěry a napomáhání nepříteli či přejítí k němu za situace, kdy ostatní členové skupiny mají plné právo zrádce považovat za loajálního člena.

V oblasti kulturního rámce západní civilizace se stal ztělesněním zrádce Kristův učedník Jidáš Iškariotský, jehož nemorální chování se odrazilo v ruské i v české frazeologii.

Úplné ekvivalenty

<i>И(и)удин поцелуї</i>	<i>jidášský polibek; Jidášův polibek</i> <i>*po jidášsku; myslí tě po jidášskau políbiti⁶</i>
<i>поцелуї Иуды</i>	<i>polibek Jidáše</i>
<i>И(и)удино лобзание</i>	<i>Jidášovo políbení</i>

Uvedená skupina frazémů připomíná poslední večeři Pána Ježíše a jeho učedníků na oslavu Velikonoc, při níž Ježíš lámal chléb a podával učedníkům víno z kalicha. V průběhu večeře umyl svým učedníkům nohy, a tím je symbolicky vyzýval k pokoře a bratrství. Zároveň jim oznámil, že jeden z nich ho zradí. Stalo se tak v Getsemanské zahradě, Jidáš tam označil Ježíše jeho odpůrcům podle předem dohodnutého znamení: políbil jej; proto *Jidášův polibek* značí polibek zrádce nebo je výrazem neupřímné lásky.

V češtině se můžeme setkat s variantou s velkým písmenem u jména *Jidáš*, častěji s malým písmenem (přivlastňovací adjektivum); v ruštině je situace obdobná. V ruštině se mj. objevuje tvar *Иудино лобзание*, který je zastaralý.

Ekvivalentní tvar *polibek Jidáše* jsme našli i v českých zdrojích, ale není příliš častý. Jedná se zřejmě o český novotvar užívaný nejčastěji v publicistickém stylu. České i ruské varianty frazémů jsou totožné jak v sémantice, tak v grafice. V češtině nalezneme archaickou podobu substantiva – *políbení*; v ruštině taktéž archaický tvar - *лобзание*.

<i>И(и)уда</i>	<i>Jidáš(e); jidáš; Juda; Judas; Judášenec</i>
<i>как Иуда</i>	<i>jako Jidáš</i>
<i>предать (продать) как Иуда Христа</i>	<i>zradit (jako) Jidáš Krista</i>
<i>Искариот</i>	<i>I(i)škariot</i> <i>* ty jidáši iškariotský⁷</i>
<i>быть как Иуда</i>	<i>to je Jidáš</i>

Jidáš Iškariotský – apoštol, který zradil Ježíše kněžím za (podle Matouše) třicet stříbrných. Jidáš přivedl hlídku a oddíl vojáků do zahrady zvané Getsemanská, místa na hoře Olivové, které Ježíš často navštěvoval. V Janově podání už Jidáš nehrál žádnou roli, ale podle ostatních evangelistů zradil Ježíše polibkem. Všichni se shodují, že došlo ke krátké rvačce, v níž jeden z Ježíšovy skupiny, identifikovaný Janem jako Petr, usekl ucho jednomu ze sluhů.

⁶ Srov. archaické a dnes již nepoužívané české frazémy.

⁷ Srov. lidové oslovení zrádce či člověka se zápornými povahovými vlastnostmi.

Když kněží Ježíše odsoudili, Jidáš se kál, zahodil stříbrňáky a oběsil se. Jidáš se stal prototypem zrádce a také mj. inspirativní personou v umění a v literatuře.⁸

Česko-ruské varianty označují *Jidáše* jako zrádce, odpadlíka, který někoho zradil za účelem zisku. V češtině můžeme *Jidáše* označit také jako *Judu* nebo a ve starší kralické verzi Bible *Judas* – v ruštině *Иуда*. Někdy je označen malým písmenem – *jidáš* či *iškariot*.

<p><i>И(и)удины деньги</i></p>	<p><i>Jidášův peníz; jidášský peniez</i> <i>*Jidášův groš (troníček); Jidášský groš; jidášská odměna; prodat někoho za Jidášův (jidášský groš/ peníz); prodat se za jidášský groš; prodat koho za Jidášův (jidášský) peníz; prodat za jidášský groš; získat jidášskou odměnu; kdo zamiluje zisk, Jidášovu píseň zpívá; zpívat jako Jidáš; zpívat Jidášovu píseň; jednat po jidášsku; jidášská služba; Jidáš ho uhodil váčkem (měšcem); Jidáš ho uhodil vačkem; uhodil ho Jidáš váčkem; Jidášův opasek; nekousal Jidáše v koleno⁹</i></p>
--------------------------------	--

Jidáš „měl měšec“, zastával tedy místo jakéhosi pokladníka ve sboru apoštolů, ale kradl z něho pro sebe. Dopustil se zrady ze ziskuchtivosti, došlo k ní krátce před židovskými Velikonocemi. Ježíš s učedníky dlel na *Velikou noc* v Jeruzalémě. Bylo rozhodnuto ho nenápadně zajmout a k tomuto činu se propůjčil právě Jidáš. „*Co mi dáte, když vám ho zradím?*“ „*I smluvili se s ním na třiceti stříbrných.*“

Frazém *jidášský groš* označuje peníze získané zradou. Všechny varianty frazémů označují člověka-zrádce, který vůči svému příteli, blízkému společníkovi apod. za výhodu, úplatek, odměnu někoho zradí někoho, přátelství s někým nebo jeho důvěru věrolomně, cynicky a bez výčitek svědomí.

V ruštině se objevuje o mnoho méně variant s křestním jménem Jidáš než v češtině. Srov. tvary bez propria: (*продать за*) *тридцать серебряников; плата за предательство – prodat (zradit koho) za třicet stříbrných (stříbrňáků)*.

V češtině se objevují frazeologizmy ve spojení přivlastňovací adjektivum + verbum (*prodat někoho za Jidášův jidášský groš/ peníz; získat jidášskou odměnu*). Ruskému výrazu

⁸ См. История Иуды привлекала целый ряд писателей Нового времени. Прямо и опосредованно история И. И. осмысливается в притче М. Е. Салтыкова-Щедрина "Христова ночь" (1886) и романе "Господа Головлевы", в повести Т. Гедберга "Иуда. История одного страдания" (1886), в драме Н. И. Голованова "Искарриот" (1905) и повести Л. Н. Андреева "Иуда Искариот и другие" (1907), в драматической поэме Л. Украинки "На поле крови" (1909), в поэме А. Ремизова "Иуда-предатель" (1903) и его же пьесе "Трагедия об Иуде, принце Искариотском" (1919), в драме С. Черкасенко "Цена крови" (1930), рассказе Ю. Нагибина "Любимый ученик", романах Н. Мейлера "Евангелие от Сына Божьего", романе-апокрифе Г. Панаса "Евангелие от Иуды" (1973), в психологическом детективе П. Буало и Т. Нарсежака "Брат Иуда" (1974), притче В. Быкова "Сотников" (1970), романах М. А. Астуриаса "Страстная пятница" (1972), А. И. Солженицына "В круге первом" (линия Руськи с его "игрой в Иуду"), Р. Редлиха "Предатель" (1981), Н. Евдокимова "Трижды величайший, или Повествование о бывшем из небывшего" (1984), романе А. и Б. Стругацких "Отягощенные злом, или Сорок лет спустя" (1988) и др., а также в многочисленных романах, посвященных осмыслению истории Иисуса Христа, вплоть до "Евангелия от Иисуса" Ж. Сарамго (1998).

⁹ Srov. české archaické a dnes nepoužívané varianty frazému.

деньги odpovídají české archaické tvary *groš*, *peníz*, ale také neutrální (dodnes užívaná) substantiva *odměna* a *zisk*.

<i>Каин</i>	<i>Kain</i> * (<i>být</i>) <i>Kainem (komu)</i>
<i>поступать как Каин</i>	<i>počínat si jako Kain</i>

Podle *Starého zákona* byl Kain jedním ze synů Adama a Evy, který zabil ze závisti svého bratra Ábela. Za tento čin mu Bůh udělal znamení, aby nikdo, s kým se setká, ho nezabil. Samo jméno Kain se podobně jako Jidáš stalo označením špatného člověka, toho, kdo se nechová podle pravidel – označuje vraha, zrádce, vyvrhele, těžkého zločince.

Zajímavým spojením biblického a lidového jména vznikl frazém *Ванька-Каин*, který připomíná ruského loupežníka, zloděje; podle hrdiny ruské lidové pověsti.

Částečné ekvivalenty

<i>Иуда-предатель; иудушка (-предатель)</i>	<i>(být) zrádný (jako) Jidáš; (být) falešný jako Jidáš; smrdí Jidášem; smrdí Jidášem; nevěrní d'ábelníci a jidášové; učinil jim zrádně jako pravý Jidáš; tu zrádně bratřím učinil, jako Jidáš panu Kristovi</i>
<i>продать как Иуда</i>	<i>zradit (jako) Jidáš Krista; zradit někoho jako Jidáš; zrada (jidášská)</i>
<i>быть как Иуда</i>	<i>být falešný jako Jidáš</i>
<i>иудушкин</i>	<i>jidášný; jidášský; jidášstvo</i>

Varianta *Иуда-предатель* je částečně ekvivalentní k tvarům *zrádný (jako) Jidáš; být zrádný jako Jidáš; být falešný jako Jidáš*. Ruské substantivum *предатель* přeložíme do češtiny jako *zrádce* či *jidáš* – tj. zrádce. Srov. podobně v ruštině: *(он) родную мать продаст*.

Frazeologické analogy

<i>продать как Иуда</i>	<i>prodat jako Josefa (E)egyptským (Egyptanům); prodán jako Josef egyptský</i> * <i>Josefova suknice</i> ¹⁰
-------------------------	---

Josef (Иосиф Прекрасный), Jákobův syn, byl otcův mazlíček. Donášel mu na své bratry a měl sny, ve kterých se mu klaněly snopy, slunce, měsíc a jedenáct hvězd. Za jeho chování ho bratři prodají kupcům do Egypta. Otcí tvrdí, že je jeho milovaný syn mrtev. Josef se ocitne v Egyptě, kde si získá přízeň faraona (a jeho manželky zvané Pufifarky). Ve starozákonní hebrejštině znělo jméno Josef *Joasaf* a znamenalo asi tolik co přírůstek, rozhojnění. Rozšířilo se pak nejen po křesťanském světě, ale i mezi muslimy, kde zní Jusuf.¹¹

Český tvar *prodat jako Josefa egyptským* nese význam zbavit se neoblíbeného či nepohodlného člověka a ještě na tom vydělat.

¹⁰ Srov. další variaci českého frazému spojenou s osobou Josefa Egyptského. Josefova suknice symbolizuje zradu a proradnost Josefových bratří.

¹¹ V českých zemích i v Evropě bylo jméno Josef dlouho řídké. Rozšířilo se nejvíce v době baroka. Do značné míry je popularita tohoto jména spjata s památkou na populárního panovníka Josefa II.

V ruštině je významově podobný frazém *продать как Иуда*. Srov. předchozí skupinu frazémů: (*продать за*) *тридцать сребреников*; *Иудины деньги*, tj. zbavit se někoho a získat za to peníze.

Specifické české frazémy s křestním jménem biblické postavy

<i>zapřít jako Petr Krista; zapřel koho jako Petr Krista; zapřela ho jako Petr Krista; zapření Petrovo</i>	<i>он отрекся от кого; он притворился, что не знает кого (из трусости); из страха или трусости отказываться от знакомства с кем-либо</i>
--	--

Petr - apoštol a zakladatel křesťanské církve v Římě. Jmenoval se Šimon, ale dostal příjmení (přezdívku) Petrus nebo Kéfas, což v řečtině a hebrejštině znamená kámen. Petr byl skála, na níž se Ježíš rozhodl budovat svou církev. Rčení poukazuje na scénu z Bible, kdy se Petr zbaběle nezná ke Kristovi. Podle Nového zákona (Mat, 26, 69-75) po Ježíšově zatčení a jeho odvedení k veleknězi šel Petr zpovzdálí za ním až do veleknězova dvora. Tam ho poznaly dvě služky.

Dané frazémy jsou spjaty s dobou před Ježíšovým ukřižováním, kdy apoštol Petr vytrpěl hluboké ponížení, když popřel, ze strachu a třikrát, že zná Ježíše, jak Ježíš předpověděl, Petr hořce zaplakal. Rčení se vztahuje na člověka, který ze strachu, vypočítavosti nebo nemorálnosti úmyslně zamlčí, popře, zradí přítele, svého učitele apod. – ve prospěch vlastních zájmů. Obvykle ze strachu před někým mocnějším. V češtině je součástí frazémů sloveso v infinitivu či v určitém tvaru. V ruštině se nesetkáváme s tvarem s propriem, a proto jsme klasifikovali dané tvary jako tzv. specifické české frazémy s křestním jménem biblické postavy.

Závěrečné shrnutí

Ve frazeosémantické skupině „zrada“, která je součástí frazeosémantického pole „Duševní prožívání člověka“, bylo vyexcerpováno v ruštině 18 úplných a částečných ekvivalentů s křestním jménem biblické postavy a 2 frazeologické analogy s odlišným křestním jménem biblické postavy (nebo jiným křestním jménem mytologické postavy). V češtině bylo dohledáno 57 úplných a částečných ekvivalentů s křestním jménem biblické postavy a 5 frazeologických analogů s odlišným křestním jménem biblické postavy (nebo jiným křestním jménem mytologické postavy).¹²

Kvantitativní rozdíl v počtu biblických křestních jmen mezi českými a ruskými frazémy vznikl mj. z toho důvodu, že jsme vyexcerpovali některé české archaické frazémy, které již vyšly z běžného užívání, tím se jejich počet zvýšil.

V obou slovanských jazycích můžeme nalézt podobnost v „oblíbenosti neoblíbených postav“, tj. negativní hrdinové se stali součástí frazeologie a idiomatiky obou slovanských jazyků. Zkoumané ruské a české komparace mohou ukázat částečnou míru podobnosti kulturního pozadí frazémů, vyplývajícího ze společných slovanských kořenů a internacionální povahy frazeologie evropských jazyků.

¹² Pozn. ne všechny frazémy jsou součástí tohoto příspěvku.

Použitá literatura:

- BIBLE. *Písmo svaté Starého a Nového zákona včetně deuterokanonických knih. Podle ekumenického vydání z roku 1985.* Praha: Česká biblická společnost, Zvon, 1991. ISBN 80-7113-009-5.
- FERENCOVÁ, M. *Křesťanské a biblické frazémy a ich miesto vo vyučovacom procese.* In Zborník Katedry komunikačnej a literárnej výchovy Pedagogickej fakulty Prešovskej univerzity. Prešov: Prešovská univerzita, 2006. s. 90-97.
- HELLER, J. *Výkladový slovník biblických jmen.* Praha: Advent-Orion - Vyšehrad: Centrum biblických studií Akademie věd ČR a Univerzity Karlovy v Praze, 2003. ISBN 80-7172-865-9 (Advent-Orion); ISBN 80-7021-725-1 (Vyšehrad).
- KOVÁŘOVÁ, S. *Proč se říká?* Olomouc: Alda, 1994. ISBN 80-85600-31-5.
- KRÁTKÝ, J. *Jádro pudla. Malá encyklopedie nejfrekventovanějších rčení, přísloví a sentencí.* Mladá Boleslav: Šebek a Pospíšil, 1991. ISBN 80-85210-17-7.
- MOKIJENKO, V. - WURM, A. *Česko-ruský frazeologický slovník.* Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 1995. ISBN 80-244-0406-9.
- NETTELHORST, R. P. *Sto postav z Bible: Příběhy ze Starého a Nového zákona.* Bratislava: Slovart, 2008. ISBN 970-80-7391-153-9.
- OUŘEDNÍK, P. *Aniž jest co nového pod sluncem.* Praha: Mladá fronta, 1997. ISBN 80-204-0469-4.
- SPALOVÁ, O. *Co to je, když se řekne...* Praha: Svoboda, 1968.
- STĚPANOVA, L. *Česká a ruská frazeologie: Diachronní aspekty.* Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2004. ISBN 80-244-0795-7.
- STĚPANOVA, L. *Rusko-český frazeologický slovník.* Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. ISBN 80-244-1750-9.
- STĚPANOVA, L. I. - MOKIJENKO, V. M. *Ruská frazeologie pro Čechy. Русская фразеология для чехов.* Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, 2008. ISBN 80-244-1916-9.
- MLACEK, J. - ĎURČO, P. *Frazeologická terminológia* [online]. [cit. 2012-11-25]. Dostupné z: <www.juls.savba.sk/ediela/frazeologicka_terminologia/>
- КОЧЕДЫКОВ, Л. Г. *Краткий словарь библейских фразеологизмов.* Самара: Бахрах, 2006. ISBN 5-94648-044-8.
- МОКИЕНКО, В. М. *Славянская фразеология.* Москва: Высшая школа, 1980.
- СУПЕРАНСКАЯ, А. В. - СУСЛОВА, А. В. *О русских фамилиях.* Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008. ISBN 978-5352-02252-8.
- СУСЛОВА, А. В. *О русских именах.* Ленинград: Лениздат, 1991. ISBN 5-289-00807-1.

Mgr. Markéta Pavlasová

Filozofická fakulta, Masarykova univerzita v Brně

Jílová 35

639 00 Brno

marketa.hoferkova@seznam.cz

Lingvodidaktická sekce – Лингводидактическая секция

V roce 2006 jsem ukončila studium *Učitelství českého a ruského jazyka a literatury* na Pedagogické fakultě MU v Brně. Poté jsem začala vyučovat Český jazyk a literaturu na Biskupském gymnáziu Brno, kde rovněž pracuji jako vedoucí školní knihovny a informačního centra.

Od roku 2007 studuji na Filozofické fakultě MU v doktorském studijním programu *Filologie: Ruský jazyk*. Během doktorského studia jsem se zúčastnila a publikovala na několika domácích i zahraničních mezinárodních vědeckých konferencích.

V době studia jsem mj. vyučovala *Ruský jazyk* na Filozofické fakultě MU a také jsem pracovala jako externí vyučující na Pedagogické fakultě MU.

V roce 2009 jsem vycestovala na studijní pobyt do Moskvy na Filologickou fakultu Moskevské státní univerzity (MGU).

V současné době dokončuji doktorské studium *Ruského jazyka* na Filozofické fakultě Masarykovy univerzity.

Fenomén pohádky ve výuce ruského jazyka

Michaela Šádková

Abstract: The paper studies the possibilities of using fairy tales in the teaching of Russian language. The functions of these texts (motivation, the development of reading literacy and abilities, the introducing of literary texts, references to cultural values and realia, the development of language skills) are shortly described in this paper. The paper considers the possible advantages and disadvantages of using fairy tales in teaching practise and shows the conditions and facts that are important to be taken into consideration. The temporary results of the practical research in the Czech schools are also included.

Key words: Russian fairy tales, teaching, the functions of a text, reading literacy, motivation

Příspěvek představuje náměty rozpracované diplomové práce Úloha pohádkových textů při výuce ruskému jazyku. Hlavním cílem příspěvku je zamyšlení nad možnými výhodami a nevýhodami použití ruských pohádek při výuce a shrnutí důvodů pro práci právě s těmito texty. Teoretické závěry diplomové práce lze prakticky využít k oživení výuky doplňkovými materiály, vztahujícími se k ruským pohádkám, a možnosti rozvíjení jazyka, ale současně i dalších oblastí, jako například čtenářské gramotnosti či multikulturní výchovy.

Důvody použití právě pohádkových textů se odrážejí ve výhodách funkcí, které mohou plnit. Nutné je ovšem zohlednit i jisté nevýhody, které s sebou tento materiál přináší (např. osvojování i málo využitelné slovní zásoby a podobně). Základní důvody pro využití pohádek ve výuce můžeme rozdělit na následující: motivace, rozvíjení čtenářské gramotnosti a dovedností, seznamování s literárními texty, odkazy na kulturní hodnoty a realie a rozvoj řečových dovedností.

V dnešní době plné informací jsme neustále zahlceni materiálem ke čtení. A to nejen ve škole či zaměstnání, ale i ve volném čase. Velmi často čteme to, co musíme, a už nám nezbývá čas na to, co číst opravdu chceme. Jedním z cílů zařazení textů ruských pohádek do výuky by tak mohla být podpora toho, co žáci číst chtějí. Jinými slovy, to, že žáci se budou ve výuce zabývat texty ruských pohádek, by pro ně nemuselo znamenat pouze povinnost, ale z části také zábavu. Pohádky se obvykle ve společnosti nejen dětí, ale i dospělých, těší velké popularitě, a tak by mohly být ve výuce kladněji přijímány, než jiné literární nebo populární publicistické autentické texty. Motivační funkci textů ruských pohádek ve výuce jistě nelze opomenout. Jakýkoliv další výukový materiál mimo učebnici se u žáků většinou setkává s pozitivní odezvou. Pokud je tento materiál navíc zajímavě zpracovaný ve formě například textu k poslechu nebo videa a na něj navazujících cvičení, mnozí žáci mají menší problémy s udržením pozornosti a snáze akceptují úkoly a práci, která je po nich vyžadována. Nakolik lze ale srovnat pohled žáků na pohádky a na jinou populární uměleckou literaturu zůstává otázkou. Klasické pohádky mají výhodu v tom, že jsou již prověřeny časem a nepodléhají v takové míře módě a komerci, tak jako tato současná populární literatura. Zda by žáci uvítali pohádky ve výuce ruského jazyka a zda by pro ně byly zajímavé, zjišťuje dotazníkové šetření,

kteří je v rámci diplomové práce prováděno v královehradeckém kraji na základních a středních školách s výukou ruštiny.

Mimo motivační funkce nelze pak upřít textům ruských pohádek ve výuce jejich úlohu při rozvíjení čtenářské a funkční gramotnosti. Čím dál tím více lidí nečte vůbec nebo čte málo, což spolu s upadající kvalitou textů médií a internetu, které nás denně obklopují, způsobuje snižování čtenářské gramotnosti, tedy schopnosti rozumět tomu, co čteme. Pokud budeme za cíl pohádkových textů ve výuce ruskému jazyku považovat nejenom jejich četbu, ale i následný rozbor a práci s textem (tak aby mělo umístění ruské pohádky do výuky nějaký význam), přirozeně se tím naším cílem stává i rozvoj čtenářské gramotnosti. Pohádky jsou ukázkou souvislého textu, který má obsah a dává nějaký smysl, lze je tedy použít k různým cvičením trénujícím čtenářskou gramotnost, například rozborům, dotazování se na obsah či detaily textu nebo vytváření osnovy, vymyšlení konce pohádky a podobných aktivit, zaměřených na práci se souvislým textem. Čtenářská gramotnost se stává stále větším a větším problémem mladé generace – využití ruských pohádek ve výuce by tak mohlo mít nejen příznivý vliv na rozvoj jazyka, ale nenásilnou formou by také mohlo přispívat k rozvíjení této gramotnosti.

Nespornou funkcí textů pohádek ve výuce je pak také seznamování s literárními hodnotami uměleckého textu, jako například struktura stavby textu (především tedy vypravování), poetika literatury a její estetika. Nakolik si žáci při čtení textů všimají i jeho stavby a zmíněných literárních hodnot se taktéž pokouší zjistit dotazník, který je součástí diplomové práce. I v případě, že budou žáci zaměřeni více na obsah textu, nelze spolupůsobení formy, která je od obsahu neoddelitelná, na jejich estetické a literární citění zcela vyloučit.

Dalšími prvky, které lze při práci s pohádkami využívat, jsou jejich odkazy na ruskou kulturu a realie. Svěbytné elementy každé kultury, tradice, hodnoty příslušného národa a celý komplex toho, co tradičně nazýváme realii, jsou fenomény, které se promítají do textů ruských pohádek ve velké míře. Toto může být považováno za další významnou stránku použití ruských pohádek ve výuce ruskému jazyku. V dnešní moderní společnosti, takřka bez hranic, hraje multikulturní výchova velkou roli. Ruské pohádky zařazené do výuky by tak mohly přispívat k učení žáků toleranci nejen k Rusku a k ruskému národu, ale i všeobecné toleranci k cizím kulturám. Tento aspekt lze považovat za velmi důležitý, neboť vedle učení se jazyku přirozeně učí žáky poznávat cizí prostředí a jeho specifika. Multikulturní nadhled žáků je třeba rozvíjet obecně, ovšem vzhledem ke vztahu komunistického Československa a Sovětského svazu a jeho vlivu na mínění českých občanů o současném Rusku, je třeba dávat žákům možnost zformovat si vlastní názor na ruskou kulturu možná ještě o něco více. Ač může být obraz ruské kultury v pohádkových textech částečně zidealizovaný, o ruské přírodě (například o jejích horách, řekách, lesích) a povaze lidí vypovídají pohádky relativně objektivně. Na své objektivnosti a věrohodnosti pak nabývají i svou autentičností.

Hlavním důvodem (mimo ostatní výše zmíněné) pro použití ruských pohádek ve výuce je samozřejmě využití tohoto materiálu k rozvoji řečových dovedností. Text pohádky je textem souvislým, použité gramatické jevy se v něm vyskytují vždy v kontextu, dobře lze vidět použití slova v konkrétní situaci a jeho stylistickou a významovou hodnotu. Toto lze považovat za hlavní důvody použití textů ruských pohádek ve výuce, neboť, jak je již zmíněno výše, rozvoj praktických řečových dovedností je mezi jinými funkcemi těchto textů

pochopitelně nejvíce žádoucí. Příklady gramatických jevů v souvislém textu pohádek nemusí být sice dokonalými příklady potřebné gramatiky, tak, jak by tomu bylo u pečlivě vybraných či smyšlených příkladových vět, nicméně mají výhodu svého okolí, tedy kontextu, ve kterém je zřetelněji vidět, kdy se používají.

V neposlední řadě pak mohou ruské pohádky rozvíjet takové schopnosti a dovednosti, jakými jsou například fantazie a tvořivost. Svůj vliv mohou mít také na formování klíčových kompetencí žáků, tedy kompetencí k učení, k řešení problémů, komunikativní, sociální a personální, občanská a pracovní kompetence (Bělecký, 2007, s. 20 – 74).

Výše popsané důvody – motivace, rozvíjení čtenářské gramotnosti a dovedností, seznamování s literárními texty, odkazy na kulturní hodnoty a realie, rozvoj řečových dovedností – jsou hlavními důvody použití ruských pohádek ve výuce. Nelze je ovšem sledovat dogmaticky, je třeba zohlednit i další fakta.

Především je nutné materiál ruských pohádek dobře vybírat, tak aby byl pro žáky skutečně motivační, podnětný a příliš nepřetěžoval jejich možnosti. Použití textů ruských pohádek ve výuce má své výhody, nicméně nelze nevidět i jisté nevýhody, kterými může být například přílišná náročnost samotného textu, velká časová náročnost pro práci s tímto textem či nízká nasycenost požadovanými gramatickými nebo stylistickými jevy. Všechny tyto možné nevýhody je nutné zohlednit při práci s pohádkami ve výuce a taktéž při tvorbě výukových materiálů tak, aby vše sloužilo především žákovi a jeho rozvoji. Kritéria výběru vhodného materiálu je tak třeba přizpůsobit žákům a jejich výukovým podmínkám. Mít na zřeteli je nutné především jazykovou úroveň žáků a časovou dotaci hodin ruského jazyka ve výuce. Velký rozdíl se dá předpokládat například mezi žáky ruského jazyka jako nepovinného předmětu a studenty víceletých gymnázií a jazykových škol. S tímto souvisí i počet hodin ruského jazyka týdně, který nepochybně také ovlivňuje možnosti využívání ruských pohádek při výuce. Při nižším počtu hodin a předpokládané stejné výstupní kvalitě jazykové úrovně žáků je jistě i prostor pro využívání různých doplňkových materiálů mnohem nižší. Přestože lze materiál ruských pohádek využít k velké škále různých aktivit, jako například gramatickým cvičením, poznávání nové slovní zásoby, dramatizace pohádek, pravděpodobně jím nelze zcela nahradit učebnici, ve které je učivo systematicky uspořádáno a logicky na sebe navazuje. Pohádky se tedy zdají být vhodnějšími opravdu jako doplňkový materiál, nikoliv jako základ výuky.

Při konkrétním výběru ruských pohádek pro výuku a taktéž druhu práce s nimi, by samozřejmě měly být sledovány především zájmy žáka, jak už bylo zmíněno výše. Nepochybně se ale v tomto výběru také odrazí osobnost učitele a jím zvolená metoda výuky. Používání ruských pohádek ve výuce ve formě textů, videí či gramatických cvičení se spíše shoduje s filosofií těchto metod: gramaticko-překladové (texty a cvičení), audiovizuální (obrázky, filmy, videa) či přirozené (autentické texty) (Акишина, Каган, 2002, s. 8 – 24). Vzhledem k charakteru jednotlivých metod zde lze pohádky spíše uplatnit než v ostatních metodách.

Konkrétními příklady použití mohou být v závislosti na výše uvedených faktorech například text a k němu náležející otázky nebo cvičení, doplňovací cvičení (samotný text s vynechávkami), překladová cvičení (vše může být vhodně doplněno o ilustrace a práci s nimi), různé formy didaktických her a v neposlední řadě také dramatizace pohádkových textů. V souvislosti s audiovizuální metodou lze také zmínit zařazení krátkých kreslených

filmů a na ně opět navazující různé formy práce s tímto videem. U mnohých učitelů se nyní těší velké oblibě například používání ruského televizního seriálu *Máša a medvěd*.

Příspěvek dokazuje, že využití ruských pohádek ve výuce může být pro žáky velmi výhodné a tzv. multifunkční, tedy že může rozvíjet i několik oblastí najednou. Pohádkový text (pokud je vhodně použit) totiž může kromě jazykových dovedností pomáhat rozvíjet i čtenářskou gramotnost, znalost kultury a reálií, podporovat kreativní myšlení apod. Nicméně je třeba se tímto tématem pro zmíněnou diplomovou práci zabývat i v dalších studiích. Zejména je podstatné dobře prostudovat materiál ruských pohádek a vybrat konkrétní pohádky pro konkrétní funkce. Dále je také nutné propracovat metodiku práce s literárním textem tohoto žánru ve výuce. V neposlední řadě pak také zpracovat výukové materiály, které budou použitelné v praxi a budou naplňovat všechny uvedené výhody.

Závěrem je nutno říci, že ruské pohádky můžou být ve výuce velmi užitečné a dobře plnit výše zmíněné funkce. Nicméně je třeba na ně pohlížet kriticky a vhodně volit materiál, formu i cíl jejich použití v závislosti na konkrétní skupině žáků.

Použitá literatura:

- BĚLECKÝ, Zdeněk. *Klíčové kompetence v základním vzdělávání*. Praha: Výzkumný ústav pedagogický, 2007, 75 s. ISBN 978-80-87000-07-6.
- АКИШИНА А. А; КАГАН О. Е. *Учимся учить : Для преподавателя русского языка как иностранного*. Moskva: “Русский язык“ Курсы, 2002, 255 с. ISBN 5-88337-044-6.

Bc. Michaela Šádková

Katedra slavistiky, Pedagogická fakulta, Univerzita Hradec Králové

Havlíčková 64, Nový Bydžov, 50401

michaela.sadkova@gmail.com

Bc. Michaela Šádková je studentkou Pedagogické fakulty Univerzity Hradec Králové. V roce 2012 úspěšně ukončila bakalářské studium oborů Anglický jazyk se zaměřením na vzdělávání a Ruský jazyk se zaměřením na vzdělávání na Univerzitě Hradec Králové. Nyní pokračuje v navazujícím magisterském studiu oborů Učitelství pro střední školy – Ruský jazyk a literatura a Učitelství pro 2. stupeň ZŠ – Anglický jazyk a literatura taktéž na Univerzitě Hradec Králové.

Motivační pohybové aktivity ve výuce ruského jazyka na druhém stupni ZŠ

Petra Kozáková

Abstract: This contribution concerns the motivation of physical activities in Russian language teaching at lower secondary school. It briefly defines the concepts of motivation, movement and kinesthetic learning style. There are mentioned some motivational physical activities. For simplicity and clarity, each physical activity is listed in the table. Here is the topic, learning objectives, category, assignment, key competencies, tools, organization and age group. Then the preparation before the activity is compiled in which is stated what knowledge the pupils should have to be able to do the activity. In the methodological procedure the activity itself is described in detail. Furthermore, it is shown how it is possible to vary the activities and thus to practice a greater number of topics and to expand the vocabulary. At the end of each activity there is an evaluation of each physical activity.

Key words: Motivation, movement, kinaesthetic learning style, Russian language,

Úvod

Správná motivace je nezbytná při každé vyučovací hodině cizího jazyka. Vhodnou motivací se nám podaří nadchnout žáky pro určitou činnost, získat jejich zájem a udržet jejich pozornost dostatečně dlouhou dobu, a tím maximálně zefektivnit výuku. Z odborných publikací i z praktického života je zřejmé, že nejpřirozenější motivací pro děti je motivace pohybem. Při pohybových aktivitách se daří rozvíjet dětskou fantazii a představivost, děti se dokáží uvolnit, zapomenou na to, že se vlastně učí a naprosto spontánně, přirozeně a bez jakéhokoliv násilí začnou myslet a vyjadřovat se v cizím jazyce.

Každý žák má svůj učební styl. Žák, který si zapamatovává pomocí pohybu a prožitku, má učební styl kinestetický. Žáci s tímto učebním stylem se učí prostřednictvím dramatizace, tanečků, pohybových her a simulací reálné situace. Pohybové hry mohou být účelnější než pouhé memorování, protože se při nich vytvoří autentičtější komunikační situace.

Zpracovávaná práce obsahuje soubor motivačních pohybových aktivit, vhodných především pro žáky mírně pokročilé. Některé aktivity je možno použít i pro žáky, kteří se začínají ruský jazyk učit. Aktivity byly vytvořeny na základě praktických zkušeností. Motivační pohybové aktivity na sebe vzájemně nenavazují.

Pojem motivace

Když chceme pochopit jednání dětí, porozumět jim a předvídat, jaké bude jejich jednání v budoucnosti, jak se budou v různých situacích chovat, pak se přirozeně ptáme, oč jim jde, co je zajímá a baví, zda se něčeho bojí, v co věří, doufají, o čem sní. Ptáme se, jaké síly jimi hýbou, odborně řečeno: jak silně a k čemu jsou motivováni.

Proto, abychom se mohli zabývat tím, jak motivovat žáky k učení, je třeba vysvětlit základní pojmy týkající se motivace.

Obecně se motivací zabývá psychologie. Ve Stručném psychologickém slovníku je tato definice: „Motivace je proces řídicí síly odpovědné za zahájení, usměrňování, udržování

a energetizaci zacíleného chování.“ (Hartl, 2004, s. 141) To znamená, že když chceme motivovat nějaké dítě k určité činnosti, musíme ho přimět k tomu, aby se začalo chovat podle našeho přání, aby změnilo staré způsoby za nové, dlouho udrželo svoji pozornost, aby ho činnost, kterou chceme, aby vykonávalo, bavila, přinášela mu uspokojení a naplňovala ho novou energií.

V knize Psychologický slovník autoři motivaci definují jako: „Souhrn činitelů, které podněcují, směřují a udržují chování člověka.“ (Hartl, Hartlová, 2000, s. 328) Je zřejmé, že záleží na osobnosti učitele, který motivuje, na jeho vynalézavosti a schopnosti zaujmout. Záleží také na prostředí. Děti určitě více baví činnosti prováděné v přírodě, v herně, na hřišti, v tělocvičně, než v běžné školní třídě. Jestliže musíme zůstat ve třídě, máme možnost upravit lavice, učit na kobereci, jakýmkoliv způsobem změnit strohé školní prostředí. Je důležité použít k motivaci zajímavé předměty, hračky, zvířátka, loutky, obrázky, ale také hudbu a pohyb.

Pohyb jako základní potřeba dítěte

„Pohyb je základní potřebou dítěte a je spojen s vývojem tělesným, psychickým i sociálním, proto se uplatňuje při výchově dítěte ve všech oblastech. Pohybové činnosti nabízejí prožitkové učení, které probíhá vlastní skutečnou aktivitou.“ (Dvořáková, 2002, s. 17)

Děti získávají velké množství životních zkušeností právě při pohybové hře. Může to být pohybová hra spontánní nebo i hra řízená a organizovaná učitelem nebo jinou dospělou osobou. Dětská hra je prostředkem velmi přirozeným a účinným právě proto, že náleží dětskému věku. Rozvoj dítěte je bez her a hravých aktivit nepřírozený. Děti se prostřednictvím her učí mluvit, zapojit se do kolektivu, najít své místo ve skupině, reagovat na různé podněty, podřizovat se i řídit, manipulovat s věcmi, různými předměty, ale i lidmi. Hra přináší dětem uvolnění, relaxaci, regeneraci sil, radost i zábavu, proto i její využití ve výuce pozitivně působí na proces osvojování.

„V oblasti psychiky dítěte je motorika úzce propojena s jazykovou výchovou, pohyb ovlivňuje rytmus řeči a dýchání. Pohybové aktivity také mohou podporovat samostatné vyjadřování a komunikaci. Mohou být zaměřeny na rozvoj smyslového vnímání, vytvářejí řadu situací, kde se uplatňují a procvičují myšlenkové procesy: řešení problému, rychlá schopnost analýzy a volby řešení, rozšiřují poznatkovou sféru, učí pravidlům, rozvíjejí fantazii a tvořivost, reaktivnost.“ (Dvořáková, 2002, s. 20)

Kinestetický učební styl aneb učení pohybem

Každý žák má svůj učební styl. Přínosem pro učitele i žáka je, když se podaří žákův učební styl identifikovat. Učitel může zvolit takové výukové metody, které usnadní a zefektivní dosažení stanovených vzdělávacích cílů. Obvykle bývá uváděna teorie sensoricky pojímaných učebních stylů, to znamená, že smyslové vnímání ovlivňuje proces učení.

Auditivně, neboli sluchově orientovaný žák si pamatuje dobře informace, které slyší. Vizualně, neboli zrakově orientovaný žák lépe chápe učivo, které vidí. Žák, který si nejlépe zapamatovává pomocí pohybu a prožitku, má učební styl pohybový, neboli kinestetický.

Kinestetický pohybový styl napomáhá žákům, kteří patří do skupiny s pohybovým a hmatovým učebním stylem. Příprava výuky pro tyto žáky je časově nejvíce náročná, protože učitel musí připravit velké množství materiálů a aktivit. Žáci se učí prostřednictvím dramatizace, tanečků, pohybových her. Žáci předstírají reálnou situaci v obchodě, na poště, v restauraci, v hotelu, u lékaře. (Skřivánek, 2005, [online])

Základem kinestetického učebního stylu je zařazování pohybu a her do výuky. Tyto aktivity záměrně rozvíjejí myšlení a záměrně evokují produktivní aktivity. V běžné praxi učitelé často zařazují hry jako okrajové činnosti a přisuzují jim vedlejší roli. Často vidí ve hrách jen příležitost, jak využít časový prostor na konci hodin. Pokud se dostane učitel do časové tísně, vyřazuje z programu právě hry, ačkoliv se paradoxně může jednat o nejtvořivější část vyučovací hodiny. Hry, které jsou pečlivě metodicky připraveny, mohou být účelnější než pouhé memorování, protože se při nich vytvoří autentičtější komunikační situace. (*Kinestetický učební styl*, 2010, [online])

Soubor motivačních pohybových aktivit

1. Пепка (O veliké řepě)

První pohybová aktivita se jmenuje „Пепка“. Je to dramatizace ruské národní pohádky. Základem této aktivity je volně upravený text, který je psán formou scénáře. Žáci se naučí nová slova a jejich správnou výslovnost, naučí se pracovat podle společně stanovených pravidel týmové práce.

Každá motivační činnost obsahuje téma, vzdělávací cíle, kategorii, úkol, klíčové kompetence, pomůcky a organizaci, které jsou zpracovány v přehledné tabulce.

Tabulka 1: Пепка (O veliké řepě)

Téma	Dramatizace ruské národní pohádky
Vzdělávací cíle	Osvojit si názvy členů rodiny Vnímat rytmus mluvené řeči Ztvárnit děj Vzájemně spolupracovat.
Kategorie	Pohybová aktivita - dramatizace
Úkol	Naučit se krátký text, naučit se nová slovíčka
Klíčové kompetence	Kompetence k učení: žák se koncentruje na práci a učení, zajímá se o nové poznatky. Kompetence komunikativní: žák se vyjadřuje tak, aby mu ostatní rozuměli, vystupuje sebejistě před známým i neznámým publikem, ovládá vhodnou mimiku a gesta. Kompetence sociální a personální: žák pracuje podle společně stanovených pravidel týmové práce, přijme ve skupině roli. Kompetence občanské: žák oceňuje hodnotu uměleckých děl, je kreativní.
Pomůcky	Papírová řepa, dědek – klobouk, babka – šátek, vnučka – mašle, kočka, pes a myš – papírové masky, které si děti vyrobí předem ve výtvarné výchově po domluvě s vyučujícím tohoto předmětu.

Organizace	V prostoru
Věková kategorie	ZŠ – mírně pokročilí

Důležitá pro učitele je příprava před aktivitou, ve které je stanoveno, co všechno by žáci měli umět, aby byli schopni aktivitu zvládnout. Je vhodné věnovat určitý čas před použitím pohybové aktivity, například v předcházející hodině, k seznámení žáků se slovní zásobou, s gramatikou, poučit je o výslovnosti, intonaci a přízvuku ve slovech a větách.

Příprava před aktivitou:

V předcházejících hodinách se žáci seznámí s těmito slovesy: „сидить – посадить“, „говорить – сказать“, „расти – вырасти“, „ходить – идти“, „тянуть – вытянуть“, „звать – позвать“. Většina z těchto sloves bude použita v dramatizaci pohádky. Žáci se naučí pojmenovat rusky osoby a zvířátka, vystupující v pohádce: „дед, бабка, внучка, собачка, кошка, мышка.“

Vyučující bude vyprávět žákům pohádku „Репка“. Souběžně s vyprávěním pohádky bude ukazovat obrázky, které vzbuzují dětskou pozornost a lákají žáky k aktivitě. Obrázky napomáhají žákům dobře si vybavit posloupnost děje a lépe se jim bude dařit následná dramatizace.

Obrázek 1: Репка (O veliké řepě)

Репка: Русская народная сказка. Большая онлайн библиотека [online]. 2003 [cit. 2013-08-19]. Dostupné z: <http://www.e-reading-lib.com/bookreader.php/245/Repka.html>

V hodině výtvarné výchovy si žáci po domluvě s vyučujícím tohoto předmětu vyrobí masku pejska, kočičky, myšky a velkou papírovou řepu.

Vyučující připraví klobouk, šátek a mašli. Tyto předměty budou sloužit jako masky pro dědka, babku a vnučku. S použitím masek se žáci lépe vcítí do svých rolí a budou lehce rozpoznatelní pro děti – diváky.

V samostatně zpracovaném metodickém postupu jsou detailně popsány činnosti vyučující/ho a žáků, průběh aktivity. Podrobně je popsán každý pohyb, který budou žáci vykonávat a každé slovo, které budou při pohybu vyslovovat.

Metodický postup:

Vyučující přečte žákům pohádku O veliké řepě. Potom si s žáky zkusí pohádku společně zdramatizovat. Vyučující bude vypravěč, ostatní role obsadí žáci.

Všichni žáci sedí v kruhu. Vyučující drží kartičky s názvy postav. Žáci si postupně vytahují kartičky, přečtou osobu, kterou budou předvádět. Doprostřed kruhu si sedne žák, znázorňující řepu.

Vypravěč: Посадил дед репку и говорит.

Dědek: (*chodí kolem řepy*) Расти, расти, репка, сладка! Расти, расти, репка, крепка!

Vypravěč: Выросла репка сладка, крепка, большая-пребольшая.

Řepa: (*vstává a vzpaží*)

Vypravěč: Пошел дед репку рвать.

Dědek: (*drží řepu za ramena táhne za ni*)

Všichni děti: (*drží se kolem ramen a kývají se*) Тянет-потянет, вытянуть не может.

Vypravěč: Позвал дед бабку.

Dědek: (*zamává na babku a ta přistoupí*)

Babka: (*chytne dědka za ramena*) Бабка за дедку

Dědek: (*chytne řepu za ramena a táhnou*) Дедка за репку

Všichni děti: (*drží se kolem ramen a kývají se*) Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Vypravěč: Позвала бабка внучку.

Babka: (*zamává na vnučku a ta přistoupí*)

Vnučka: (*chytne babku za ramena*) Внучка за бабку

Babka: (*chytne dědka za ramena*) Бабка за дедку

Dědek: (*chytne řepu za ramena a všichni táhnou*) Дедка за репку

Všichni děti: (*drží se kolem ramen a kývají se*) Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Vypravěč: Позвала внучка собачку.

Vnučka: (*zamává na pejska a ten přistoupí*)

Pejsek: (*chytne vnučku za ramena*) Собачка за внучку

Vnučka: (*chytne babku za ramena*) Внучка за бабку

Babka: (*chytne dědka za ramena*) Бабка за дедку

Dědek: (*chytne řepu za ramena a všichni táhnou*) Дедка за репку

Všichni děti: (*drží se kolem ramen a kývají se*) Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Vypravěč: Позвала собачка kočku.

Pejsek: (*zamává na kočku a ta přistoupí*)

Kočka: (*chytne pejska za ramena*) Кошка за собачку

Pejsek: (*chytne vnučku za ramena*) Собачка за внучку

Vnučka: (*chytne babku za ramena*) Внучка за бабку

Babka: (*chytne dědka za ramena*) Бабка за дедку

Dědek: (*chytne řepu za ramena a všichni táhnou*) Дедка за репку

Všechny děti: (*drží se kolem ramen a kývají se*) Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Vypravěč: Позвала кошка мышку.

Kočka: (*zamává na myšku a ta přistoupí*)

Myška: (*chytne kočku za ramena*) Мышка за кошку

Kočka: (*chytne pejska za ramena*) Кошка за собачку

Pejsek: (*chytne vnučku za ramena*) Собачка за внучку

Vnučka: (*chytne babku za ramena*) Внучка за бабку

Babka: (*chytne dědka za ramena*) Бабка за дедку

Dědek: (*chytne řepu za ramena a všichni táhnou*) Дедка за репку

Všechny děti: (*drží se kolem ramen a kývají se*) Тянут-потянут

Řepa, dědek, babka, vnučka, pejsek, kočka, myš (*překulí se vzad*) Вытянули репку.

Obměna pohybové aktivity:

1. přidání dalších postav před myšku, např. vnuk, teta, strýček, máma, táta atd.
2. vypravěč bude jeden z žáků

Motivační pohybová aktivita je v další části zhodnocena. Je zhodnoceno, jak jednotlivé pohyby přispěly k rozvoji slovní zásoby, ke správné intonaci, k tvoření myšlenek a vět, k samostatnému vyjadřování, k rozvíjení fantazie, tvořivosti, bystrého úsudku, schopnosti nápodoby, soustředěnosti, pozornosti a schopnosti vystupovat před ostatními dětmi.

Pohyb je pro děti přirozenou aktivitou, je jim tak blízký, že si při něm rychle osvojí celé větné celky a slovní obraty ruského jazyka.

Zhodnocení pohybové aktivity:

Pohyb napomáhá žákům zapamatovat si slova pohádky. Každému žákovi vyhovuje jiný způsob učení. Tato aktivita vyhovuje žákům, kteří mají kinestetický styl učení. Žáci, kteří si pamatují učivo na základě pohybu a hmatu si velmi rychle osvojí nová slovíčka a celé větné celky. Stále se opakující pohybové aktivity jsou pro žáky snadno zapamatovatelné. Při této pohybové aktivitě se žáci učí nejenom nová slova, ale také správnou intonaci.

Při prvních slovech „Расти, расти“ dřepí žák, znázorňující řepu uprostřed kruhu. Pomaloučku se zvedá a tento pohyb evokuje růst. Něco malého vyroste. Žáci si dobře zapamatují slovo „Расти“. Na slova „большая-пребольшая“ stojí žák ve stoji vzpažném a svou výškou vyjádří výraz veliký-převeliký.

Na slova „Пошел дед“ žák představující dědka jde, směřuje přímo k žákovi, který znázorňuje řepu. Žáci si zapamatují výraz, související s chůzí. Při slovech „репку рвать“ bere žák – dědek řepu za ramena a táhne. Žák – řepa spolupracuje a pomáhá mu napodobit pohyb trhání, vytrhnutí. Všichni žáci se aktivně podílejí na další pohybové aktivitě a při slovech „тянет-потянет, вытянуть не может“ se pohybují do stran a drží se při tom okolo ramen. Tento pohyb vyjadřuje táhnutí. Podobná věta se v pohybové hře opakuje častěji, takže ji na konci dramatizace pohádky všichni žáci znají. Stejně tak se pravidelně opakuje věta,

kteřá začíná slovy „Позвал“. Žák, který volá další osobu do hry, znázorňuje svoji myšlenku typickým pohybem - zamáváním.

V každém případě usilujeme o těsné spojení pohybu s představou, o pravdivost výrazu, o skutečné zaujetí pro věc. Žáci se během krátké hry díky stále se opakujícím pohybům naučí rychle několik sloves. V řadě tvořivých pokusů se setkáváme s množstvím půvabných dětských představ.

Je vhodné žákům obléknout jednoduchou masku, typickou pro určitou postavu. Dědek – klobouk, babka – šátek, vnučka – mašli do vlasů, pes – psí uši, kočka – kočičí uši, myška – ocásek. Žáci si tak rychle zapamatují i názvy členů rodiny a několika zvířátek. Žáci se také lépe vžijí do příběhu, začnou pohyb předvádět přirozeněji a zároveň s uvolněným pohybem se daří zvládnout lépe přízvuk a intonaci ve slovech a ve větách. Žáci ztratí zábrany a zlepší se jejich výslovnost.

2. Буги-Вуги, Окей! (Bugi – Vugi, OK!)

Další pohybová aktivita je taneček „Буги-Вуги, Окей!“. Je to dynamická aktivita, při které se žáci naučí pojmenovat všechny části lidského těla a naučí se zkoordinovat své pohyby.

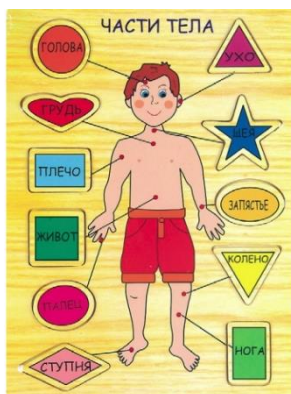
Tabulka 2: Буги-Вуги, Окей! (Bugi – Vugi, OK!)

Téma	Tanec Bugi – Vugi, OK!
Vzdělávací cíle	Přirozené rozšiřovat slovní zásobu Zbavit se jazykových bariér Získat jazyková základ a předpoklady pro svoji komunikaci Naučit se pojmenovat části lidského těla
Kategorie	Pohybová aktivita - tanec
Úkol	Naučit se slova a zkoordinovat pohyby v tanečním rytmu
Klíčové kompetence	Kompetence k učení: žák se poučí z přímého pozorování Kompetence komunikativní: žák ovládá vhodnou mimiku a gesta, prostřednictvím písňe si osvojuje obraty, lexikalizované gramatické jevy, které si velmi snadno a dlouho uchovává v paměti
Pomůcky	Nejsou
Organizace	V kruhu
Věková kategorie	ZŠ – mírně pokročilí

Příprava před aktivitou:

V předcházející hodině se žáci naučí správně pojmenovat všechny části lidského těla. Jako pomocný materiál poslouží obrázek lidského těla s názvy jednotlivých částí.

Obrázek 2: Буги-Вуги, Окей! (Bugi – Vugi, OK!)

Части тела. B2BExpo [online]. 2013 [cit. 2013-08-19]. Dostupné z: <http://www.b2bexpo.ru/2982/>.

Metodický postup:

Žáci stojí v kruhu. Vyučující zpívá píseň a předvádí jednotlivé taneční kroky. Žáci ji napodobují, přidávají se ke zpěvu.

Ножку правую вперед (*pravá noha vpřed*)
А потом ее назад (*pravá noha vzad*)
А потом опять вперед (*pravá noha vpřed*)
И немного потрясем (*zatřepat pravou nohou*)
Мы танцуем Буги-Вуги (*točit se dokola, pravá ruka nad hlavou, točit dlaní*)
Поворачиваем ноги (*točit se dokola, pravá ruka nad hlavou, točit dlaní*)
И при этом вместе делаем вот так (*zastavit 2x tlesk*)
Буги-Вуги, Окей! 4x (*rytmický pohyb rukama s pokrčenými lokty podél těla, jako když jede vlak*)

Poznámky:

Za textem je napsán pohyb, který budou žáci vykonávat.

Obměna pohybové aktivity:

1. zpíváme a tancujeme píseň od začátku, slova „ножку правую“ nahradíme jinou částí těla: „ножку левую, ручку правую, ручку левую, ухо правое, ухо левое, носик.“
2. píseň můžeme zpívat potichu, nahlas, pomalu, rychle, smutně, vesele...

Zhodnocení pohybové aktivity:

Dynamická aktivita, při které jsou žáci přímo melodií písně vtaženi do hry. Píseň je rytmická a její slova přímo napovídají, jaký pohyb mají žáci udělat.

Problémem se může jevit ze začátku spojení tanečních prvků se zpěvem. Při pečlivém nácviku dovedou žáci bezchybně ztvárnit píseň pohybem.

Žáci velmi rádi tancují a tato aktivita je jim blízká, proto si rychle osvojí celé větné celky a slovní obraty. Naučí se pojmenovat všechny části lidského těla.

Tento krátký taneček se žáci naučí velice rychle. Dětský projev je bezprostřední, melodie písně je podbízivá a dětem se velmi brzo dostane do podvědomí. Žáci by nejraději tancovali taneček stále dokola. Toho je možné využít k opětovnému opakování všech částí těla. Žáci si je dobře zapamatovávají, protože je při tanečku stále zapojují.

Tancem mohou žáci vyjádřit různé nálady. Když taneček tancují pomalu a zpívají smutně, vyjadřují smutek a skleslost. Když tancují vesele, ve svižném tempu, vyjadřují radost ze života, veselí a dobrou náladu. Když zazpívají píseň potichu, zklidní se. Když zpívají hodně nahlas, rozdovádí se k nevázanosti.

Tato práce je pro žáky zajímavá, ale i velice inspirativní. Tím, že žáci tancují a zpívají, zapojují určité části těla, zapamatovávají si naprosto přirozeně nová ruská slovíčka. Není třeba tato slovíčka vysvětlovat, protože sám pohyb jim je naznačí.

Tato pohybová aktivita je vhodná především pro relaxaci a regeneraci sil. Žáci se při ní odreagují a jsou připraveni na další náročnou pracovní činnost.

3. Компот (Kompot)

Další aktivitou je pohybová hra „Компот“. Při této hře se trénuje soustředěnost a pozornost. Žáci se naučí slovíčka různých tematických okruhů dle volby učitele.

Tabulka 3: Компот (Kompot)

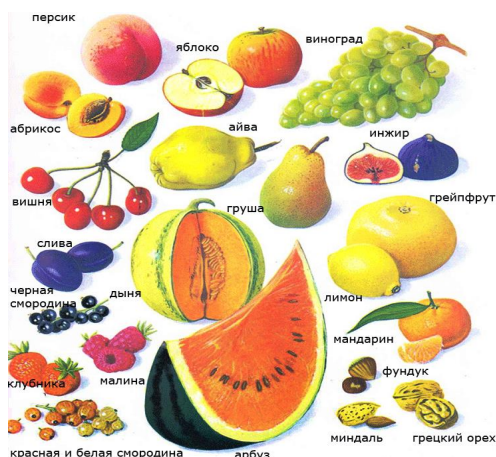
Téma	Ovoce
Vzdělávací cíle	Umět pojmenovat několik druhů ovoce Umět použít ve slovech správný přízvuk Vhodně reagovat na pokyn
Kategorie	Pohybová aktivita - hra
Úkol	Naučit se nová slova, rychle na ně reagovat pohybem
Klíčové kompetence	Kompetence k učení: žák reaguje v reálných situacích na pokyny zadávané v cizím jazyce, má možnost okamžité sebekontroly, porozumění daného pokynu Kompetence komunikativní: žák se učí pochopit obsah a smysl jednoduché promluvy, konverzace, informace, sdělení, pokynu a adekvátně na ně reagovat Kompetence sociální, personální a občanské: žák se učí spolupracovat ve skupině a respektovat pravidla týmové práce
Pomůcky	Židličky, o jednu méně než je hráčů
Organizace	V kruhu na židlích
Věková kategorie	ZŠ - začátečníci

Příprava před aktivitou:

V předcházející hodině se žáci naučí názvy ovoce. Vyučující přinese mísu s ovocem, každé ovoce pojmenuje. Ovoce, které zrovna není v čerstvém stavu k dispozici, si připraví na obrázcích.

Před každou obměnou postupuje vyučující podobným způsobem, využije obrázky předmětů.

Obrázek 3: Компот (Kompot)

Овощи и фрукты. *Познай мир* [online]. 2010 [cit. 2013-08-19]. Dostupné z: <http://www.poznaymir.com/2010/02/23/ovoshhi-i-frukty.html>.

Metodický postup:

Žáci sedí v kruhu na židličkách. Židličky jsou uspořádány opěradly vně kruhu. Jeden žák stojí uprostřed kruhu. Vyučující rozdělí mezi žáky názvy různých druhů ovoce – „яблоко, груша, малина, слива, абрикос, персик, черника, ежевика, апельсин, банан, киви, мандарин, ананас.“ Druh ovoce se musí minimálně dvakrát opakovat.

Hráč uprostřed kruhu říká název některého ovoce. Žáci, kteří představují toto ovoce, vstanou a vymění si místa. Do hry se zapojuje i hráč uprostřed, který se snaží zaujmout některé uvolněné místo. Hráč, na kterého nezbude židlička, zaujme místo uprostřed kruhu a hra se opakuje. Když hráč uprostřed kruhu řekne slovo „компот“, vymění si místa všichni žáci.

Обмѣна поhybové активности:

1. Místo názvů ovoce použijeme názvy zvířat – „собака, кошка, мышь, медведь, лиса, волк, лев, тигр, слон, жираф.“ Místo slova „компот“ použijeme slovo „зоопарк“.
2. Místo názvů ovoce použijeme názvy oblečení – „майка, юбка, свитер, брюки, жакет, шапка.“ Slovo „компот“ nahradíme slovem „шкаф“.
3. Místo názvů ovoce použijeme názvy dopravních prostředků – „машина, автобус, самолет, велосипед, корабль.“ Místo slova „компот“ použijeme slovo „перекресток“.
4. Místo názvů ovoce použijeme názvy zeleniny – „морковь, перец, помидор, огурец, картофель, свекла.“ Místo slova „компот“ použijeme slovo „салат“.

Зhоdnocení поhybové активности:

Při této hře musí být děti soustředěné a pozorné, aby nepřeslechly název svého ovoce. Musejí být také bystré, rychlé a pohotové, aby včas zaujaly nové místo a nenechaly se předběhnout.

Tato hra může být zařazena v kterékoliv části vyučovací hodiny. Na začátku slouží k rozcvičení, uprostřed tato aktivita poslouží jako relaxace a obnovení sil žáků, na konci k zábavě a rozptýlení.

Při této hře se žáci učí názvy ovoce. Kromě uvedených druhů je možno rozšířit seznam o další druhy ovoce, například ovoce exotické.

Při ostatních variantách si žáci rozšiřují svoji slovní zásobu o dopravní prostředky, zeleninu, oblečení, zvířata.

Tato hra se může přizpůsobit každému probíranému tematickému okruhu. Vyučující může použít názvy měst, řek, jídel, obchodů, čísel, a k těmto jednotlivým tématům musí vymyslet slovo, které zastupuje výraz „компот“ tak, aby odpovídalo tématu.

4. Пингвин жакет купил (Tučňák koupil kabátek)

Je to pohybová hra zaměřená na rychlou reakci a srozumitelné vyjadřování. Žáci se naučí názvy barev.

Tabulka 4: Пингвин жакет купил (Tučňák koupil kabátek)

Téma	Barvičky
Vzdělávací cíle	Naučit se základní barvy Používat správný přízvuk ve slovech a rozvíjet pohybové dovednosti
Kategorie	Pohybová aktivita - hry
Úkol	Reagovat rychle na slovní podnět, umět pojmenovat barvy v ruském jazyce.
Klíčové kompetence	Kompetence komunikativní: žák začíná vnímat cizí jazyk jako komunikační prostředek mezi lidmi Žák vnímá vyslovovanou podobu jazyka Kompetence k učení: žák reaguje v reálných situacích na pokyny zadávané v cizím jazyce, má možnost okamžité sebekontroly, porozumění daného pokynu Kompetence pracovní: žák dodržuje daná pravidla
Pomůcky	Nejsou
Organizace	V kruhu a prostoru
Věková kategorie	ZŠ - začátečníci

Příprava před aktivitou:

V předcházející hodině se žáci naučí rusky pojmenovat barvy a napsat jejich názvy. Vyučující využije barevné fixy, které postupně ukazuje a říká rusky jejich barvu. Žáci zapisují příslušnou fixou barvu na tabuli nebo na kartičky.

Metodický postup:

Žáci stojí v kruhu. Vyučující vybere jednoho žáka, který se stane tučňákem. Obchází v kruhu kolem žáků s předpaženými pažemi, jimiž napodobuje klapání zobáku. Všichni žáci říkají říkanku a dbají na správnou intonaci: „Пингвин жакет купил, какого цвета жакет был?“

Tučňák ukáže na jednoho žáka, ten řekne barvu a všichni žáci se rozprchnou po prostoru, aby se dotkli jmenované barvy. Barvu mohou najít všude kolem sebe. Na svém oblečení, na oblečení kamaráda a na různých předmětech ve třídě. Žáci mohou zvolit tyto barvy: „красный, голубой, синий, желтый, зеленый, оранжевый, розовый, черный, белый, коричневый, серый, бежевый...“

Tučňák žáky honí. Žák, který se nedrží barvy a je chycen jako první, se stává tučňákem a hra se opakuje.

Obměna pohybové aktivity:

Tučňák drží v ruce kartičky s názvy barev. Po odříkání své básničky ukáže jednu kartičku, děti si přečtou barvu, která je na ní napsaná, a rozprchnou se do prostoru, aby ji vyhledaly a dotkly se jí.

Zhodnocení pohybové aktivity:

Během hry se žáci naučí pojmenovat všechny barvy. Pokud zvládnou základní barvy, mohou být aplikovány i barvy obtížnější, například zelenomodrá, světle žlutá, tmavě modrá, tyrkysová, okrová, vínová, cihlová, atd. Tyto barvy se vyskytují na oblečení žáků a na předmětech v běžné třídě zřídka, a proto učitelka připraví a po třídě rozmístí sadu pestrobarevných papírů.

Důraz je kladen na to, aby žáci barvu říkali zřetelně a srozumitelně a naučili se správný tvar slova i správný přízvuk. Nikdo z žáků nechce být stále poslední, a tak se snaží všichni žáci zapamatovat si barvy co nejrychleji.

Při obměně se žáci učí barvy rychle přečíst a rychle zareagovat. Protože se hra hraje několikrát po sobě, slyší nebo popřípadě vidí názvy barev vícekrát, a tak dochází k fixaci slova.

Závěr

Největší pohybovou aktivitu člověk vyvíjí v dětském věku. Díky pohybové aktivitě dítě poznává svět, učí se žít podle určitých norem, platných ve společnosti. Tuto touhu po pohybu je dobré využít a motivovat děti pohybem při činnostech, které jinak pro ně nejsou tolik přitažlivé.

Motivační pohybové aktivity podporují rozvoj smyslů, přispívají ke zlepšení jazykových dovedností. Kromě toho utužují kolektiv dětí, jejich vzájemnou spolupráci i zdravé soutěžení mezi skupinami i jednotlivci. Děti při aktivitách ztrácejí ostych a zábrany promluvit. Jsou tak dobře připraveny pro běžnou konverzaci, která je určitě cílem výuky ruského jazyka na druhém stupni ZŠ.

Motivačními pohybovými aktivitami se mohou inspirovat i někteří učitelé. Mohou si je upravit a přizpůsobit svým potřebám a jejich výuka se může stát aktivnější, radostnější a obohatit je i jejich žáky.

Použitá literatura:

- DVOŘÁKOVÁ, H. *Pohybem a hrou rozvíjíme osobnost dítěte*. 1.vyd. Praha: Portál, 2002. 144 s. ISBN 80-7178-693-4.
- HARTL, P., HARTLOVÁ, H. *Psychologický slovník*. 1. vyd. Praha: Portál, 2000. 776 s. ISBN 80-7178-303-X.
- HARTL, P. *Stručný psychologický slovník*. 1. vyd. Praha: Portál, 2004. 312 s. ISBN 80-7178-803-1.
- KOPECKÝ, L. V., LEŠKA, O. a kol. *Česko-ruský slovník ve dvou dílech*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1976. 864 s.

- SKŘIVÁNEK. *Učební styly pomáhají ve výuce jazyků*. [online]. 2005 [cit. 2013-08-10]. Dostupné z www: < <http://www.jazyky.com/content/view/756/> >.
- *Kinestetický učební styl aneb učení spojené s pohybem, činností a prožitky*. [online]. 2010 [cit. 2013-08-10]. Dostupné z www: <<http://tv4.ktv-plzen.cz/semestralni-prace/kinesteticky-ucebni-styl.html> >.
- Овоци и фрукты. *Познай мир* [online]. 2010 [cit. 2013-08-19]. Dostupné z: <http://www.poznaymir.com/2010/02/23/ovoshhi-i-frukty.html>
- Репка: Русская народная сказка. *Большая онлайн библиотека* [online]. 2003 [cit. 2013-08-19]. Dostupné z: <http://www.e-reading-lib.com/bookreader.php/245/Repka.html>
- Части тела. *B2BExpO* [online]. 2013 [cit. 2013-08-19]. Dostupné z: <http://www.b2bexpo.ru/2982/>

Bc. Petra Kozáková

Masarykova univerzita v Brně
9. května 546, Ivanovice na Hané, 683 23
petra.kozakova@centrum.cz

Narodila jsem se 20. 6. 1988 ve Vyškově. Vystudovala jsem střední pedagogickou školu v Kroměříži, kterou jsem ukončila v roce 2007. V roce 2012 jsem ukončila bakalářské studium na pedagogické fakultě Masarykovy univerzity obor Lektorství ruského jazyka a literatury. V červenci 2012 jsem absolvovala letní jazykovou školu v Moskvě na Státním institutu Puškina. V současné době studuji na pedagogické fakultě Masarykovy univerzity na magisterském navazujícím studiu obor Učitelství ruského jazyka pro základní a jazykové školy.

Analýza učebních souborů pro střední školy z hlediska utváření fonetické gramotnosti českých žáků v ruském jazyce¹

Jakub Konečný

Abstract: The paper is devoted to the question of the formation of Russian language phonetic literacy of Czech pupils at secondary schools. The importance of the acoustic aspect in the language is examined in the context of communicatively-oriented teaching of Russian and provides results of the analysis of textbook sets for teaching Russian at secondary schools.

Key words: acoustic aspects of language, didactics of Russian language, textbook, analysis, phonetics

1. Úvod

Ruku v ruce s neustále se rozvíjejícími obchodními, ekonomickými, kulturními a v neposlední řadě také turistickými kontakty mezi Českou republikou a Ruskou federací jde také požadavek na zajištění kvality výuky ruského jazyka na středních školách a dosažení potřebné úrovně jazykové gramotnosti absolventů, kteří buď pokračují ve studia ruského jazyka na vysokých či v jazykových školách nebo přecházejí rovnou do praxe a získané znalosti, schopnosti a dovednosti začínají aktivně využívat.

Jazykovou gramotnost můžeme v nejširším kontextu chápat jako schopnost komunikace v cizím jazyce. Při užším vymezení o ní „uvažujeme především (...) jako o mluvené komunikaci za účelem zjišťování informací. V rámci tohoto vymezení můžeme v oblasti jazykové gramotnosti rozlišit dvě skupiny znalostí, dovedností a schopností – jazykovou gramotnost v mateřském jazyce a jazykovou gramotnost v cizím jazyce.“ (Najvarová, 2007, s. 80)

V případě gramotnosti v CJ poukazuje V. Najvarová na skutečnost, že „v průběhu rozvoje společnosti byl na rozvoj jazykových dovedností v cizím jazyce kladen různý důraz a sledoval různé cíle. Nejnovější cíle a přístupy k jazykovému vzdělávání v ČR jsou vymezeny v dokumentech Národní plán výuky cizích jazyků (MŠMT 2006) a v Rámcovém vzdělávacím programu pro základní vzdělávání. RVP ZV požaduje rozvoj jazykových dovedností právě ve smyslu jazykové gramotnosti, tj. rozvoj především komunikativní funkce jazyka, která pomáhá odstraňovat jazykové bariéry, přispívá k mobilitě jednotlivců v osobním životě i v rámci studia.“ (Najvarová, 2007, s. 80-81)

2. Fonetická gramotnost na pozadí komunikativně orientované výuky ruštiny jako dalšího cizího jazyka na středních školách

Výuka ruštiny jako dalšího cizího jazyka na úrovni střední školy (vyšší sekundární vzdělávání, ISCED 3) je ovlivněna několika zásadními proměnnými. Na námi zkoumanou

¹ Příspěvek je výstupem z projektu GA UK 253-450 „Fonetická gramotnost českých žáků v ruském jazyce“

fonetickou gramotnost a proces osvojování si zvukové stránky jazyka působí zejména věk žáků.² S tím je spojena také určitá psychologická bariéra, projevující se neochotou nacvičovat zvukové jednotky, což často vede k nedostatečnému či nesprávnému osvojení prvků zvukové stránky jazyka jak na segmentální, tak i na suprasegmentální úrovni. Následné odstraňování těchto chyb vyžaduje značnou píli a úsilí nejen ze strany vyučujících, ale také samotných žáků.

Dosažení cíle komunikativně orientované výuky ruského jazyka na střední škole vyžaduje, aby jazyková gramotnost žáků byla v rámci stanoveného mikrojazyka³ rozvíjena v celé své šíři, což znamená, že je třeba klást neustálý důraz také na utváření výslovnostních dovedností, a to nejen v počáteční etapě, nýbrž v průběhu celého procesu osvojování ruského jazyka. Jak bylo uvedeno výše, věk žáků vyšší sekundární školy jako jedna ze základních proměnných, ovlivňujících proces utváření fonetické gramotnosti žáků, již neumožňuje realizovat nácvik prvků zvukové stránky jazyka pouze imitativně. Žákům, kteří již mají zkušenost s výukou prvního cizího jazyka, mohou popisy výslovnosti zvuků a realizace intonačních konstrukcí či schémata artikulačního aparátu výrazně pomoci při nácviku těchto prvků zvukového systému ruského jazyka a pomoci také při následné fixaci a automatizaci.

Fonetickou gramotností rozumíme „schopnost žáka identifikovat sluchem všechny zvuky cizího jazyka a prostřednictvím jazykových prostředků vlastních osvojanému cizímu jazyku realizovat v řeči všechny segmentální prvky a nezbytné suprasegmentální prvky daného cizího jazyka.“ (Konečný, 2012, s. 16)

Zvuková stránka jazyka zaujímá v komunikativně orientované výuce velmi významné postavení. V ústním projevu je výslovnost nejen svého druhu vizitkou každého mluvčího, ale také do velké míry ovlivňuje fakt pochopení či nepochopení mluvčího, a to s ohledem na chyby na obou úrovních – segmentální i suprasegmentální. Na úrovni segmentální může jít například o nepochopení (případně o komplikaci pochopení) kvůli nedodržení měkkosti souhlásky či vyslovení jiného zvuku. Na úrovni suprasegmentální se pak může jednat zejména o nesprávnou realizaci intonace, která buď neodpovídá intenci mluvčího (ten chtěl například položit otázku bez tázacího slova, avšak nepoužil správnou intonační konstrukci) nebo vyvolává u rodilého mluvčího negativní pocity (například realizace otázky s intonační konstrukcí IK-4, která v sobě nese význam nadřazenosti a povýšenosti, namísto neutrální a zdvořilé otázky pomocí IK-3). Poslední uvedený příklad, byť by chyba nebyla způsobena záměrně, ale pouze neznalostí použití jednotlivých intonačních konstrukcí nebo jen interferencí ze strany mateřského jazyka žáků⁴, může způsobit neúspěch komunikačního aktu a také ztrátu zájmu ze strany rodilého mluvčího v konverzaci pokračovat.

Nácvik a následná fixace a automatizace prvků zvukové stránky jazyka musí probíhat důsledně a systematicky, a to bez ohledu na fakt, zda je cizí jazyk vyučován jako první, druhý nebo další. V opačném případě by bylo možné vyjádřit obavu, zda je naplněna podstata komunikativně orientované výuky cizího jazyka, pokud žáci svou chybou (na základě nedostatečné znalosti či připravenosti) mohou proces komunikace výrazně zkomplikovat, případně zablokovat a zcela přerušit.

² K této problematice srov. například Navrátilová, 2012.

³ Podrobněji vizte Veselý, 1980.

⁴ V případě mírného poklesu hlasu a následného zvýšení na konci tázací věty je česká intonace více podobná emocionálně zabarvené a negativně přijímané IK-4 nežli neutrální a zdvořilé IK-3.

Jak již bylo naznačeno, učební soubor je významným prvkem určujícím průběh vyučovacího procesu a ovlivňujícím jeho kvalitu. Učitel přijímá danou metodickou koncepci a v souladu s ní postupuje v průběhu celé doby studia žáků na střední škole. Jako hlavní řídicí prvek vyučovacího procesu může tuto koncepci upravovat, doplňovat, rozšiřovat či naopak zužovat, avšak častěji se setkáváme s tím, že se vyučující dogmaticky drží materiálu, který je mu předložen a zasahuje do něj pouze zřídka. Z tohoto důvodu považujeme kvalitní a logicky uspořádané zpracování fonetického materiálu v učebním souboru za velmi významné.

V příspěvku se podrobněji zaměříme na učební soubor jako další důležitou proměnnou, která významným způsobem ovlivňuje průběh vyučovacího procesu (utváření jazykové gramotnosti vč. fonetické gramotnosti) a také výsledný stupeň ovládnutí jazyka žákem ve všech jeho aspektech. V další části proto budou představeny výsledky analýzy fonetického materiálu ve třech učebních souborech primárně určených pro výuku žáků vyšších sekundárních škol (Радуга по-новому, Времена, Класс).⁵

Pozornost bude věnována zejména objemu cvičení/zadání na práci se zvukovou stránkou jazyka, jejich rozložení do jednotlivých dílů učebního souboru v souladu s uváděnou jazykovou úrovní příslušného dílu podle SERRJ a také struktuře jednotlivých cvičení/zadání podle zaměření na konkrétní jevy zvukové stránky ruského jazyka.

3. Zřetel ke zvukové stránce jazyka v učebních souborech pro výuku ruského jazyka na středních školách

V následující části příspěvku budou představeny výsledky analýzy učebních souborů „Радуга по-новому“, „Времена“ a „Класс“. V rámci analýzy byla zkoumána frekvence výskytů cvičení/zadání na práci se zvukovou stránkou jazyka v učebnicích a pracovních sešitech uvedených souborů. Zahrnuta byla pouze ta cvičení/zadání, která byla explicitně zaměřena na nácvik, fixaci či automatizaci vybraného prvku zvukového systému ruského jazyka. Kromě frekvence výskytu bylo zkoumáno také rozvržení cvičení/zadání do jednotlivých lekcí a jednotlivých dílů učebních souborů.

Pro přehlednost byly konkrétní jevy rozděleny do pěti skupin označených písmeny: A) poučení o přízvuku a redukci; B) výslovnost samohlásek; C) výslovnost souhlásek; D) intonační konstrukce; E) poziční fonetické procesy.

Tabulka 1: Souhrnný přehled cvičení/zadání v celém učebním souboru (absolutní hodnoty)

Kat.	Popis	Радуга по-новому	Времена	Класс
A	Poučení o přízvuku a redukci	12	7	7
B	Výslovnost samohlásek	22	13	17
C	Výslovnost souhlásek	34	23	28
D	Intonační konstrukce	25	9	8
E	Poziční fonetické procesy	8	5	20
Celkem		101	57	80

⁵ Bibliografické údaje jednotlivých učebních souborů jsou uvedeny v seznamu použité literatury.

Uvedené absolutní hodnoty počtu výskytů jevů poskytují představu o míře zřetele jednotlivých učebních souborů ke zvukové stránce jazyka a také o významu, který přisuzují příslušným kategoriím. Jak lze vidět z tabulky, mezi jednotlivými učebními soubory existují poměrně významné rozdíly.

Tabulka 2: Souhrnný přehled cvičení/zadání v celém učebním souboru (procentuální vyjádření)

Kat.	Popis	Радуга по-новому	Времена	Класс
A	Poučení o přízvuku a redukci	11,5 %	12,0 %	9,0 %
B	Výslovnost samohlásek	22,0 %	23,0 %	21,0 %
C	Výslovnost souhlásek	34,0 %	40,0 %	35,0 %
D	Intonační konstrukce	25,0 %	16,0 %	10,0 %
E	Poziční fonetické procesy	7,5 %	9,0 %	25,0 %
Celkem		100,0 %	100,0 %	100,0 %

Jak ukazuje procentuální vyjádření počtu výskytů cvičení/zadání, jevům v kategorii A a B věnují všechny tři analyzované učební soubory téměř stejnou pozornost. Větší rozdíly lze pozorovat v případě kategorie C, nicméně zde vyvstává zcela logická otázka, zda je nezbytně nutné věnovat takový prostor (až 40 % všech fonetických cvičení/zadání) výslovnosti souhlásek. U kategorií D a E již pozorujeme mezi jednotlivými učebními soubory významné rozdíly. Otázkám intonace věnuje nejvíce pozornosti učební soubor Радуга по-новому, nejméně učební soubor Класс. Avšak zde je třeba zdůraznit, že zatímco v případě druhého jmenovaného souboru jsou součástí učebnice a pracovního sešitu (integrovaných do jedné knihy) také nahrávky na dvou CD, v případě učebního souboru Радуга по-новому si žáci musí (pokud mají zájem) pořizovat nahrávky samostatně. Z toho také vyplývá, že v případě učebního souboru Класс mají žáci více možností k poslechu nahrávek a následné imitaci. Avšak jak bylo uvedeno výše, v případě žáků středních škol je pouhé intuitivní osvojování suprasegmentálních jevů nápodobou nedostatečné.

Tabulka 3: Rozdělení cvičení/zadání do jednotlivých dílů učebního souboru (absolutní hodnoty)

Díl (Úroveň)	A	B	C	D	E	Celkem v dílu
Радуга по-новому						
1 (A1)	9	21	28	12	5	75
2 (A1)	1	0	5	5	3	14
3 (A2)	2	1	0	2	0	5
4 (A2)	0	0	1	6	0	7
5 (B1)	0	0	0	0	0	0
Времена						
1 (A1)	7	13	23	5	5	53
2 (A2)	0	0	0	4	0	4
3 (B1)	0	0	0	0	0	0
Класс						
1 (A1)	2	13	10	5	3	33
2 (A2)	2	3	10	2	12	29
3 (B1)	3	1	8	1	5	18

Tabulka 3 poskytuje přehled rozdělení cvičení/zadání na práci s konkrétním prvkem zvukového systému ruského jazyka do jednotlivých dílů učebního souboru. Jak je vidět, první uvedený učební soubor obsahuje pět dílů, zatímco další dva sestávají ze třech dílů. Vstupní i výstupní úroveň podle SERRJ je stejná, tedy od úplných začátečníků až po úroveň B1, což je také úroveň státní maturitní zkoušky z cizího jazyka.

Již na první pohled je zřejmá nevyváženost rozložení cvičení/zadání do jednotlivých dílů učebního souboru. Všechny tři zkoumané učební soubory se shodují v tom, že největší část sledovaných jevů je zařazena do prvního dílu: Радуга по-новому 74 %, Времена 93 %, Класс 41 % všech cvičení/zadání. Toto rozvrstvení má samozřejmě své opodstatnění. Na počáteční úrovni (tedy během práce s prvním dílem učebního souboru) probíhá osvojování zvukové stránky jazyka a nácvik jednotlivých segmentálních i suprasegmentálních prvků jazyka.

Žádný z analyzovaných učebních souborů neobsahuje ústní úvodní kurz, osvojování zvukové stránky jazyka probíhá paralelně s osvojováním jeho grafické stránky. Realizace fonetického (předazbukového) kurzu předpokládá, že žáci budou pouze poslouchat a opakovat. Tento přístup je spíše vhodný pro žáky primární a nižší sekundární školy. Starší žáci již také mají zkušenost s výukou prvního cizího jazyka, což předpokládá, že výuka druhého cizího jazyka bude probíhat uvědoměleji a paralelní osvojování zvukové i grafické stránky jazyka zde není nutně překážkou, pokud je ovšem zvukové stránce věnována dostatečná pozornost. Jsme přesvědčeni, že určitá forma fonetického či foneticko-gramatického úvodního kurzu by významným způsobem posílila proces osvojování zvukové stránky jazyka a usnadnila následnou fixaci a automatizaci segmentálních a zejména suprasegmentálních prvků.

Tabulka 4: Rozdělení cvičení/zadání do jednotlivých dílů učebního souboru (procentuální vyjádření)

Díl (Úroveň)	A	B	C	D	E	Celkem v rámci souboru
Радуга по-новому						
1 (A1)	12 %	28 %	37 %	16 %	7 %	74 %
2 (A1)	7 %	0 %	36 %	36 %	21 %	14 %
3 (A2)	40 %	20 %	0 %	40 %	0 %	5 %
4 (A2)	0 %	0 %	14 %	86 %	0 %	7 %
5 (B1)	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %
Времена						
1 (A1)	13 %	25 %	43 %	9,5 %	9,5 %	93 %
2 (A2)	0 %	0 %	0 %	100 %	0 %	7 %
3 (B1)	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %
Класс						
1 (A1)	6 %	40 %	30 %	15 %	9 %	41 %
2 (A2)	7 %	10 %	35 %	7 %	41 %	36 %
3 (B1)	17 %	5,5 %	44 %	5,5 %	28 %	23 %

Výsledky provedené analýzy ukazují, že v prvním dílu všech tří učebních souborů je důraz kladen na osvojování segmentálních prvků (tedy kategorie B a C): Радуга по-новому 65 %, Времена 68 %, Класс 70 %. V následujících dílech pak přechází důraz postupně na další kategorie – v případě prvního učebního souboru je to ještě kategorie D a E ve druhém

dílu a kategorie D ve třetím a čtvrtém dílu. Ve druhém zkoumaném učebním souboru obsahuje druhý díl pouze cvičení/zadání na jevy z kategorie D. Poslední analyzovaný soubor klade ve druhém dílu největší pozornost na jevy kategorie E (čímž se výrazně odlišuje od předcházejících dvou souborů), ve třetím díle jsou nejvíce zastoupena cvičení/zadání na práci s jevy kategorie C a E.

Kromě důrazu, který je v učebním souboru Класс kladen na poziční fonetické procesy, se tento učební soubor od předcházejících dvou odlišuje (z hlediska námi zkoumané problematiky) také rovnoměrným rozložením zadání/cvičení do všech svých dílů. Jak vyplývá z tabulek 3 a 4, žádné zadání na práci se zvukovou stránkou jazyka neobsahuje poslední díl učebního souboru Радуга по-новому a učebního souboru Времена; poslední jmenovaný obsahuje jen minimální množství cvičení/zadání i ve druhém dílu souboru. Tato nevyváženost může působit problémy a nedostatečnou fixaci a automatizaci jevů zejména v těch případech, kdy se vyučující striktně drží koncepce učebního souboru, nabízená cvičení/zadání ničím nedoplňuje ani práci se zvukovou stránkou jazyka nezačleňuje do cvičení, která jsou primárně zaměřena na jinou část jazykového systému (například gramatiku nebo lexikum).

Bez povšimnutí nelze nechat skutečnost, že ani jeden ze zkoumaných učebních souborů pro výuku ruského jazyka se systematicky nezabývá otázkou intonačních konstrukcí (vč. přehledu všech sedmi typů IK, jejich realizací a použitím) a s tím souvisejícím syntagmatickým členěním věty. Přitom pro fonetickou gramotnost je otázka suprasegmentálních prvků (intonace, rytmus, melodika) snad ještě důležitější, než sama realizace segmentálních prvků. Interference ze strany mateřského jazyka se velmi výrazně projevuje právě na úrovni suprasegmentálních prvků. Schopnost rozčlenit větu na takty je prvním stupněm k minimalizaci cizineckého akcentu a dosažení požadované úrovně fonetické gramotnosti.

4. Závěr

V příspěvku byly představeny dílčí výsledky analýzy učebních souborů pro výuku ruského jazyka. Vybrány byly tři tituly, určené pro výuku na střední škole (vyšší sekundární vzdělávání, úroveň ISCED 3 podle mezinárodní klasifikace). Učební soubory se od sebe odlišují nejen počtem dílů, ale také složením autorského kolektivu a místem vzniku. Zatímco učební souboru Радуга по-новому byl zpracován českým autorským kolektivem (ve spolupráci s rodilými mluvčími), složeným z odborníků na didaktiku ruského jazyka pod vedením S. Jelínka, učební soubor Класс byl zpracován česko-ruským autorským kolektivem, vedeným N. Orlovou, vedoucí Katedry anglického jazyka a literatury Pedagogické fakulty Univerzity J. E. Purkyně v Ústí nad Labem. Učební soubor Времена není české provenience, původně byl vytvořen pro polské studenty, následně byl přeložen do češtiny, určité části byly adaptovány. Přehled výsledků provedené analýzy ukázal, že cvičení/zadání na práci s jevy zvukové stránky jazyka jsou ve všech třech učebních souborech soustředěny nejvíce do prvního dílu, dále pak rovnoměrně rozložená cvičení v rámci všech zbývajících dílů lze nalézt pouze v učebním souboru Класс. Zbylé dva soubory samy o sobě nezajišťují požadavek na rovnoměrnou, systematickou a průběžnou práci se zvukovou stránkou jazyka. Ze souhrnného přehledu (tabulka 2) také vyplývá, že všechny učební soubory věnují více

prostoru práci se segmentálními prvky zvukové stránky ruského jazyka a suprasegmentální prvky (zejména intonace) je zastoupena menším množstvím cvičení/zadání.

S ohledem na zpracovávané téma je třeba zdůraznit, že zatímco v případě učebních souborů Радуга по-новому a Времена nejsou nahrávky součástí učebnice (je třeba si je koupit zvlášť ke každému dílu), v případě učebnice Класс získají při nákupu učebnice žáci také dvě CD s nahrávkami.

Otázka fonetické gramotnosti jako součásti širšího fenoménu jazykové gramotnosti žáků v ruštině nabývá s rostoucím zájmem o výuku ruského jazyka na významu. Vyučující ruského jazyka by si tuto skutečnost měli uvědomit a případné nedostatky, kterými v tomto ohledu dostupné učební soubory mohou trpět, odstraňovat pomocí vlastních doplňkových materiálů či využitím doplňkových učebních materiálů dostupných na internetu. Čím dříve začnou žáci s procesem osvojování prvků zvukové stránky jazyka, tím snáze a rychleji bude probíhat fixace a automatizace těchto prvků. Je třeba mít také na paměti, že korekce a odstraňování chyb na úrovni zvukové stránky jazyka je obtížný, náročný a dlouhý proces, proto je mnohem výhodnější věnovat utváření fonetické gramotnosti systematickou pozornost v průběhu celého procesu vyučování – učení ruskému jazyku.

Použitá literatura:

- KONEČNÝ, Jakub. Ke vztahu vyučujících ruského jazyka k formování fonetické gramotnosti na základních a středních školách (I). *Cizí jazyky: Časopis pro teorii a praxi*. Praha: UK v Praze, Pedagogická fakulta, 2012, roč. 55, č. 4, s. 14-21. ISSN 1210-0811.
- NAJVAROVÁ, Veronika. Model funkční gramotnosti a RVP ZV. In: *Příspěvky k tvorbě a výzkumu kurikula*. Brno: Paido, 2007. ISBN 978-80-7315-153-9, s. 77-84.
- NAVRÁTILOVÁ, Eliška. Věk jako jeden z aspektů osvojování výslovnosti francouzštiny. In: *Reflexe kvality v doktorském pedagogickém výzkumu: recenzovaný sborník z doktorské konference konané dne 21. května 2012 v Praze*. 1. vyd. Brno: Tribun EU, 2012, s. 170-178. ISBN 978-80-263-0269-8.
- VESELÝ, Josef. Hlavní rysy současného pojetí vyučování cizím jazykům. *Cizí jazyky ve škole: časopis pro vyučování cizím jazykům kromě ruštiny, zejména němčině, angličtině, francouzštině, španělštině a latině*. Praha: SPN, 1980, roč. 24, č. 1, s. 2-13.

Údaje o analyzovaných učebních souborech

- CHAMRAJEVA, Jelizaveta; IVANOVA, Elza; BRONIARZ, Renata. *Vremena 1 – 3*. Dubicko: Infoa, 2009 – 2010.
- JELÍNEK, Stanislav, et. al. *Raduga po-novomu 1 – 5*. Plzeň: Fraus, 2007 – 2011.
- ORLOVA, Natalia, VAGNEROVÁ, Marta, KOŽUŠKOVÁ, Miroslava. *Klass!*. Praha: Klett, 2010 – 2012.

Mgr. Jakub Konečný

Katedra rusistiky a lingvodidaktiky

Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy v Praze

M. D. Rettigové 4, 116 39 Praha 1

jakub.konecny@pedf.cuni.cz

Jakub Konečný absolvoval v roce 2011 Pedagogickou fakultu Univerzity Hradec Králové v oboru Učitelství pro střední školy: ruský jazyk – základy společenských věd. Od září 2011 je interním doktorandem Katedry rusistiky a lingvodidaktiky Pedagogické fakulty Univerzity Karlovy v Praze a také externím spolupracovníkem Katedry slavistiky Pedagogické fakulty Univerzity Hradec Králové. Ve své disertační práci se zabývá problematikou fonetické gramotnosti českých žáků v ruském jazyce.

Концепция трагического в поздних произведениях А. И. Введенского

Aleksander Raspopov

Abstract: In this article, we will attempt to take a close look at literary phenomenon and the artistic output of Alexander Vvedensky, one of the most unique and radical writers of the early Soviet period. Along with Daniil Kharmis he founded the avant – garde group OBERIU (Union of Real Art) – practitioners of absurdist literature, performance, and children’s literature. Based on his recent works, where tragedy finds the most spectacular incarnations of its own, we will attempt to discuss the subject matter, literary genre and selected aspects of tragedy in the author’s poetic and philosophy.

Key words: OBERIU, absurdist literature, philosophy, tragedy.

Трагизм - один из способов постижения и художественного воплощения жизненных противоречий. Существенным показателем его присутствия в произведении является трагический герой, а в связи с ним и неразрешимый конфликт, антиномия оптимистического и пессимистического, диалектика случайного и необходимого.

В XX веке жанр трагедии переживает деформацию, и в первую очередь, потому, что кардинально изменилась концепция личности. Экзистенциально несвободная личность чаще всего не бросает вызова своей судьбе, Богу, космосу и т. д. и, соответственно, не гибнет в неравной борьбе, а скорее долго и мучительно существует в этом непримиримом конфликте с миром, с самим собой, с окружающими. Трагизм заключается в стремлении человека преодолеть разлад с миром, а также трагическими являются попытки поиска утраченного смысла жизни. Поэтому в XX веке больше говорят о трагическом начале, о трагическом пафосе, о категории трагического, а сам жанр приходит в упадок.

Прежде чем попытаться представить некоторые воплощения трагического в творчестве Введенского, напомним конспективно основные вехи биографии автора *Мне жалко что я не зверь*, которые оказали непосредственное влияние на формирование концепции трагического.

В своём исследовании *Материалы к поэтике Введенского* Я. С. Друскин подчеркивает, что „творчество Александра Введенского полностью отделимо от его жизни”¹ и что из биографических фактов для творчества А. И. Введенского характерны лишь немногие. Именно эти „немногие” нами будут вкратце оговорены.

Анализ художественного наследия показывает, что концепция трагического у Введенского начинает складываться с самого начала творческого пути, т. е. уже в период 1925 – 27 гг., когда поэт подписывал свои произведения – „чинарь авто-ритет бессмыслицы”. Далее следует знакомство с Д. Хармсом, Н. Заболоцким, Н. Олейниковым и оформление их творческого союза в Объединение Реального Искусства (ОБЭРИУ). Однако „последние левые” довоенного Ленинграда, обериуты,

¹ Друскин Я. С., *Чинари* [в:] А. И. Введенский, *Всё*, изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 352.

продержались недолго. В печати появились резкие отклики на их публичные выступления, комсомольская аудитория которых, судя по этим откликам, была скандализирована аполитичностью „непонятных поэтов”. Политическая неангажированность и социальная незадействованность („сын врача” в протоколе допроса в рубрике „сословие”) стала одной из главных причин ареста.

В конце 1931 года Введенский был арестован. Известно, что автора взяли в вагоне поезда, едва он успел отойти от вокзала. С отъездом на поезде будут связаны через 10 лет и трагические обстоятельства его второго ареста. Надо сказать, что „отъезд” у Введенского обычно выступает знаком, „иероглифом” перемещения в иной мир; так в последнем из сохранившихся текстов *Где. Когда* о человеке, который перед смертью прощается со всем сущим в мире сказано:

„Он должно быть вздумал куда – нибудь, когда – нибудь уезжать”².

После первого ареста все последующие произведения начинают отличаться особой заостренностью онтологической проблематики. Вероятно, именно в ссылке Введенский пишет то, что позже было условно названо *Серой тетрадью*: размышления о времени, смерти, последнем смысле слов и предметов.

С 1936 года, когда поэт женившись на Г. Викторовой, переехал в Харьков, в котором всё-таки не мог укрыться от террора (а заодно оставшись и без друзей – сотрудников разгромленной в 1937 году детской редакции С. Маршака), в его творчество, вплоть до конца его жизни, резко ворвалась сюжетно обогащенная тема смерти отдельного человека, группы людей и самого поэта, а также тема безоговорочного, порой парадоксального исчезновения (примером пусть послужит *Некоторое количество разговоров*).

Философская концепция трагического у Введенского предстает как совершенно самостоятельная и законченная модель. Художник представляет нам трагизм как цепь неразрешимых конфликтов, составляющих логику жизни отдельного человека и истории в целом. „Поэтика бессмыслицы” А. Введенского реально обнаруживает „неукладываемость мира” в рамки обусловленного сознания, и в этом, наряду с её деструктивной функцией, её главное содержание:

„Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума — более основательную, чем та, отвлеченная. Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здание. Может быть, плечо надо связывать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал”³.

Критика разума Введенского главным образом развенчивает представление о последовательности – порядкового исчисления – в особенности касательно времени всего существующего и происходящего. В *Серой тетради* Введенский пишет

² Цит. по: Введенский А. И., *Всё* /Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Герасимовой/ изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 264

³ Липавский Л. С., *Разговоры* [в:] Введенский А. И., *Всё*, изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 593.

об искусственных наименованиях и измерениях, с помощью которых мы „понимаем” время:

„Нельзя сравнивать три прожитых месяца с тремя вновь выросшими деревьями. Деревья присутствуют и тускло сверкают листьями. О месяцах мы с уверенностью сказать того не можем”⁴.

Время существует только в субъективном восприятии; в момент смерти время останавливается. Но мир, который существует во времени, и сам есть время, непостижимым с помощью мысли, ибо, как утверждает Введенский:

„Наша человеческая логика и наш язык не соответствуют времени ни в каком, ни в элементарном, ни в сложном его понимании. Наша логика и наш язык скользят по поверхности времени”⁵.

В типичной для себя манере А. И. Введенский не следует логическому ходу мыслей:

„Если мы почувствуем дикое непонимание, то мы будем знать, что этому непониманию никто не сможет противопоставить ничего ясного. Горе нам, задумавшимся о времени. Но потом при разрастании этого непонимания тебе и мне станет ясно что нету ни горя, ни нам, ни задумавшимся, ни времени”⁶.

После ареста процесс познания нарочито обращается вспять. Во всем последующем творчестве автора всё начинает происходить в обратном направлении:

*„Чтобы стало всё понятно
Надо жить начать обратно”⁷.*

В 1933 году, разговаривая с Липавским, Введенский говорил:

„И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то значит разум не понимает мира”⁸.

Проблема значения мира, любого его феномена и понимания с этого момента появляется в поэзии А. И. Введенского. Мотивы установления значения, выяснение смысла, понимания – непонимания приобретают сюжетобразующую роль. Оно

⁴ Введенский А. И., *Серая тетрадь*, [в:] *Всё*, изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 177.

⁵ Введенский А. И., *Указ. соч.* с. 175.

⁶ Введенский А. И., *Указ. соч.* с. 176.

⁷ Введенский А. И., *Значенье моря*, [в:] *Всё*, изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 121.

⁸ Липавский Л. С., *Разговоры*, [в:] А. И. Введенский, *Всё*, изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 593.

целиком строится на выяснении значения этого слова. В *Серой тетради* мы можем прочесть:

“Перед каждым словом я ставлю вопрос: что оно значит, и над каждым словом я ставлю показатель времени”⁹.

Уже с середины 1930-х в искусстве Введенского все сильнее ощутимы трагедийные мотивы. Обратимся к некоторым произведениям Введенского, которые справедливо считаются вершиной творчества писателя.

Мне жалко, что я не зверь... написанное в 1934 - одновременно и ода природе и чуду жизни, и печальная песнь о бренности жизни и ветхости материи. Стремление к свободе и сожаление из-за невозможности переживания других видов существования. Сюжет стихотворения построен на смене ряда анафорических конструкций (мне жалко, мне страшно, мне трудно и т.д.) – в этом произведении нет „события”, есть только состояние. Основной ритм создаёт частота высказываний, выражающих недовольство моментальным сосотоянием и страх: *Мне жалко* (13 повторов), *Мне страшно* (9), *Мне не нравится* (3), *Мне трудно* (2), *Мне невероятно обидно* (1):

„Мне жалко, что я не зверь
Бегающий по синей дорожке
Говорящий себе поверь
А другому себе подожди немножко”¹⁰.

Заключенный в своё тело, человек только предчувствует свободу неукрощенного мира природы, существующего и живущего вне оков рассудка. Сознание невозможности познания нагнетает бессилие. Свобода представляет собой или полное незнание существ и предметов, упоминаемых лирическим героем, или абсолютное знание, человеком недостижимое. Кроме господствующего сожаления, в данном фрагменте обнаруживается двойственная природа лирического героя. Несмотря на то, что в результате автокоммуникации возникают яркие картины внешнего мира, вне ее мы не встречаем ни следа действительного. Так рождается впечатление одиночества лирического героя и устанавливается дистанция между ним и видимым миром.

Мироощущение А. Введенского, полное драматических прозрений и неожиданных откровений 30-х, нашло своё концептуальное воплощение в пьесе *Ёлка у Ивановых*. Данная пьеса считается предвосхищением западного послевоенного театра абсурда, который она опередила на десятилетие. Пусть косвенно, но довольно ощутимо автор присутствует в этой пьесе, где сошлись пародия и карнавальность, трагизм и горькая правда. Трагедия здесь остранена в меньшей степени, чем в западном театре абсурда, и имеет непосредственное отношение к личной жизни писателя. Время написания пьесы – 1938 год, кульминация сталинского террора, что связано с личной

⁹ Введенский А. И., *Серая тетрадь*, [в:] *Всё*, изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 174.

¹⁰ Введенский А. И., *Мне жалко, что я не зверь*, [в:] *Всё*, изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 208.

судьбой автора. Драматическое напряжение достигает предельных значений – богозабытость, экзистенциальный страх и бессмысленность существования звучат в этом произведении с особой силой.

Композиция *Ёлки у Ивановых* Введенского выглядит вполне упорядоченной — пьеса состоит из четырёх действий в девяти картинах с точным указанием времени и места действия и по своему внешнему облику напоминает образцы едва ли не античной трагедии или драмы времен Шекспира. Античные мотивы заявлены в пьесе с первой картины первого действия:

Полиция

*Приятно встретитъ
Людей культурных*

Дети (хором)

Всегда ль вы ходите в котурнах?

Полиция

*Всегда. Мы видели труп
Тут человек лежит бесцельно
Сам нецельный
Что тут было?*

Дети (хором)

*Нянька топором
Сестрёнку нашу зарубила¹¹.*

Дети играют здесь роль античного хора. Аналогия подкреплена упоминанием котурнов – непременно детали костюма актёров греческого театра¹². Убийство Сони Островой в свете античных ассоциаций приобретают смысл роковой случайности, трагической ошибки няньки, а дальше необоснованная смерть остальных детей и родителей. Случай есть игра судьбы, считали в античности. Значит, вместе с мотивом случайности происходящего в пьесе входит тема роковой предопределённости событий, фатальной обречённости героев.

Таким образом, в «Ёлке у Ивановых» присутствуют и формальные компоненты трагедии и трагическое как эстетическая категория, проявляющиеся через трагический конфликт и трактовку темы смерти.

Однако стройность и упорядоченность в пьесе Введенского, а тем самым некоторое сходство с классической трагедией фиктивны. Бессмыслица начинается уже с названия пьесы: ни одно из действующих лиц не носит фамилию Ивановы. Несмотря на узнаваемость социально – политических реалий в пьесе В. они составляют лишь декорацию, на фоне которой разыгрывается экзистенциальная драма человека. Все эти реалии служат одной цели – цели разоблачения устойчивых механизмов сознания, будь

¹¹ Введенский А. И., *Ёлка у Ивановых*, [в:] *Всё*, изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 242.

¹² Ср. Серебрякова Е., „Ёлка у Ивановых” А. И. Введенского и „Приглашение на казнь” В. В. Набокова, [в:] *Поэт Александр Введенский*, Сборник мат. конф. „Александр Введенский в контексте мирового авангарда”, Белград 2006, с. 347.

то в эпохе или в семейной жизни, а с ними и самого поверхностного понимания событий и времени.

Эротическая сцена, следующая за горестным плачем родителей, может показаться алогичной и необоснованной, но она открывает важную для экзистенциального сознания идею: истинное бытие – это путь к смерти, человек мечется между Эросом и Танатосом в тщетном стремлении избавиться от тоски и отчаяния. Тема кризиса, неадекватности и вообще необходимости пресечения дискурсивного мышления обнаруживается в одном из сквозных мотивов произведения В. – мотиве безголовости.

Личность представлена лицом к лицу с онтологическими проблемами жизни и смерти, конечности человеческого существования. Смерть является главным событием пьесы. Как известно, в первой сцене пьесы дети разных возрастов от 8 до 82 лет сидят вместе в одной большой ванне, а рядом в тазу годовалый мальчик Петя Перов, который говорит:

„Будет ёлка? Будет. А вдруг не будет. Вдруг я умру”¹³.

Гибель дочери и последовательное умирание всех членов семьи Пузырёвых составляют фабулу драмы. В сущности, между убийством в первой картине Сони Островой и смертью всех в последней, в пьесе ничего не происходит. Подводя своих героев к последней, роковой черте, художник заставляет их заново осмыслить экзистенциалии жизни. В. писал:

„Я понял, чем я отличаюсь от прочих писателей, да и вообще от людей. Те говорили: жизнь – это мгновение в сравнении с вечностью. Я говорю: она вообще мгновение, даже в сравнении с мгновением”¹⁴.

В *Элегии* как и в следующем – последнем – произведении, написанном в предвидении надвигающейся гибели, более, чем где – либо в остранённом творчестве поэта, ощущается личная нота. *Элегия* в целом является образцом беспредельного отчаяния поэта, сознания тщетности устремлений, гаснущих в пошлости жизни, а также раскаяния за то, что „я” постыдно принадлежало „мы” и не сумело отстоять свою независимость:

„воспели смерть, воспели мерзость”

(...)

„мы друга предаем бесчестно

И Бог нам не владыка”

(...)

„Я с завистью смотрю на зверя

ни мыслям ни делам не веря

¹³ Введенский А. И., *Ёлка у Ивановых*, [в:] *Всё*, изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 240.

¹⁴ Друскин Я. С., *Чинари* [в:] А. И. Введенский, *Всё*, изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 355.

*умов произошла потеря
бороться нет причины*¹⁵.

По этой причине довершением становится резко побудительный зов:

*„На смерть! На смерть! держи равнение
поэт и всадник бедный*¹⁶

не имеющий прецедентов в горестно – трагической истории русской поэзии.

Поэту осталось одно: проститься с миром, который он вынужден покинуть, что и происходит в сохранившихся фрагментах *Где. Когда* - в предсмертном тексте Введенского. Фрагмент этот уникален, он, возможно, в наибольшей степени толкует ряд черт этого опуса, которым Введенский отличается от всех других поэтов. Лирический субъект писателя, о котором говорится в третьем лице, обращает поочередно свои прощальные слова к миру природы, однако в этой цепи прощаний нет места для людей; лишь во фрагменте *Когда* он вспомнил, что забыл проститься с прочим, причём „прочие” - это могут быть вовсе не люди. По этому поводу уместно будет привести слова проф. О. Г. Ревзиной об отсутствии отношения Человек – Человек в поэтическом пространстве Александра Введенского. Лирическое „Я” устанавливает отношения „не к другим людям, а к объектам других видов, находящихся в том же мире” таким как „небесные светила, солнце, звёзды, горы, камни, море”; оно („Я”) определяет себя по отношению к центральным ценностям данного мира – Богу и смерти¹⁷. Данный принцип обнаруживает проблему некоммуникабельности и объясняет поведение героя. Вторая часть отрывка представляет собой на редкость странное „прощание всех с одним” - деревьев, скал, камней, рыб, дубов, реки и моря с умершим и окаменевшим, усиливающее ощущение трагической безысходности. И в это мгновение случается то, что было немислимым в предыдущем творчестве поэта: происходит замирание всех символических видов жизни и смерти перед мертвым обликом поэта, превратившегося в тетрадь, то есть в свои ненапечатанные стихи.

Эти беглые заметки не исчерпывают, конечно, всей сложности и многообразия темы трагического начала в творчестве Введенского, хотелось бы только добавить, что трагический ход жизни проник в художественные произведения А. Введенского и нашел своё воплощение в последних дошедших до нас произведениях поэта. В них категория трагического претерпевает переход из области эстетического в область экзистенциального порядка. Бессвязность мира и раздробленность времени, трагическая раздвоенность человека, ответственность личности за каждый свой шаг, метафизическая участь человека в мире, роковые пределы его судьбы; физическая

¹⁵Введенский А. И., *Элегия*, [в:] *Всё*, изд.-во ОГИ, Москва 2010, с. 263.

¹⁶ Введенский А. И., Указ. соч. с. 263.

¹⁷Ревзина О. Г., *Качественная и функциональная характеристика времени в поэзии А.И. Введенского*, Russian Literature, VI 4. 1978. р. 398, [за:] К. Ичин, М. Иванович, *Символика воды и огня в творчестве А. Введенского*, [в:] *Поэт Александр Введенский*, Сборник мат. научной конф. „Александр Введенский в контексте мирового авангарда”, Белград 2006, с. 95.

конечность, одиночество, Бог, свобода, „я” и другие – вот те фундаментальные проблемы, которые легли в основу концепции трагического и определили ход мысли автора *Элегии*.

Используемая литература:

- Введенский А.И., *Всё* /Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Герасимовой/ изд.-во ОГИ, Москва 2010
- Введенский А. Полное собрание сочинений. В 2-х т. / сост. и подг. текста М. Мейлаха и В. Эрля, Москва, 1993
- Мейлах М., Предисловие//Введенский А. Полное собрание сочинений. В 2-х т. Анн Арбор, 1980
- *Поэт Александр Введенский*, Сборник мат. научной конф. „Александр Введенский в контексте мирового авангарда”, Белград 2006
- Жаккар Ж.Ф. *Даниил Хармс и конец русского авангарда*. СПб., 1995

Александр Распопов

Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

Ul. Dmowskiego 14/14

60-221 Poznań, Polska

aleksander.raspopov@gmail.com

Александр Распопов – магистр, аспирант кафедры русской литературы Университета им. Адама Мицкевича (Познань, Польша).

Область научных интересов: русская литература первой трети XX века; вопросы поэтики и литературного перевода.

Valentin Bulgakov a Přemysl Pitter jako tolstojovci

Vojtěch Pícha

Abstract: The article is focused on how Leo Tolstoy's idea of „non-resistance to evil by force” is present in the works of two pacifist thinkers of the twentieth century, who met in person in interwar Czechoslovakia and established a cooperation. Four main moments of their thought are considered: anarchist features of their concepts, their attitude to individualism and collectivism in doing good, role of passivity and activity, attitude towards socialism and philosophy of history.

Key words: Christian anarchism, Leo Tolstoy, pacifism, Přemysl Pitter, Valentin Bulgakov

Častá reinterpretace, přehodnocování, aktualizace a kritika bývá údělem opravdu přelomových a vlivných myšlenkových konceptů. Nové přístupy a myšlenky, které těmito procesy vznikají, tak lze vnímat jako produkty původního konceptu samotného, které už nezávisejí na vědomí či intenci jeho autora. Ať už se dané aktualizace hlásí k sebevětší věrnosti původní myšlence, vždy už budou její interpretací. V následujícím textu se chci zaměřit na to, jakým způsobem je vize „neodpírání zlu násilím“ Lva Tolstého přítomna v publicistických textech dvou myslitelů – Valentina Bulgakova a Přemysla Pittra –, kteří z Tolstého koncepce vycházeli, respektive s ní komunikovali, a to ať už explicitně nebo implicitně. Komparativní náčrt jejich světových názorů ve vztahu k pacifismu je pro nás o to přínosnější, že oba muži vycházeli z různých kulturních pozadí – Bulgakov z prostředí pravoslavné duchovnosti hledající odpovědi na palčivé otázky modernity, zatímco Pittrova východiska ležela v protestantské humanitě středoevropského prostoru. Obě hlediska měla příležitost se setkat v meziválečné době na půdě do jisté míry pluralitního Československa.

Valentin Bulgakov se za gymnaziálních studií stal obdivovatelem Tolstého a po několika letech studia na moskevské univerzitě se rozhodl přijmout místo osobního tajemníka Lva Tolstého uprázdněné vyhnanstvím Nikolaje Guseva.¹ Tato funkce předpokládala spíše bezvýhradnou myšlenkovou oddanost Tolstého géniu než rozvíjení vlastního tvůrčího potenciálu. Výsledkem spolupráce Bulgakova s Tolstým v posledním roce Tolstého života tak byla publikace knihy *Křesťanská etika: systematický výklad světového názoru L. N. Tolstého*, jejíž konečnou podobu autor s Tolstým konzultoval. Vznikla tak Tolstým schválená interpretace Tolstého myšlenek. Po smrti Učitele pokračoval Bulgakov v pořádání jeho díla a v životě podle jeho morálních zásad. Před první světovou válkou byl spoluautorem ojedinelého protiválečného manifestu *Vzpamatujte se, lidé-bratři!*, během války byl stíhán pro podporu odpíračů vojenské služby.² Vzhledem k tomu, že protiválečné propagace nezanechal

¹ Biografické údaje Valentina Bulgakova viz například úvod k vydání jeho prací, např. БУЛГАКОВ, Валентин Фёдорович. *Л. Н. Толстой в последний год его жизни: дневник секретаря Л. Н. Толстого*. Москва: Правда, 1989.

² Jakýmisi analýzami vzniku manifestu a následné perzekuce odpíračů je Bulgakovova práce БУЛГАКОВ, Валентин Фёдорович. *Опомнитесь, люди-братья! История воззвания единомышленников Л. Н. Толстого против мировой войны 1914-1918 г. г.* Москва: Задруга, 1923.

ani po bolševickém převratu, dostal se do hledáčku čeky a v únoru 1923 byl z Ruska deportován na palubě jedné z proslulých „lodí filozofů“.³

Tak se poslední Tolstého osobní tajemník dostal do Československa, kde navázal spolupráci se skupinou radikálních pacifistů kolem Přemysla Pittra. Označením „radikální pacifisté“ se tito vymezovali proti pionýrům pacifismu typu Bertý Suttnerové, kteří usilovali o konsenzus na úrovni společenské (politické) elity, tedy, řekněme, proti pacifismu „občanskému“ či pacifismu „shora“, ale vyzvedávali odpovědnost člověka jako jednotlivce za světový mír, o nějž se má každý „činorodě postarat: především tím, že nepřijme účast na všeobecné vojenské službě. Pokud to tak udělá v každém státě jen pár procent obyvatelstva, věřili radikální pacifisté, všechny vojenské mašinerie se zhroutí [...]“.⁴ Toto individuální, morální pojetí pacifismu souznělo s tolstojovským principem nenásilí, jež vyznával Bulgakov. Pittrova konverze k pacifismu proběhla na frontě první světové války, kde slíbil Bohu oddat se cele záležitosti mírového soužití národů, přežije-li nacionální běsnění války.⁵ Svému slibu dostal v obdivuhodné míře. Účast v jím založeném spolku Nový Jeruzalém přijal i Bulgakov v podobě série přednášek a oba muži společně vyvíjeli aktivitu v dalších, mezinárodních pacifistických organizacích. Tato institucionální stránka jejich vztahu nás bude ovšem zajímat méně než vztah jejich ideologicko-morálních koncepcí jak vůči sobě navzájem, tak vůči Tolstého etickému systému jako jednomu z jejich východisek.

Myšlenkový koncept, který zde ve vztahu k Bulgakovovi, Pittrovi a Tolstému často zjednodušeně nazývám „pacifismem“, „vizí neodpírání zlu násilím“ a podobně, je vícevrstvý ideový systém zahrnující kategorie morálky, (křesťanského) náboženství i ideologie (politiky). V následujícím textu si nekladu za cíl analyzovat, „rozpoznat“ jednotlivé roviny, ale spíše upozornit na vybrané myšlenkové uzly, které pokládám ve světonázorech Bulgakova a Pittra (a Tolstého) za určující a nějakým způsobem symptomatické. Stranou chci ponechat i faktor přímého vlivu Tolstého na myšlení obou mužů – je samozřejmé, že v případě Bulgakovově šlo o mnohem intenzivnější kontakt s Tolstého filozofickým dílem. Důraz položím na oběh a vzájemný vliv idejí jako takových, ve spojitosti spíše s duchem doby než s ohledem na biografický kontakt jejich nositelů.

Jakkoli se Bulgakov bránil označení Tolstého za anarchistu, Tolstého explicitně vyjádřený postoj ke státu a právu jako k institucím založeným v prvé řadě na násilí, vedl badatele, kteří se Tolstého filozofickou koncepcí zabývali, k jejímu označení za křesťanský, či náboženský anarchismus. Pro Nikolaje Berďajeva představuje „náboženský **anarchismus** Lva Tolstého [...] nejdůslednější a nejradičálnější formu anarchismu, tj. odmítnutí samotného

³ Peripetie případu představuje na základě korespondence jeho aktérů a vyšetřovacích dokumentů čeky ШЕНТАЛИНСКИЙ, Виталий Александрович. Донос на Сократа. Москва: Формика-С, 2001, с. 29-71.

⁴ KOSATÍK, Pavel. *Sám proti zlu: život Přemysla Pittra (1895-1976)*. Praha: Paseka, 2009, s. 71. Jiří Křesťan definuje Pittrovův „radikální pacifismus“ odlišením na jedné straně od pacifismu oficiálního či státního (tzn. ponechání armád do doby všeobecného smluvního zajištění míru), a na druhé straně od pacifismu revolučního, v jehož jádru podle něj ležela myšlenka nezbytnosti dosažení revoluce pro nastolení míru. Viz KŘEŠŤAN, Jiří. *Přemysl Pitter a spolky radikálních pacifistů v Československu (Nový Jeruzalém – Hnutí pro mezinárodní smír – Hnutí pro křesťanský komunismus)*. In: *Přemysl Pitter. Život – dílo – doba. Sborník referátů a diskusních příspěvků z mezinárodní vědecké konference konané ve dnech 22. a 23. června 1995 na Univerzitě Karlově v Praze*. Praha: Pedagogické muzeum J.A.Komenského, 1996, s. 54-61.

⁵ Biografii a aktivitám Přemysla Pittra je věnováno rostoucí množství prací, z nejkonzistentějších snad PASÁK, Tomáš. *Přemysl Pitter – život pro druhé : česko-německé soužití v díle Přemysla Pittra*. Praha: Paseka, 1997. nebo již zmíněná publicistická monografie Pavla Kosatika.

principu moci a násilí,“ protože „pravá revolučnost vyžaduje duchovní proměnu nejvlastnějších základů života“ a nezávisí tedy přímo úměrně na množství prolité krve.⁶ Soudobá moc člověka nad člověkem podle Tolstého rozvrací lidskou mravnost, lidé disponující touto mocí pak mají větší sklony jednat nemravně, tedy podřizovat veřejný zájem svému osobnímu, než lidé bez ní.⁷ Soudobý společenský řád založený na instituci státu a práva, jak míní Tolstoj, je od kořene nezdravý. Bulgakov zcela přijal tento náhled na společenský systém a jako důsledek z něj vyvodil svůj odchod z univerzity, v níž spatřoval produkt a zároveň garanta tohoto systému. Takové pojetí tzv. „praktických věd“ sloužících společenskému statu quo vyložil ve veřejném proslovu ke studentům, kterým chtěl odůvodnit opuštění univerzity. Podle Bulgakova tkví v těch odvětvích soudobé vědy, které sledují praktické cíle „společně se zrnky skutečného poznání [...] takové množství hrubých pověr, šarlatánství, intrik a lží, že se v těch lžích a pověrách tato zrna skutečného poznání beze stopy ztrácejí. O které vědy jde? O politicko-ekonomické vědy, jejichž jediným cílem je ospravedlnit násilí utlačovatelů na utlačovaných; o jurisprudenci, která se zabývá eliminací zločinnů, které jsou přímým důsledkem nenormálního společenského uspořádání, které je však považováno za neotřesitelné; o historickou vědu navazující na politicko-ekonomickou tím, že etabloje existující násilí jako nevyhnutelný zákon vývoje lidských společenství; o medicínu podporující nenormální život současných lidí trpících ve městech přebytkem a zahálkou – a na vesnicích podvýživou a těžkou, neúnosnou prací, [...] o techniku a užité umění s jejich podlézáním kapitálu.“⁸ Bulgakov odmítl nést osobní zodpovědnost na tomto zakořeněném stavu. Jako manifestaci téže nenásilné vzpoury proti statu quo, vzpoury vedené láskou, a proto v intencích Berďajevova pojetí vzpoury radikální, interpretoval Přemysl Pitter Kristova slova o tom, že nepřišel na zem uvést pokoj, ale meč (Matouš 10, 34). Meč tu pro Pittra představuje rozdělení, ostrý kontrast vůči panujícímu řádu násilí, proti kterému staví řád lásky.⁹ Obě srovnávané koncepce jsou podobně jako Tolstého postoj radikální ve smyslu důslednosti, se kterou odmítají nejzákladnější principy soudobé společenské hierarchie a apelují na přebudování společnosti na diametrálně odlišných základech. Morální hledisko je hlavním zdrojem jejich anarchismu.

Odmítnutí panujícího statu quo s sebou v představách Pittra i Bulgakova nese nejen představu alternativního, mravně dokonalého uspořádání společnosti, ale – a to daleko explicitněji – i metody, jak je k němu třeba dospět. V tomto ohledu pro ně vyniká zvláště **otázka individualismu a kolektivismu** v procesu činění dobra. Tolstého samotného je v této věci možné pokládat za ryzího individualistu. Bulgakov tak v duchu svých systematizací staví do protikladu tolstojovskou myšlenku osobního mravního sebezdokonalování proti kolektivistickému socialismu Leninově. Podle něj je cíl obou filozofií v podstatě totožný – trojí jednotu volnosti, rovnosti a bratrství interpretuje jako vyústění Evangelia. Zatímco však Tolstého cestou je zlepšování světa zevnitř každého jedince zvlášť, tedy dosažení lepšího

⁶ BERĎAJEV, Nikolaj Aleksandrovič. *Ruská idea: základní otázky ruského myšlení 19. a počátku 20. století*. Praha : OIKOYMENH, 2003, s. 139.

⁷ Tuto myšlenku rozvíjí v sedmé kapitole traktátu Království Boží v nás vydaném například zde: ТОЛСТОЙ, Лев Николаевич. *Полное собрание сочинений в 90 томах, академическое юбилейное издание, том 28*. Москва: Государственное Издательство Художественной Литературы, 1955.

⁸ БУЛГАКОВ, Валентин Фёдорович. *Университет и университетская наука (Почему я вышел из университета?)*. Второе издание. Москва: Новый мир, 1910, гл. 6. Překlad můj.

⁹ PITTER, Přemysl. *Chelčický, Tolstoj, Masaryk*. Praha: 1931, s. 10-11.

života jednotlivce v království Božím v nás a tím poskytnutí mravního vzoru ostatním lidem, nezdráhá se Lenin pomyslně „překročit mrtvolu pro blaho milionů“.¹⁰ Valentin Bulgakov též shrnuje Tolstého pozici v lapidárním, nicméně trefném hesle: důležitější je dobrým být než dobro činit. Bulgakov i Pitter, obohacení o zkušenosti těsně předválečného, válečného a poválečného nacionalismu, vykračují za meze čistého tolstojovského individualismu. Už i Bulgakovův podíl na publikaci manifestu *Vzpamatujte se, lidé-bratři!* by byl patrně Tolstým vnímán jako nepřiměřené „vnější budování“, Bulgakov sám po válce uznává: „zříkám se v této věci následování Tolstého“, neúčast na válce se mu zdá příliš málo, chce přebrat „hlubší odpovědnost“ a apeluje na práci s davem, jakou v té době praktikuje jeho nový vzor, Mahátmá Gándhí.¹¹ Pitter se zdá být na ose individualismus-kolektivismus blíže Tolstému, zdůrazňuje manipulovatelnost davu, potlačení osobního svědomí a odpovědnosti, a řešení sociálních a ekonomických otázek na základě sebezdokonalování, čili ne ptáním „Co dělají ostatní?“, ale „Co mám dělat já?“. Nositeli mravního pokroku lidstva nejsou podle Pittra kolektivy, ale mravně vyspělé individuality (srov. např. název jeho brožury *Chelčický, Tolstoj, Masaryk*), které svým příkladem nabádají k následování, aby byl poté jejich odkaz zprzněn davem, z něhož po čase opět povstane příkladná osobnost.¹² Přesto je však i podle Pittra čistý individualismus Chelčického a Tolstého věcí minulosti, nedostačující pro soudobou modernitu.

Z řečeného však nevyplývá, jak by se mohlo na první pohled zdát, přímočará korelace mezi osami individualismus-kolektivismus a **pasivnost-aktivnost**. Jakkoli je na jedné straně individuální odpovědnost za nenásilí v tolstojovském smyslu spojena především s *odmítnutím* stávajícího společenského řádu a s *ne-účastí* na něm (ať už formou neúčasti na vojenské službě nebo na vzdělávacím systému), a jakkoli na druhé straně orientace na kolektiv předpokládá *aktivní* veřejnou agitaci a organizační *činnost*, bude tento odstavec věnován relativizaci takové souvislosti. Hlavním argumentem je hledisko orgánů státní moci – té moci, jejíž legitimitu radikální pacifisté (či náboženští, křesťanští anarchisté) zpochybňují. Orgány moci přirozeně jakékoli (ne)jednání podkopávající jejich legitimitu a narušující tedy zavedený stav považují za aktivitu, pozitivní činnost. V listopadu roku 1920 bylo ve Vitebsku zatčeno šedesát členů *Společnosti skutečné svobody* (organizace tolstojovců, spoluzaložené Bulgakovem) za „protisovětskou činnost“ (антисоветскую деятельность), například „odmítali svou účast ve válce“ (отказывались от участия в войне), jak psal místní čekista centrálním orgánům v Moskvě.¹³ V pluralitní demokracii první Československé republiky bylo pacifistické přesvědčení trpěno, ač se skřípěním zubů státní moci, pouze dokud zůstávalo na papíře. Jakmile přerůstalo ve skutečnou podporu odpíračů vojenské služby v jejich rozhodnutí zůstat pasivními (*ne-účastnit se* branné povinnosti), bylo usvědčeno z *činnosti* podkopávající základy státu a náležitě perzekuováno.¹⁴ Moment aktivity koneckonců

¹⁰ BULGAKOV, Valentin Fjodorovič. *Tolstoj, Lenin, Gandhi*. Slaný: Nákladem J. Fišera, [192-?], s.16. Tolstého pozici mravního vzoru uvádí Douglas P. Lackey jako specifickou variantu tzv. „univerzálního pacifismu“, tedy odmítnutí násilí na základě morálky. Viz LACKEY, Douglas P. *The ethics of war and peace*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1989, s. 13.

¹¹ BULGAKOV, Valentin Fjodorovič. *Cit. dílo*, s. 13.

¹² PITTER, Přemysl. *Cit. dílo*, s. 17.

¹³ ШЕНТАЛИНСКИЙ, Виталий Александрович. *Cit. dílo*, s. 56.

¹⁴ Hnutí pro křesťanský komunismus založené společně Pittrem a Bulgakovem v Československu bylo úředně rozpuštěno až poté, co byly při domovních prohlídkách nalezeny reakce odpíračů oslovených Pittrem s cílem

předpokládá v jakémkoli zdánlivě pasivním jednání negujícími panující řád i Gramsciho koncepcí kulturní hegemonie – jakákoli subverze všeprostupujícího kulturně-politického ovzduší, tím spíše, je-li jím tak obecná ideologie státnosti legitimizovaná vojenskou mocí, vyžaduje nesmírné úsilí.

Téma vztahu „náboženského anarchismu“ či „křesťanského komunismu“ (podle Pittrem a Bulgakovem založeného hnutí) a **socialismu** by si zasloužilo vlastní stať. Pro naše téma je však opět důležité především porovnání pozice Tolstého a dvou myslitelů, kteří z jeho východisek ideově čerpali. Tolstoj v intencích výše řečeného považoval jakoukoli formu socialismu za „vnější budování“, za myšlenkový systém, jehož cílem je vést slepou masu z jednoho otroctví do druhého, který nabubřele odvrhuje náboženství jako společenský atavismus, zatímco zbožšťuje vědu, a osobuje si právo rozhodovat, jaký ekonomický model je pro lidstvo nejspravedlivější.¹⁵ Přemysl Pitter obdivuje „původní“, „čistou“ myšlenku socialismu, jak byla vyjádřena v Moreově Utopii. Když píše v roce 1920 o své představě božího království jako něčeho, co oproti běžnému, „církevnímu“ pojetí nemá místo na nebesích, ale „co na zemi musí být učiněno, a to tehdy, až lidstvo tak se přerodí, že nebude nenávisti, nebude nevědomosti, nebude si člověk stavěti zlatých telat, ale skutečné bratrství zavládne po vší zemi!“, upozorňuje v kontextu socialismu na převratnost prožívané doby: „Nemávejme rukou a neříkejme: ah, to nikdy nebude! Nastala doba velikých změn, procesů obrodných. Toto století ještě uvidí změny, jež nedály se v staletích!“¹⁶ Bulgakov osm let po svém odchodu z univerzity pozoruje s nadšením pád násilného carského impéria a hledí s nadějí i obavami do budoucna. Podle něj nový, „progresivní proud v politice“ začal na základech starého zhrouteného školství stavět novou budovu, o níž sice, jak píše v roce 1919, „ještě není možné říci, nakolik bude v budoucnosti schopna uspokojit potřeby opravdové vzdělanosti lidí a národa, ale přece jen lze tušit nějakou lepší, vyšší, ideální alternativu; obrysy, jejichž linky jsou vidět, načrtla zjevně talentovaná, nebojácná ruka.“¹⁷ U obou představitelů lze těsně po první světové válce pozorovat stopy všeobecného nadšení, které budila nově uspořádaná demokratická Evropa, v níž největším příslibem změn bylo socialistické hnutí.¹⁸ Státně socialistické represivní režimy Sovětského svazu a později

„zahájit společnou výměnu názorů“. Pitter byl odsouzen k pětiměsíčnímu odnětí svobody za „podporu a propagaci hnutí s protistátním obsahem“. Viz KOSATÍK, Pavel. *Cit. dílo*, s. 108. Kurzíva moje.

¹⁵ Uceleněji chtěl svůj postoj k socialismu vyložit v roce 1910 ve stati *O социализме*, k jejímuž sepsání mu poskytla impuls redakce pražského národně socialistického mládežnického listu *Mladé proudy*. Stať zůstala nedokončena a je dostupná z WWW: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0850.shtml

¹⁶ PITTER, Přemysl. *Od jisker k ohni*. Praha: 1920, s. 10.

¹⁷ БУЛГАКОВ, Валентин Фёдорович. *Университет и университетская наука (Почему я вышел из университета?)*. Второе издание. Москва: Новый мир, 1919. [online] Dostupný z WWW: http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_0030.shtml. Překlad můj..

¹⁸ Přemysl Pitter byl po válce krátce pracovníkem Ministerstva národní obrany, které vedl jeho rodinný přítel, národní socialista a veterán české protiválečné politiky Václav Klofáč. Zdánlivě překvapivá perioda v pacifistově životě skončila poté, co bylo definitivně jasné, že Československo se přes původní Masarykovu ideu nevzdá branné povinnosti a nedá přednost domobraně po příkladu Švýcarska. Viz KOSATÍK, Pavel. *Cit. dílo*, s. 45. Když publicista Kosatík píše o Pittrových zkušenostech z Mezinárodní civilní služby Pierra Cérésola z roku 1928, pozastavuje se nad tím, že se na humanitárních akcích, organizovaných touto pacifistickou institucí, „mohli setkat lidé velmi odlišného smýšlení – Pitter se tam poznal například s Jiřím Hájkem, pozdějším ministrem v několika komunistických vládách (do roku 1968) a nakonec chartistou.“ (*Tamtéž*, s. 105) Ve světle výše řečeného však můžeme říct, že Hájka s Pittrem v této době spojovalo naopak velmi podobné smýšlení, Kosatík tu promítá zkušenost státního socialismu po druhé světové válce do kulturně-politické skutečnosti dvacátých let.

Československa podle obou pacifistů zradily průzračnou ideu socialismu a oba věnovali v exilu (Bulgakov československém, Pitter švýcarském) nemálo energie jejich kritice.

Poslední společnou dominantou světonázorů trojice pacifistů, na kterou zaměříme pozornost, je **filozofie dějin**. Jako jakýkoli jiný ideologický systém obsahuje i tolstojovská vize nenásilí výrazný prvek konceptualizace dějin, protože právě uchopením (zkonstruováním) určitého obrazu minulosti lze efektivně vytvořit představu budoucnosti, respektive legitimizovat ji umístěním do rámce všezahrnujícího mýtu. Tolstého pojetí dějin spadá do paradigmat pokrokařských, přičemž nositeli pokroku jsou ti mravně dokonalí lidé, kteří dokázali zlo snášet a nevzdorovat mu násilím, protože pouze to dobro, které se při styku se zlem tímto zlem nekontaminuje, je schopné toto zlo přemoci.¹⁹ Pitter pro stejně pokrokařskou koncepci dějin přebírá běžnou humanistickou terminologii středověku a novověku, a naplňuje ji rovněž na základě kritérií mravnosti: „všecko, co se opírá o moc světskou a užívá násilí, je ve službách temného Středověku. Pravý Novověk se pak ohlašuje hledáním nejvyšších hodnot mravních a duchovních, zamítá násilí a dožaduje se lidskosti.“²⁰ V této koncepci obsazoval Pitter v rolích mravních vzorů především postavy z českých dějin. Novověk podle něj nepřichází se zámožnými objevy a počátky evropské koloniální expanze, ta jen dovedla středověkou podobu vykořisťování ad absurdum – až ke zničení mnoha mimoevropských civilizací. Počátkem novověku byla duchovní revoluce Jana Husa, který byl prý průkopníkem v upřednostnění autority vnitřní (svědomí) před vnější.²¹ Pitter se tak ztotožňoval s masarykovskou pozicí v tzv. „sporou o smysl českých dějin“, která linii spojující husitství se soudobým demokratickým étosem vázala k náboženskému principu. Pokud jde o Bulgakova, ten staví rovněž na motivech progresu. Princip násilí určoval dějiny odjakživa, nenásilí je radikálně (revolučně) novým principem. „Lidské založení je [však] velmi konzervativní [... a] většina drží se stále ještě již umírajícího hlediska.“²² Vzájemné souznění dějinných koncepcí Tolstého, Bulgakova a Pitttra je zjevné, snad jen v Pittrově hledisku je v souladu s nacionálním naladěním české inteligence zdůrazněn prvek národa a jeho úlohy.

Postavili jsme tak vedle sebe v nejdůležitějších bodech dva pacifistické koncepty jejichž společným jmenovatelem je tolstojovská vize neodporování zlu násilím. Přestože vyrůstaly obě z různých kulturních podloží, mohli jsme mezi nimi nalézt významné shody, které nevyplývaly výlučně z jednoho konkrétního inspiračního zdroje, jako spíše z obecnějších faktorů, které spoluutvářely intelektuální atmosféru v Evropě přelomu devatenáctého a dvacátého století. Představitelé těchto dvou konceptů se shodou okolností sblížili v meziválečné době na půdě první Československé republiky, jejíž prostředí pluralitní demokracie podobné myšlenkové výměně přála. Pouze však do doby, než tato myšlenková výměna začala ohrožovat samotnou podstatu její existence.

¹⁹ ТОЛСТОЙ, Лев Николаевич. *В чем моя вера*, гл. 4. [online] Dostupné z WWW: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0152.shtml

²⁰ PITTER, Přemysl. *550 let od mučednické smrti Husovy a 50 let od zahájení Masarykova boje za osvobození Čechů a Slováků; A co my dnes ?*. Zürich: Svaz československých spolků ve Švýcarsku, 1965, s. 21.

²¹ *Tamtéž*, s. 20.

²² BULGAKOV, Valentin Fjodorovič. *Tolstoj, Lenin, Gandhi*. Slaný : Nákladem J. Fišera, [192-?], s. 40-41.

Použitá literatura:

- BERĎAJEV, Nikolaj Aleksandrovič. *Ruská idea: základní otázky ruského myšlení 19. a počátku 20. století*. Praha : OIKOYMENH, 2003.
- BULGAKOV, Valentin Fjodorovič. *Tolstoj, Lenin, Gandhi*. Slaný : Nákladem J. Fišera, [192-?].
- KOSATÍK, Pavel. *Sám proti zlu: život Přemysla Pittra (1895-1976)*. Praha: Paseka, 2009.
- LACKEY, Douglas P. *The ethics of war and peace*. Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1989.
- *Přemysl Pittra. Život – dílo – doba. Sborník referátů a diskusních příspěvků z mezinárodní vědecké konference konané ve dnech 22. a 23. června 1995 na Univerzitě Karlově v Praze*. Praha: Pedagogické muzeum J. A. Komenského, 1996.
- PASÁK, Tomáš. *Přemysl Pittra – život pro druhé : česko-německé soužití v díle Přemysla Pittra*. Praha: Paseka 1997.
- PITTER, Přemysl. *Chelčický, Tolstoj, Masaryk*. Praha: 1931.
- PITTER, Přemysl. *Od jisker k ohni*. Praha: 1920.
- PITTER, Přemysl. *550 let od mučednické smrti Husovy a 50 let od zahájení Masarykova boje za osvobození Čechů a Slováků; A co my dnes ?*. Zürich: Svaz československých spolků ve Švýcarsku, 1965.

- БУЛГАКОВ, Валентин Фёдорович. *Л. Н. Толстой в последний год его жизни: дневник секретаря Л. Н. Толстого*. Москва: Правда, 1989.
- БУЛГАКОВ, Валентин Фёдорович. *Опомнитесь, люди-братья! История воззвания единомышленников Л. Н. Толстого против мировой войны 1914-1918 г. г.* Москва: Задруга, 1923.
- БУЛГАКОВ, Валентин Фёдорович. *Университет и университетская наука (Почему я вышел из университета?)*. Второе издание. Москва: Новый мир, 1919. [online] Dostupný z WWW: http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_0030.shtml
- БУЛГАКОВ, Валентин Фёдорович. *Христианская этика: Систематические очерки мировоззрения Л.Н. Толстого: С письмом Л.Н. Толстого*. Москва: Московский Совет Солдатских Депутатов, 1917.
- ТОЛСТОЙ, Лев Николаевич. *В чем моя вера*. [online] Dostupné z WWW: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0152.shtml
- ТОЛСТОЙ, Лев Николаевич. *О социализме*. [online] Dostupné z WWW: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0850.shtml
- ТОЛСТОЙ, Лев Николаевич. *Полное собрание сочинений в 90 томах, академическое юбилейное издание, том 28*. Москва: Государственное Издательство Художественной Литературы, 1955.
- ШЕНТАЛИНСКИЙ, Виталий Александрович. *Донос на Сократа*. Москва: Формика-С, 2001.

Mgr. Vojtěch Pícha

Univerzita Palackého v Olomouci

Charkovská 4, 77900 Olomouc
v.picha@seznam.cz

Autor vystudoval rusistiku a historii na Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci. V současné době je doktorandem oboru Ruská literatura na Katedře slavistiky tamtéž. Na této katedře vyučuje dějiny východoslovanských zemí. Badatelsky se orientuje na ruskou emigraci v meziválečném Československu v kulturně historickém kontextu. Do češtiny přeložil monografii Jména náboženského filozofa Pavla Florenského.

Náboženský anarchizmus L. N. Tolstého

Ivan Grznár

Abstract: L. N. Tolstoy was the announcer of Christian philosophy - adherent of civil disobedience, which ideas are within the bounds of anarchism. L.N. Tolstoy sees violence and evil in the State and that is contradictory with the Christ's teaching. Revealing the sense of Christ's teaching, L. N. Tolstoy can not cast off the State and its institutions. "Religious anarchism" of L. N. Tolstoy is not violent rebellion, but Christian protest.

Keywords: Tolstoy, anarchism

Anarchizmus našiel silnú podporu v kresťanskom učení L. N. Tolstého o občianskej neposlušnosti. L. N. Tolstoj viedol „страстную проповедь против государственности и ее институтов: церкви, армии, права...“ (Мндоянц, 1990, s. 7)

Základ jeho učenia o občianskej neposlušnosti, to znamená o popieraní štátu, predstavuje myšlienka „neprotivenie sa zlu násilím“.

Ak hovoríme o popieraní štátu (a jeho inštitúcií) nedá sa nehovoriť o anarchizme. Cieľom anarchizmu je anarchia (termín z gréckeho jazyka znamenajúci „bezvládie“), slobodná organizácia spoločnosti, ktorá sa zaobíde bez organizácie vlády človeka nad človekom.

Anarchizmus, tak ako ho poznáme dnes, sa začal pod intelektuálnym a duchovným vplyvom francúzskej revolúcie a neskoršieho štádia „Osvietenia“ mladohegelovskej školy. Za hlásateľa anarchizmu sa obyčajne považuje Max Stirner (Johann Caspar Schmidt, 1806 – 1856), avšak prvý vysvetlil politické a ekonomické tézy anarchizmu Angličan William Godwin (1756-1836) v roku 1793, vo svojej Štúdií o politickej pravde a jej vplyve na všeobecnú morálku a šťastie (An Enquiry Concerning the Principles of Political Justice, and Its Influence on General Virtue and Happiness). Samotné slovo „anarchia“ ešte nepoužíval, ale veľmi dobre vysvetľoval jej základné tézy, útočil na zákony a dokazoval nepotrebnosť štátu. (Кропоткин, 1990, s. 292). Prvý použil slovo „anarchia“ v zmysle spoločenského poriadku bez vlády Pierre - Joseph Proudhon.

Môžeme konštatovať, že anarchizmus ako idea kulminoval vďaka P. A. Kropotkinovi a jeho idey o „vzájomnej pomoci“, ktorého inšpirovali myšlienky Darwina a Hegla.

Pre mnohých anarchistov 20. storočia je uznávaným teoretikom aj Lev Nikolajevič Tolstoj, ktorý odmietal použitie násilia a hlásal občiansku neposlušnosť. Nasledovníci učenia Leva Tolstého, ktorí tvoria jeden z prúdov v ruskom anarchizme sa sami nazývajú „kresťanskými anarchistami“. (Рогдаев, 1998, s. 413)

L. N. Tolstoj sám seba nepovažoval za anarchistu, no jeho idey sa v mnohých spoločenských otázkach stretávali s myšlienkami anarchizmu. L. N. Tolstoj prejavil záujem o sociálne utópie svojej doby. Stretával sa s niektorými účastníkmi krúžku petraševcov. Myšlienky petraševcov boli zviazané s menami A. N. Radiščev a N. I. Novikov. Pod vplyvom A. N. Radiščeva, L. N. Tolstoj spoznal účinok ideí nemeckého spisovateľa – slobodomurára

J. G. Herdera. V čase stretnutí so spolupracovníkmi časopisu *Sovremennik* (od konca roku 1855) - Nekrasovom, Turgenevom, Gončarovom, Černyševským a ostatnými predstaviteľmi demokratických a liberálnych prúdov, sa Tolstoj hlbšie zoznamuje s ideami francúzskeho a anglického utopického socializmu. Vo Florencii sa L. N. Tolstoj stretol s dekabristom S. G. Volkonským a v tom čase (1860) vznikol zámer románu *Dekabristi*, no namiesto neho vznikol román *Vojna a mier*. Koncom marca 1861 navštívil L. N. Tolstoj P.-J. Proudhona. Tolstého biograf P. I. Biriukov zaznamenáva, že Proudhon urobil na Tolstého silný dojem, a je presvedčený, že Proudhon mal vplyv aj na formovanie jeho svetonázoru. Okrem Proudhona L. N. Tolstoj čítal v tom čase aj Davida Straussa (nemecký filozof, 1808-1874), ktorý vystavil pochybnostiam historický charakter evanjeliových rozprávání, a Ernsta Renana (francúzsky filozof, 1823-1892), jedného z popredných teoretikov ranného kresťanstva.

Učenie L. N. Tolstého – to je učenie o láske, osobnom sebazdokonaľovaní, o sebaobetovaní, o náboženskom vychovávaní, o slúžení ľuďom atď. Zlepšiť život, začať žiť podľa kresťanského učenia, to znamená podľa Tolstého zriecť sa násilia – zriecť sa štátu. „Всякий истинный христианин при предъявлении к нему требования государства, противного его сознанию, может и должен сказать: я не могу доказывать ни необходимости, ни вреда государства; знаю только одно то, что, во-первых, мне не нужно государство, а во-вторых, что я не могу совершать все те дела, которые нужны для существования государства“. (Путь жизни, 1995, s. 31)

L. N. Tolstoj je presvedčený, že násilím nie je možné poraziť zlo a uskutočniť dobro. „Ничто так не задерживает осуществления Царства Божия на земле, как то, что люди хотят установить его делами, противными ему: насилием“. (Путь жизни, 1995, s. 277) Tolstoj zavrhol štát ako organizáciu založenú na obetiach a utrpení. V štáte videl L. N. Tolstoj zdroj zla, ktoré sa redukovalo na násilie. Pre Tolstého je akékoľvek násilie neprípustné. „Нельзя огнем тушить огонь, водой сушить воду, злом уничтожать зло“. (Сибиркина, 1992, s. 8) L. N. Tolstoj vystríha všetkých ľudí pred štátnou vládou, ktorá vnáša do ich života vždy nové násilie a to vždy viac a viac podľa miery svojej doby trvania. Spisovateľ bol nepriateľom akejkoľvek štátnosti. Vyzýva k rozrušeniu celej spoločnosti a k návratu k stabilnej spoločnosti rovných a spokojných ľudí. V štáte vidí sociálne organizovaný zločin. L. N. Tolstoj chápal, že aj keď hnutie proti štátu rastie, nemôže realizovať svoje myšlienky naraz. Tak ako sa tisícročia tvoril štátny život, tak sa možno tisícročia bude rozkladať. Podľa neho sa prechod od štátneho násilia k slobodnému rozumnému životu nemôže uskutočniť odrazu. (Полтавцев, 1974, s. 77) Podľa L. N. Tolstého je potrebné odmietnuť službu štátu a vybrať cestu kresťansky-rozumej anarchie. Tolstoj odmieta anarchiu ako ozbrojený teror a vyzýva k realizácii anarchie vybudovanej na základoch účelného úsilia v atmosfére bratskej jednoty a slobody. (Апостолов, 1919, s. 25)

Sám L. N. Tolstoj o anarchizme píše: „Анархизм есть только один разумный – христианство, игнорирование каких бы то ни было внешних политических форм жизни и жизнь каждого для своего «я», но не телесного, а духовного“. (Полтавцев, 1974, s. 98) Po „prelome“ Tolstoj odmieta a popiera celý vykorisťovateľský systém. Nezmieriteľnosť s existujúcim štátnym zriadením, rozhorčený protest proti utláčaniu a násiliu prechádza celou tvorbou Tolstého. (Петров, 1978, s. 17) Štát je podľa L. N. Tolstého zlo, pretože je vybudovaný na násilí. Násilie odmieta, a toto odmietanie môžeme nájsť aj v jeho pedagogických článkoch. Vo svojich pedagogických článkoch za základný princíp, na

ktorom vybudoval celú prax jasnopolianskej školy, Tolstoj vyhlasuje rozhodné a bezvýhradné odmietanie násilia vo výchove a vo výučbe (Асмыс, 1961, s. 70) Jasnopolianska škola dokonca slúži ako vzor školy v „Manifeste anarchistov – komunistov“: „Все средства образования должны принадлежать не кучке счастливых, хотя бы они назывались правителями, а всему народу, всем желающим для того, чтобы каждый мог научиться всему, чему хочет. Наше отношение к школе намечается в школах типа Ферпера, С. Фора, Л. Н. Толстого.“ (Карелин, 1999, s. 454) L. N. Tolstoj v týchto štúdiách dokazoval, že násilie nevedie k nijakým výsledkom a násilie vychovávateľa nemôže mať nijaké dôvody, okrem svojvôle. V L. N. Tolstom dozrieval záporný postoj k oficiálnej pravoslávnej cirkvi a k jej súčasnému štátnemu zriadeniu. Tento vzťah ho primäl uverejniť značné množstvo otvorených listov, výziev a článkov k rôznym problémom. Týmto anarchistickým náladám podliehal do konca života a celá jeho literárna tvorba, hlavne po kríze v roku 1879, bola preniknutá týmto pocitom. (Рэдферн, 1993, s. 40) Anarchistické nálady môžeme cítiť už v rozprávkach L. N. Tolstého. „«И ушли из Иванова царства все умные, остались одни дураки. Денег ни у кого не было. Жили – работали, сами кормились и людей добрых кормили.» Вот та картина идеального общежития трудовых людей, тот первобытный анархический социализм, который был одинаково дорог как автору, так и патриархальному крестьянству, идеологом которого был Толстой в пореформенную, но дореволюционную эпоху“ (Андреева, 1961, s. 50) Tvorbu po „prelome“, v ktorej už hlasne zvučia idey jeho učenia, môžeme rozdeliť na umelecké diela a publicistické diela. V publicistických dielach – listoch, traktátoch a článkoch L. N. Tolstoj otvorene vystupuje proti štátu, cirkvi a militarizmu. L. N. Tolstoj v „Liste študentovi o práve“ (Pismo studentu o prave) zavrhuje štátne zriadenie, založené na právach a zákonoch. „Главное же говорить о воспитательном значении «права» нельзя уже потому, что решения «права» приводятся в исполнение насилиями, ссылками, тюрьмами, казнями, т. е. поступками самыми безнравственными“ (Письмо студенту о праве, 1994, s. 147) L. N. Tolstoj je presvedčený, že vyslobodenie ľudí z otroctva je možné, len keď bude zničená vláda. O tom píše v traktáte „Otroctvo našej doby“ (Рабство нашево времени). „Рабство людей происходит от узаконений, узаконения же устанавливаются правительствами, и потому освобождение людей от рабства возможно только через уничтожение правительств“ (Рабство нашего времени, 1997, s. 158) Možno má pravdu K. Lomunov, ktorý píše že „Толстой совсем не похож на христианских или иных анархистов, меньше всего интересовавшихся тем, каким будет на деле то царство «абсолютной свободы», за которое они ратовали“ (Ломунов, 1981, s. 221) Keď sa však L. N. Tolstoj vyjadruje proti štátu („Государство есть насилие, христианство есть смирение, непотивление, любовь, и потому государство не может быть христианским, и человек, который хочет быть христианином, не может служить государству“ (Об отношении к государству, 1999, s. 143)), jeho myšlienky nadobúdajú v týchto formuláciách anarchistický charakter. Vybudovanie nového sveta – spojenie ľudí do bratskej rodiny ľudstva, je podľa L. N. Tolstého možné len na základe kresťanského učenia a iba za neprítomnosti štátu, ktorý je pre Tolstého synonymom násilia. Preto možno pokladať jeho myšlienky za myšlienky náboženského anarchizmu.

Použitá literatura:

- Андреева, Е. П.: Проблема положительного героя в творчестве Льва Толстого последнего периода. Воронеж, 1961.
- Апостолов, Н.: Религіозно – анархическія идеи Льва Толстого и современный политическій психозъ. Кіевъ, 1919.
- Асмус, В. Ф.: Мироззрение Толстого. In: Литературное наследство, том 69, кн. 1-я. Лев Толстой. Москва, 1961, с. 35 – 102.
- Карелин, А. А.: Манифест анархистов-коммунистов. In: Сб – к Анархисты. Документы и материалы 1883-1935 гг. В 2 тт. Москва, 1998, с. 444 – 458.
- Кропоткин, П. А.: Хлеб и воля / Современная наука и анархия. Москва, 1990.
- Кропоткин, П. А.: Этика. Москва, 1991.
- Ломунов, К.: Жизнь Льва Толстого. Москва, 1981.
- Мндоянц, С. А.: П. А. Кропоткин. In: Кропоткин, П. А.: Хлеб и воля / Современная наука и анархия, Москва, 1990, с. 3 – 10.
- Петров, Г. И.: Отлучение Льва Толстого от церкви. Москва, 1978.
- Полтавцев, А. С.: Философское мировоззрение Л. Н. Толстого. Харьков, 1974.
- Редферн, Д.: Толстой: Принципы нового мирового порядка. Москва, 1993.
- Рогдаев, Н. И.: Доклад на Международном анархическом конгрессе 1907 г. в Амстердаме. In: Сб – к Анархисты. Документы и материалы 1883-1935 гг. В 2 тт. Москва, 1998, с. 404 – 428.
- Сибиркина, И. Ю.: Мироззрение Л. Н. Толстого, как одно из течений русской общественной мысли конца XIX – начала XX века, в оценке Г. В. Плеханова. Москва, 1992.
- Толстой, Л. Н.: В чем моя вера? In: Толстовский листок. Санкт-Петербург, 1996, № 7, с. 43 – 125.
- Толстой, Л. Н.: Исповедь. In: Толстовский листок. Санкт-Петербург, 1996, № 7, с. 9 - 42.
- Толстой, Л. Н.: Не могу молчать. In: Толстовский листок. Санкт-Петербург, 1997, № 10, с. 263 - 270.
- Толстой, Л. Н.: Об истине, жизни и поведении. Москва, 1998.
- Толстой, Л. Н.: Об отношении к государству. In: Сб – к Анархизм. Москва, 1999, с. 141 – 153.
- Толстой, Л. Н.: Письмо студенту о праве. In: Толстовский листок. Москва, 1994, № 5, с. 146 - 148.
- Толстой, Л. Н.: Путь жизни. В 2 тт, Тольятти, 1995.
- Толстой, Л. Н.: Рабство нашего времени. In: Толстовский листок. Санкт-Петербург, 1997, № 10, с. 135 - 164.
- Толстой, Л. Н.: Царство Божие внутри вас. In: Толстовский листок. Москва - Санкт-Петербург, 1996, № 9, с. 9 – 153.

Mgr. Ivan Grznár

Inštitút rusistiky, ukrajistiky a slavistiky

Filozofická fakulta

Prešovská univerzita v Prešove
Ul. 17. novembra 1
08001 Prešov

Metoda ozvláštnění v pojetí V. Šklovského a B. Brechta

Olga Melniková

Abstract: The paper studies the idea of *ostranenie* and deals with two aspects – concept of Russian Formalist Viktor Borisovich Shklovsky and German dramatist Bertolt Brecht. The first part of the article presents the Shklovsky's term *ostranenie*, which was mainly explained in his famous essay „Art as Technique“; the attention is paid to the issues like automatisisation, law of the economy of creative effort, distinction between the language of prose and the language of poetry etc. The next part focuses on Brecht's *Verfremdungseffekt* in connection with the theory of Epic Theatre. The paper also contains some problems and possible modifications on this field.

Key words: *ostranenie*, defamiliarisation, *Verfremdungseffekt*, Shklovskyj, Brecht

Ve své rané práci *Vzkříšení slova*¹ se Šklovskij pokusil o zachycení výchozí pozice formalistické metody, tedy o způsob vidět věci vytržené z jejich obvyklého kontextu a přetvářet z vžitého vidění daných věcí na neobvyklé, zvláštní.

Potřebu nového vidění v umění Šklovskij odůvodňuje tím, že se slova začala používat v každodenní řeči, a tak se z nich vytratila jejich vnitřní (obrazová) a vnější (zvuková) forma. Stává se totiž, že běžně slova ani nedořekneme a již díky letmému náznaku je můžeme rozpoznat. Avšak právě v této neschopnosti (či neochotě) věc vnímat samu o sobě tkví zásadní problém. Ztráta formy na jednu stranu vybízí ke zjednodušujícímu myšlení a může být užitečnou v exaktních vědách, nicméně v umění se nelze spokojit se zcela vyprázdněným slovem.

Ve snaze navrátit „obrazovost“ slovům umělci se mnohdy uchylují k užití básnických přívlastků. Avšak jejich časté opakování vede opět ke stírání obrazových dojmů těchto slov. Podobně je tomu i v případě klasických děl, jež známe od malička a vybavujeme si je téměř nazpaměť. Řečeno slovy Šklovského: „Стеклянной броней привычности покрылись для нас произведения классиков <...> теперь у нас мозоли на душе – мы их уже не переживаем“ (Шкловский, 1990, с. 38). Obdobně jako slova a epiteta, i klasická díla a citáty z nich vyjmuté, běžně užívané ve všední mluvě se postupně stávají všedními a nakonec umírají. Staré umění tak mizí, ale nové zatím nevzniká, následkem čehož nakonec ztrácíme zvláštní vnímání světa. Stanovisko Šklovského je zřejmé: „pouze vytvoření nových forem umění umožní člověku navrátit jeho vjemy, vzkřísit věci a zničit pesimismus“ (Шкловский, 1990, с. 40).

Vzkřísit slova se podle něj podařilo hlavně futuristům, kteří jaksí zpřelámali a překroutili slova, změnili jim například přízvuk či vytvořili nové odvozeniny od starých forem apod. Vznikla tak nová poetická řeč, charakteristická svými znesnadněnými formami

¹ První vydání této stati pochází z roku 1914. V současné době lze *Воскрешение слова* najít například ve sborníku literárněvědných prací V. Šklovského (ШКЛОВСКИЙ, Виктор. Воскрешение слова. In: ШКЛОВСКИЙ, Виктор. *Гамбургский счет: статьи, воспоминания, эссе, 1914-1933*. Москва: Советский писатель, 1990, s. 36-42. ISBN 52-650-0951-5.).

a ztíženým pochopením. Právě tuto napůl srozumitelnou básnickou řeč považuje Šklovskij za podstatné východisko pro navrácení věcem jejich „obrazovosti“, k vytvoření jejich ozvláštňeného vnímání.

Z uvedeného je zřejmé, že základní bázi pro definování metody ozvláštňení Šklovskij uvádí již ve svém *Vzkříšení slova*, avšak poprvé zformuloval a aplikoval samotný termín *ozvláštňení* teprve ve stati *Umění jako metoda*². V této práci Šklovskij rozvíjí svou tezi o podstatě umění. Vystupuje zde v pomyslné polemice s Potebňovou koncepcí umění jako myšlení v obrazech. Kritizuje totiž stanovisko, v němž za hlavní rys *poezie* Potebňa považuje *myšlení v obrazech*: „Obrazy jsou však téměř nehybné. <...> Obrazy jsou ničí, boží. <...> Obrazy jsou dány a v poezii se mnohem víc na obrazy vzpomíná, než jimi myslí. <...> Obrazy nejsou tím, čeho změny tvoří podstatu básnického pohybu“ (Šklovskij, 2003, s. 9, 10).

Další argumentace Šklovského spočívá v tom, že je třeba rozlišovat *jazyk poezie* od *jazyka prózy*, tudíž činit rozdíl také mezi obrazem poetickým (jakožto prostředkem k zesílení dojmu, prostředkem abstrakce) a obrazem praktickým (umožňujícím spojení věcí do skupin). Zatímco poezie je řečí „brzděnou, křivou, řečí-stavbou“, próza představuje řeč „obyčejnou, lehkou, pravidelnou“ (Šklovskij, 2003, s. 23). Šklovskij poukazuje rovněž na nutnost rozlišení zákonů prozaického jazyka od zákonů jazyka básnického. V této souvislosti se tak zmiňuje o problematice *zákona ekonomie a spotřeby tvůrčích sil*. Zabývá se procesem *automatizace* věci³, kterým se vysvětlují zákony prozaické řeči a kterým se docílí největší ekonomie vnímaných sil (v praktické řeči se např. slova nedoslovují). Automatizaci jako takovou chápe negativně, protože ničí různorodost vnímání života: „Automatizace požívá věci, šaty, nábytek, ženu i strach z války“ (Šklovskij, 2003, s. 13). Umění však má *navrátit pocit života*, čehož docílí novým, jakýmsi zvláštním vnímáním věci: „Metoda umění je metoda ozvláštňení věcí a metoda znesnadnění formy zvětšující obtíž a délku vnímání, poněvadž proces vnímání je v umění sám o sobě cílem a musí být prodlužován“ (Šklovskij, 2003, s. 14).

Zprostředkování zvláštního vidění věcí (nikoliv jejich poznání) se tedy odráží v podstatě *metody ozvláštňení*. Tento Šklovským zavedený termín v ruském originále stati *Umění jako metoda* figuruje jako tzv. *отстранение*, tedy jako derivát od slova *zvláštní – странный*. Na první pohled poněkud matoucí forma zkoumaného termínu však má ve své etymologii jisté opodstatnění. Pravděpodobně kvůli nedopatření typografů a chybě samotného autora (který se přepsal a místo dvou „н“ použil pouze jedno „н“) se daný termín ustálil v instrumentáři literární vědy v podobě *отстранение*.

Historie použití tohoto pojmu zná i jiné varianty pro jeho označení. Tak například vlivem mylného zvukového vjemu se nezdědka používalo slovo *отстранение*. Tento termín je však chybný, jelikož znamená jakési odstrčení světa do pozadí. Šklovskij přitom ve své

² Tuto práci lze považovat za jednu z nejznámějších nejen v rámci celé literárněvědné praxe Šklovského, ale i za jednu z nejzásadnějších z hlediska stanovení formalistických koncepcí OPOJAZu vůbec. Poprvé byla stať publikována v druhém vydání *Sborníků z teorie básnického jazyka* (Petrohrad, 1917, s. 3-14) a posléze se dočkala několika dotisků v letech následujících, a to zejména jako první kapitola knihy *Teorie prózy*, která byla vydána v roce 1925. Opakovaně stať byla rovněž několikrát zařazována jako součást publikací zahraničních sborníků ruských formalistů.

³ Kromě pojmu *automatizace* se lze v práci Šklovského setkat se synonymním výrazem *algebraizace*, jelikož věci jsou v podstatě zaměněny symboly: „При процессе алгебраизации, обавтоматизации вещи, получается наибольшая экономия воспринимающих сил: вещи или даются одной только чертой, например, номером, или выполняются как бы по формуле, даже не появляясь в сознании“ (Шкловский, 1929, с. 12).

pozdější práci *Tětiva* (1970) upozorňoval, že ozvláštňení má sloužit k zesílenému vnímání světa, nikoliv k jeho odsunutí.⁴

Terminologická nepřesnost dokonce vygradovala v použití slova *отчуждение* (odcizení). Tuto skutečnost lze odůvodnit případnou konotací s Brechtovým *Verfremdungseffekt*, jenž však má poněkud jiné parametry. Nehledě na to, že německý dramatik Bertolt Brecht se skutečně seznámil s teoretickými pracemi Viktora Šklovského a do jisté míry se inspiroval i jeho metodou ozvláštňení, formuloval však zcela osobitý pojem *Verfremdungseffekt*. V českých překladech se tento termín vyskytuje jako *zcizující efekt*, v anglických verzích jako *the effect of disillusion*.

Rozdíl mezi Šklovského ozvláštňením a Brechtovým *Verfremdung* však nespočívá jen ve způsobu použití dané terminologie. Nesoulad lze spatřit především v samotných koncepcích metod ozvláštňení. Zatímco Šklovskij akcentuje již zmíněnou potřebu vyvedení básnického slova z pout automatizace, B. Brecht zajímá v první řadě způsob ovlivnění diváka během divadelního představení.

Ve stati *Zcizující efekty v čínském hereckém umění*⁵ se B. Brecht pokouší o vymezení hlavních atributů *zcizujícího efektu*, a to především na základě zkoumání tendencí jeho výskytu ve starém čínském hereckém umění. Zdůrazňuje zde obzvláště mimořádnou schopnost čínských herců dosáhnout *zcizujícího efektu* tím, že v podstatě přihlížejí sami sobě. Jistého distancování sebe sama od postavy, kterou zobrazují, dosahují například tím, že oddělují mimiku od gestiky⁶ nebo zachovávají klid při znázorňování velkých vášní⁷, čímž se striktně vyhýbají přebývání v transu, které je zpravidla vlastní evropským hercům. Umělci vlastně směřují k tomu, aby působili na diváky cize až překvapivě. Brecht konstatuje: „Tak se věci, které překvapí, znevšedňují. Každodenní věci pomocí tohoto umění přestávají být něčím samozřejmým. Čínský umělec <...> se zříká úplné přeměny. Předem se omezuje na to, že bude představovanou postavu toliko citovat. <...> používá jen minimum iluze“ (Brecht, 1958, s. 41, 43).

Snaha dosáhnout sebeodcizení umožňuje tak herci překlenutí pomyslné hranice mezi ním a diváky, kteří se tak stávají aktivními pozorovateli divadelní hry. Publikum se vyprostí z pozice „neviditelného diváka událostí“, přenese se během divadelního aktu do rovin svého aktivního vědomí, hodnotí a posuzuje postavy a probíhající dění. Akt sebeodcizení tak poskytuje novou platformu pro vnímání publika: „Divák se vcítuje do herce jako do pozorovatele: tak se kultivuje jeho pozorovací, divácký postoj“ (Brecht, 1958, s. 41).

Uvedený efekt praktikovaný v čínském divadle ovšem podle Brechta není mrtvou kostrou divadelních dogmat, nýbrž je živým modelem použitým v Německu 30. let, a to zejména při pokusech o epické divadlo. Na rozdíl od her aristotelovského typu,

⁴ „Существовал старый термин – остранение: его часто печатают через одно «н», хотя слово это происходит от слова «странный», но термин вошел в жизнь с 1916 года в таком написании. Но, кроме того, его нередко путают по слуху, говорят «отстранение», значит – отодвигание мира. Остранение – это удивление миру, его обостренное восприятие. Закреплять этот термин можно, только включая в него понятие «мир». Этот термин предполагает существование и так называемого содержания, считая за содержание задержанное внимательное рассмотрение мира“ (Шкловский, 1983).

⁵ Stať *Verfremdungseffekte in der chinesischen Schauspielkunst* byla napsána v roce 1937 a poprvé vydána v roce 1954 v týdeníku *Sonntag*, posléze knižně v *Schriften zum Theater*.

⁶ „Umělec použil svého obličej jako prázdného listu, jež může popsat gestus těla“ (Brecht, 1958, s. 41).

⁷ „Pro herce je obtížné a úmorné vyvolávat v sobě každý večer určité emoce nebo nálady, naproti tomu je jednodušší převést vnější příznaky, které tyto emoce provázejí nebo odhalují“ (Brecht, 1958, s. 43).

zdůrazňujících katarzi a mimezi, tzv. *das epische Theater* poskytovalo novátorskou techniku, kdy vciťování se diváka do divadelních postav se nahradilo ozvláštňením.

Svou koncepcí ozvláštňujícího efektu B. Brecht rozvinul rovněž ve stati *Pouliční scéna*⁸, v níž definoval základní model scény epického divadla. Na příkladu události, kdy jistý svědek dopravní nehody líčí (ex post) davu kolemjdoucích, jak k nehodě došlo, zobrazil Brecht model nejprimitivnějšího epického divadla. Podstatné je, že tento očitý svědek vystupuje jako demonstrátor, který předvádí chování jednotlivých účastníků a směřuje k vytvoření názorného obrazu, nikoliv k plné imitaci všeho. Demonstrující musí v aktu zobrazení podstoupit jisté odtržení sebe sama od demonstrované osoby. Proto obdobně jako demonstrovaný výjev ani divadlo nic nepředstírá a dává explicitně najevo, že je divadlem. Z uvedeného vyplývá již zmiňovaná podmínka pro fungování epického divadla, a to odstranění iluze, která je velmi typická pro běžné divadlo. B. Brecht přitom klade důraz na praktický společenský význam divadla, jež umožní divákovi tvořit vlastní úsudky, případně kritizovat demonstrovanou událost. Zásada odcizení, tedy cílené oddělení znaků demonstrátora a demonstrovaného, a princip sociálního hlediska vytváří podklad pro vznik „efektu Z“. Tohoto zcizujícího efektu herec většinou dosahuje, pokud „zcizuje malou, dílí událost, vyzdvihuje ji v její důležitosti, znevšedňuje ji“ (Brecht, 1958, s. 57).

Z uvedeného je zřejmá odlišnost a zároveň jakási blízkost koncepcí ozvláštňení V. Šklovského a B. Brechta. Je zřejmé, že oba autoři hovoří o potřebě vidět věci novým pohledem, každý ji však reprezentuje vlastním způsobem. Šklovskij dokládá nezbytnost této metody na základě analýzy próz Lva Tolstého⁹. Přitom však poznamenává, že „metoda ozvláštňení není speciálně tolstojovská, <...> ozvláštňení je všude tam, kde je obraz“ (Šklovskij, 2003, s. 18), a tak shledává prostředky ozvláštňení také v umění erotickém (líčení pohlavních orgánů a intimních scén) či v motivech hádanek. Stejně tak i Brecht tvrdí, že ozvláštňení není vlastní pouze čínskému divadlu, jeho prvky se objevují rovněž na německých jevištích.

Zajímavý aspekt předložil Hans Hunter, který postihl další odlišnost pozic Šklovského a Brechta. Nahlíží na jejich koncepty ozvláštňení z hlediska Bachtinovy teorie dialogičnosti a prohlašuje, že Šklovskij ve svém postoji k této problematice vystupuje spíše monologicky, zatímco Brecht dialogicky. Vysvětluje své přesvědčení tím, že myšlení Šklovského definitivně směřuje k odtržení básnické a prozaické funkce jazyka, což ovlivňuje určitý způsob vnímání skutečnosti. Monologický rys autor rovněž odůvodňuje tím, že Šklovského deautomatizace je cílená na vystřídání starých forem novými; staré je kladeno proti novému, chybí však mezi nimi dialog. Brecht na druhou stranu uvádí prvky dialogičnosti, což se projevuje na různých stupních – jako dialog herce s hlasem a gesty zobrazované postavy, jako dialog dramatických a prozaických žánrů, jako dialog mezi každodenní zkušeností a efektem ozvláštňení. „Шкловский подчеркивает отличие художественного текста от языка и мироощущения обыденности, а Брехт стремится к активному взаимодействию искусства и повседневной жизни“ (Гюнтер, 2009, с. 61).

Objevenou dialogickou povahu epického divadla Brechta však Hunter místy vidí v rozporu s jeho často se opakující tendencí k didaktičnosti. Ve snaze vytvořit vlastní typ

⁸ Stať *Die Straßenszene als Modell für episches Theater* byla napsána v roce 1940 (někdy uváděno 1938) a první publikace se dočkala o deset let později v 10. svazku řady *Versuche*.

⁹ Např. v *Cholstoměru*, kde jsou věci vnímány z pohledu koně, či ve *Vojně a míru* při popisu salonu a divadel.

naivity (jakési simulování nechápajícího s cílem vyvolat prosté porozumění u diváků) Brecht často tíhl k poučnosti. S tímto směrlým názorem lze jen souhlasit, jelikož k tomu dramatik otevřeně vybízí v *Pouliční scéně*¹⁰.

Nehledě na svéráznost vzniku podstaty ozvláštňení, neméně zajímavé jsou i hypotézy o autentičnosti tohoto pojmu. Ilona Světlíková ve své monografii *Prameny ruského formalismu* uvádí zajímavý fakt o tom, že už Roman Jakobson považoval za tvůrce termínu *ozvláštňení* Osipa Brika.¹¹ Dále se autorka obrací rovněž k práci Percy Bysshe Shelleyho *Obrana básnictví* (1821). Již v této knize totiž Shelley tvrdil, že poezie nutí známé předměty navenek se jevit jako neznámé a úkol básníka tkví v obnovení asociací. Tím, že umělec umí vytvářet nové asociace, se podle všeho přibližuje ke smyslu metody ozvláštňení.¹²

I. Světlíková také dává do souvislostí *ozvláštňení* s principem disociace. Je totiž přesvědčená, že psychologie sehrála důležitou úlohu v tvorbě formalistických koncepcí, což dříve bylo přísně odmítáno. Tato do značné míry kontroverzní pozice však má pro nás významné odhalení. Autorka vychází z teorie francouzského psychologa T. Ribota¹³, který definoval základní podmínku pro uskutečnění aktu tvůrčí činnosti, a to nezbytnost procesu štěpení asociací: „Творчество <...> предполагает предварительное уничтожение неразрушимых ассоциаций. С помощью диссоциации образы и их сочетания измельчаются, раздробляются, разбиваются, но тем способнее они становятся служить материалами для изобретателя“ (Светликова, 2005, с. 84).

E. Trubecková kromě výše zmíněného vyjmenovává řadu filologů, kteří poukázali na jiné možné vlivy. Jedná se například o G. Tuřčinského (souvislost s německým spisovatelem Novalisem) nebo J. Levčenko (příbuznost s filozofickými koncepcemi Bergsona a Shopenhauera). (Трубецкова, 2012, с. 40)

Na obzvláště specifické pojitko mezi Šklovského ozvláštňením a Husserlovým tzv. *návratem k „věcem samým“* poukázala Jelena Sobolevská. Upozornila na to, že Edmund Husserl v rámci své fenomenologické metody hovořil o nutnosti zaujmout takové stanovisko, ve kterém získáme možnost identifikovat a následně od věcí samých odlišit všechny předsudky či předpoklady, jež jinak do naší zkušenosti vstupují. Snaha zbavit se veškerých předsudků přitom vede k transcendentální redukci, která vyžaduje „rozštěpení já, v němž se nad naivně zainteresované já staví já fenomenologické jako nezainteresovaný divák ... s jediným zbývajícím zájmem, vidět a adekvátně popisovat. Toto transcendentální já umožňuje odhlížet od přirozeného já a uchovat tak jednotlivé fenomény jako takové“ (Benda, 2008, s. 4). Právě tento „očistěný“ postoj umožňuje proniknout „k věcem samým“. Šklovskij tuto koncepcí interpretoval z vlastního hlediska – říkal, že proces automatizace každodenního vnímání světa se projevuje i ve vztahu k *samotnému slovu*, které vnímáme jen jako jakýsi prostředek ukazování na předmět. Právě proto, aby čtenář spatřil skutečnou esenci slova ve

¹⁰ „Ve skutečnosti je epické divadlo velice umělecká záležitost, od níž si lze sotva odmyslit umělce a artismus, fantazii, humor, soucit – bez nich a ještě bez mnoha dalších věcí by nemohlo existovat. Má být zábavné, má být poučné“ (Brecht, 1958, s. 58).

¹¹ O. Brikovi prý mimo jiné vděčíme za zavedení celé plejády literárněvědných pojmů, které dnes běžně používáme (zvukовой повтор, словораздел). (Светликова, 2005, с. 72, 73)

¹² Při bližším studiu statě *A Defence of Poetry* vskutku zjistíme významné souvislosti s koncepcí *остранения*: „<...> if no new poets should arise to create afresh the associations which have been thus disorganized, language will be dead to all the nobler purposes of human intercourse“ (Shelley, 1904, s. 2).

¹³ Théodule Ribot – práce *Essai sur l'imagination créatrice* (1900)

vší její různorodosti, básník podstoupí určitou fenomenologickou redukci tím, že mine svět cizích slov a z hlediska očištěného od empirického vědění nazírá slovo jako samobytný fenomén. Umělec směřuje ke smrti empirického já jako k počátku, kde mizí (se redukuje) obvyklý, vžitý řád věcí, a proto se následně věci ukazují v jejich čisté podobě.¹⁴

Filozofické vlivy lze rovněž sledovat i v souvislosti s Brechtovým pojmem Verfremdungseffekt. Jedná se především o významné působení Hegelovy teorie *spirály poznání*. Dialektický pohyb probíhající ve třech fázích Brecht totiž usouvztažnil ve stanovení vlastních koncepcí epického divadla, a to tak, že tezi pojmul jako první, obvyklý dojem, antitezi přirovnal k ozvláštnění a syntezu spojil s divákovou myšlenkou. Tato teorie je však v dostupné odborné literatuře málo rozvinutá, proto zde ponecháme prostor pro případné budoucí bádání.

Použitá literatura:

- BENDA, Jan. Fenomenologická redukce a meditace satipatthána-vipassaná. [online]. 2008 [cit. 2013-05-26]. Dostupné z: <http://www.psychoterapeut.net/downloads/benda2008b.pdf>
- BRECHT, Bertolt. *Myšlenky: výbor statí*. 1. vyd. Praha: Československý spisovatel, 1958, 165 s. Otázky a názory, Sv. 7.
- SHELLEY, Percy Bysshe. A Defence of Poetry. *English Essays: Sidney to Macaulay* [online]. The Harvard Classics, 1909 – 14 [cit. 2013-05-26]. Dostupné z: <http://www.saylor.org/site/wp-content/uploads/2011/01/A-Defense-of-Poetry.pdf>
- ŠKLOVSKIJ, Viktor Borisovič. *Teorie prózy*. 3. vyd., v nakl. Akropolis 1. Praha: Akropolis, 2003, 287 s. ISBN 80-730-4026-3.
- ПЮНТЕР, Ганс. Остранение – Брехт и Шкловский. In: *Русская литература. Историко-литературный журнал*. Санкт-Петербург: Наука, 2009, s. 59-66. ISSN 0131-6095.
- СВЕТЛИКОВА, И. Ю. *Истоки русского формализма: Традиция психологизма и формальная школа*. Москва: Новое литературное обозрение, 2005, 176 s. ISBN 58-679-3374-1.
- СОБОЛЕВСКАЯ, Елена. Искусство и феноменология: точки пересечений. In: *Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології: Німецька феноменологічна традиція у філософії, гуманітаристиці та культурі*. 14. vyd. Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2009, s. 68-76.
- ТРУБЕЦКОВА, Е. Г. Новое зрение: визуальные коды русского формализма. *Известия Саратовского университета: Филология. Журналистика*. т. 12, вып. 3, 2012.
- ШКЛОВСКИЙ, Виктор. Воскрешение слова. In: ШКЛОВСКИЙ, Виктор. *Гамбургский счет: статьи, воспоминания, эссе, 1914-1933*. Москва: Советский писатель, 1990, s. 36-42. ISBN 52-650-0951-5.

¹⁴ „Художник устремляется от так называемой реальности к реальности истинной. Побывав в сфере истинной реальности, ощутив чистые смыслы вещей, он нисходит в реальность низшего порядка, дабы в чувственном образе запечатлеть увиденное и тем самым оставить нам путь к миру сущностей“ (Соболевская, 2009, с. 74, 75).

- ШКЛОВСКИЙ, Виктор. Искусство, как прием. In: ШКЛОВСКИЙ, Виктор. *О теории прозы*. Москва: Федерация, 1929, s. 7-23.
- ШКЛОВСКИЙ, В. Б. *Тетива. О несходстве сходного: Избранное в 2х томах. Том 2*. Москва: Художественная литература, 1983, с. 4-306. Dostupné z: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/tetiva.htm>

Mgr. Olga Melniková

Filosofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze, Ústav východoevropských studií

Nám. Jana Palacha 2, Praha 1, 116 38

olalinka@centrum.cz

Autorka se zabývá studiem slovanských literatur. Specializuje se zejména na zkoumání ruské a ukrajinské prózy počátku XX. století.

Reflexe přístupu k mužské homosexualitě a k jejímu zobrazování v ruské literatuře vzhledem k vývoji ruské a sovětské společnosti ve 20. století

Jaroslav Sommer

Abstract: The article shows the transformations that the depiction male homosexuality in Russian literature of the 20th century underwent. The key literary works and authors of Russian Queer literature are, in terms of the defined topic, placed in context with those authors who dealt with homosexuality in their works only marginally, but whose works still influenced or may have influenced a reader's image towards homosexuality. The individual works of literature reflect the specific historic, cultural and social conditions in the Soviet Union and Russia that found it's reflection in literature.

Key words: Russian literature – 20th century, Queer literature, homosexuality

Téma příspěvku je poměrně rozsáhlé a závislé na tom, jací autoři, jaká díla do něj budou zařazeni. Aby bylo možné sledovat kontinuitu ve vývoji daného tématu, zůjme zorné pole příspěvku výhradně na mužskou homosexualitu.

Především se zaměříme na spisovatele, kteří žili a tvořili přímo v Rusku a v Sovětském svazu. Učiníme tak zejména proto, že jejich možnosti ovlivňovat náhled čtenářů na homosexualitu byly v porovnání s emigrací výraznější. Stejně tak těmito autory prezentované představy jsou více svázány s domácími podmínkami a předpokládají i takového čtenáře.

Výrazný vliv měli na pojetí homosexuality v ruské literatuře autoři-emigranti zvláště od počátku 90. let. Vzhledem k tomu, že jejich tvorba vznikala v uvolněnějších podmínkách, prošlo si i téma homosexuality v jejich dílech pozvolnějším vývojem. Oproti tomu na území Sovětského svazu a Ruska vše probíhalo nárazově, a pak zrychleně a extrémněji právě v 90. letech.

Téma homosexuality do ruské literatury přináší **Michail Kuzmin** v roce 1906. Jeho román *Крылья* je odrazem doby svého vzniku, kdy v uměleckých kruzích byla homosexualita, nebo spíše homosexuální stylizace, módní záležitostí. Kuzmin se ji snaží před čtenářem obhájit, přesvědčit ho, že na tom není nic špatného. Patrné je směřování k zařazení homosexuality pod pojetí lásky jako takové, Kuzmin chce, aby čtenář přijal za své, že i to je jen jedna z variant, na nichž mohou být vztahy mezi lidmi založeny (a dle jeho názoru „čistší“, upřímnější, než klasický vztah mezi mužem a ženou). Už jen autorova potřeba dostat čtenáře na svou stranu ukazuje, že společenské poměry něčemu takovému moc nepřály. Není bez zajímavosti, že, i když neúspěšně, se za zrušení zákona proti homosexualitě v té době staví i právník Vladimir Nabokov, otec budoucího slavného spisovatele. Avšak fakt, že román byl vydán, svědčí o tom, že atmosféra byla rozhodně vstřícnější, než po většinu 20. století.

K roku 1912 se váže román *Юность*, který Nikolaj Leontjev označuje za první ruský „роман о геях“¹. Román má napsal tehdy jedenadvacetiletý **Rurik Ivněv** a bude pravděpodobně prvním, kdo se odpoutal od Kuzminových jinotajů a nedořečených vět a vytvořil plastický obraz mladého homosexuála v předrevolučním Rusku. Autor je ke čtenáři upřímný, nesnaží se nic zatajit a nebojí se ani popisovat sadistické praktiky náboženských sekt nebo dokonce převlékat hrdinu do dámských šatů. Próza ve své době natolik posouvala hranice publikovatelného, že do tisku jít nemohla. Poprvé byla vydána až v roce 2011, kdy už obsah románu jen těžko někoho šokuje. Ovšem až do devadesátých let lze Ivněvovo dílo, bereme-li v potaz literaturu vznikající na území Ruska, pokládat za jedno z nejobdivnějších.

Alexandr Kuprin v roce 1915 dokončuje novelu *Яма* (Яма). Naturalisticky zobrazené prostředí nevěstince přímo vybízí k využití také homosexuálního motivu. Ten je zmiňován v souvislosti se zákazníky i s pracovníky vykřičeného domu. Více se Kuprin rozepisuje v pasáži, v níž zaznamenává dospívání jednoho mladíka v internátní škole: *Ovšem – za těch dávných časů, o něž tu jde, bývaly uzavřené ústavy, mužské penziony, instituty a kasárna jakýmisi pařeníšti pohlavních rozkoší bez žen.*

... Ted' je tomu jinak, ale tenkrát byli chlapci odkázáni sami na sebe. Sotva odtrženi – řečeno obrazně – od prsů matek, od péče věrných chův, připraveni o ranní a večerní pohlazení, tiché a sladké, toužili po polibcích, laskavých dotycích a přátelském slově, i když by si to nikdy nepřiznali a styděli se navenek každé něžnosti a zženštilosti.

*Touha po rodinném laskání, po pohlazení matky, sestry či chůvy, od nichž byli tak hrubě a násilně odstrčeni, se mezi těmito hošíky obrátila v ohavné formy důvěrnosti, podobně jako v ženských ústavech mezi dívkami.*²

Kuprin popisuje, jakým způsobem se mohou vytvářet nestandardní vztahy v nekoedukovaném prostředí výchovných zařízení, ale naznačuje, že podobná hrozba se pojí vlastně se všemi kolektivy uzavřenými druhému pohlaví. Takového náhledu se posléze drží i oficiální, a nejen oficiální, sovětská literární tvorba, která, pokud už homosexualitu zobrazuje, vybírá si k tomu právě prostředí bez žen a homosexualitu vnímá jako jeho produkt.

Podobně se k tomu staví i **Andrej Platonov** v románu *Чевенгур* (Чевенгур), když nechává čevengurce, samé muže, po nějakou dobu strádat nepřítomností žen: *Starší bolševik Žejev, který ztloustl díky občanské válce, přistoupil až těsně ke kočárku a políbil Prokofije na okoralé rty.*

*„Prošo, a nezapomeň sehnat taky ženský, třeba i žebračky,“ řekl. „Ženský tu potřebujem, kamaráde, kvůlivá mazlení, dyť sám vidíš, že jsem ti musel dát hubičku.“*³ Prokofij ženy opravdu přivádí a naprostá většina mužů okamžitě zapomíná na podobné projevy náklonnosti vůči svým soudruhům.

V roce 1928 se chystá premiéra nové hry **Nikolaje Erdmana Sebevrah (Самоубийца)**. Autor si vtipně pohrává s homosexuálním motivem v části, kde Jegoruška oznamuje, že se stal spisovatelem: *Мария Лукьяновна. Ну, раз стали писателем, значит, влюбились. Значит, муза у вас появилась, Егорушка. Егорушка. Сознаюсь, появилась, Мария Лукьяновна. Мария Лукьяновна. Кто же, кто же она? Как же звать-то,*

¹ ЛЕОНТЬЕВ, Николай. *О Рюрике Ивневe и его романах*. In: ИВНЕВ, Рюрик. *Герой романа*. Санкт-Петербург: Полиграф, 2011, с. 6. ISBN 978-5-91868-002-5.

² КУПРИН, Александр. *Яма*. 1. vyd. Praha: Svět sovětů, 1968, s. 155-156.

³ ПЛАТОНОВ, Андрей. *Чевенгур*. 1. vyd. Praha: Argo, 1995, s. 275. ISBN 80-85794-81-0.

*Егорушка? Егорушка. Музу? Мария Лукьяновна. Да. Егорушка. Александр Петрович Калабушкин. Серафима Ильинична. Здравствуйте. Очумел. Егорушка. Сознаюсь, очумел, Серафима Ильинична. Отродясь я писателем быть не готовился, но как только увидел его – конец. До того он меня вдохновляет, Мария Лукьяновна, что рука прямо в ручку сама вгрызается и все пишет, все пишет, все пишет, все пишет. Серафима Ильинична. Чем же он вдохновляет тебя, Егорушка? Егорушка. Эротизмом своим, Серафима Ильинична. Я в газету об этом написал. Мария Лукьяновна. Что же вы написали такое, Егорушка?*⁴ Samozřejmě, vzápětí se ukáže, že Jegoruška „pouze“ obviňuje Kalabuškina z přemíry milostných pletek.

Až v šedesátých letech se ke čtenářům dostalo Bulgakovovo zpracování osudů dramatika Molièra z roku 1933. **Michail Bulgakov** zde s lehkou ironií nepíše více než zdánlivě nevinnou poznámku týkající se Filipa Orleánského, bratra Ludvíka XIV.: *Filip podle bratrova vzoru při pohledu na ženy mechanicky smekne klobouk s péry a naslouchá. Vidí jakési ženy a zjišťuje, že jsou bledé a pramálo ho zajímají. Pak zahlédne muže a nasadí si klobouk.*⁵ Teprve biografie homosexuálního Filipa Orleánského dodává této zmínce ten správný rozměr.

Oficiální stanovisko sovětské moci k mužské homosexualitě bylo v právu vyjádřeno článkem trestního zákona č. 121 z roku 1934. Ten ji považoval za něco nepatřičného, nepřirozeného a sovětskému člověku tedy cizího. Brzy se zjistilo, že dokazovat skutkovou podstatu takového provinění není jednoduché, ovšem pokud bylo třeba někoho společensky dehonestovat a vlastně ho ze společnosti vyloučit, bylo k tomu obvinění podle článku č. 121 ideální.⁶ Do sovětské společnosti nemůže patřit, nemůže do ní být zařazen někdo, kdo má něco společného s homosexualitou. Tudíž v sovětské společnosti ani žádná homosexualita není.

Literatura takový stav může zachytit až mnohem později, a to ještě ve své neoficiální sféře. Vyjadřuje se k tomu **Venedikt Jerofejev** ve svém kultovním románu Moskva – Petušky (Москва – Петушки): *K tomu musím poznamenat, že homosexualita se v naší zemi přežila sice definitivně, avšak ne docela. Tedy vlastně docela, jenže ne úplně. Nebo vlastně spíš docela úplně, ovšem ne definitivně. Vždyť na co teď ta cestující veřejnost myslí? Jen a jen na homosexualitu.*⁷ Jerofejev tak popisuje nejen pravidlo týkající se homosexuality, ale vlastně i cenzurované literatury – to, že neexistuje oficiálně, ještě neznamená, že je vymýcena úplně, docela a definitivně.

V devadesátých letech je také poprvé vydáno dílo **Jevgenije Charitonova** (1940 – 1981). Objev Charitonova se brzy ukazuje jako zásadní pro další vývoj celé ruské queer literatury. Autoři konce 20. a počátku 21. století se hlásí k jeho odkazu a navazují na něj. Charitonov, podobně jako Jerofejev, popisuje vztah homosexuality k moci, ke společnosti a k umění v období, kdy byl v platnosti článek č. 121: *Видите ли, вы же сами понимаете, что мы согласны закрыть глаза и закрываем на подобные действия, когда они*

⁴ ЭРДМАН, Николай. *Самоубийца: Пьесы. Интермедии. Переписка с А. Степановой*. Екатеринбург: У-Фактория, 2000, с. 147. ISBN 5-94176-015-9.

⁵ BULGAKOV, Michail. *Život pana Molièra*. Praha: Lidové nakladatelství, 1990, s. 69. ISBN 80-702-2081-3.

⁶ КОН, Игорь. *Клубничка на берёзке: Сексуальная культура в России*. 3-е изд. Москва: Время, 2010, 608 с. ISBN 987-5-9691-0554-6.

⁷ JEROFEJEV, Venědikt. *Moskva – Petušky: poema*. 1. vyd. Praha: Argo, 2012, s. 102. ISBN 978-802-5706-978.

делаются тихо, если они прикриты всякими отвлекающими словами. Если, например, это прикрито искусством; народу объясняется что пьеса показывает расизм за рубежом; для себя пусть белый умирающий юноша страдает по негру как и у Лим. – но для людей в doprovodит. слове должно объясняться только так, что это расизм...
... Но если открыто дать волю, и всем, и называть это как есть, тогда что же будет с мировоззрением как это всё в него войдёт. ...И никому открыто со страниц прессы мы не позволим упominat' o takého рода жизни u нас. Её у нас нет. У нас есть, может быть, всё, но на бумаге этого, запомните, нет, иначе мы вынуждены привлечь вас к уголовной ответственности.⁸

Ignorování homosexuality její neexistenci nezaručí. Oficiální literatura tak zkouší z homosexuality vytvářet nepřítele z kategorie nejdopornějších – nepřítele ve vlastních řadách, zrádce, člověka, který je schopný tím, jaký je, narušit celou společnost. Takový motiv se čtenáři naskytá v tvorbě, která je svázána s válečným tématem.

Konstantin Paustovskij v povídce z roku 1932 Jezerní fronta (Озерный фронт) sice neútočí výslovně na homosexualitu, ale jako terč mu slouží jistá míra zženštilosti a, jak bychom dnes řekli, metrosexuality – obojí je samozřejmě přivlečeno ze západu: *Vlastnoručně si přistříhoval knír po anglicku. V jeho kajutě to páchlo pitralonem jako v kadeřnictví. Na stěnách se vějířovitě rozkládaly pohlednice zlatovlásek s růžovými nosíky a očima zelné⁹ barvy. S námořníky mluvil lichotivým tónem, ale málo. Posádka ho neměla ráda a říkala mu „pasažér“.*

„Ten by měl háčkovat kraječky a ne se plavit na lodi,“ zabručel Trenér a oblékl si plášť.¹⁰

Po delší odmlce se tak homosexualita, či alespoň některé její stereotypní projevy, do vydávané literatury vrací, i když dosti nesměle, a navíc jako čistě negativní jev. Ještě poměrně mírný je **Michail Šolochov**, který v próze Osud člověka (Судьба человека) přichází s tím, že někteří pánové by se neměli plést do záležitostí pro „opravdové“ muže: *Proto jsi chlap, proto jsi voják, abys všechno přetrpěl, všechno snesl a vydržel, když to musí být. A když jsi víc baba než chlap, tak si navlíkni faldatou sukni, abys zakryl svůj hubený zadek něčím nadělanějším, abys aspoň zezadu vypadal jako ženská, a běž jednotlivit řepu nebo dojít krávy, ale na frontě nezacláněj, tam je i bez tebe smradu dost!¹¹*

V próze Dva ve stepi (Двое в степи) **Emmanuila Kazakeviče** nalezneme jen jemný náznak, který můžeme vnímat jako narážku na homosexualitu. Příklad v sobě nemá tolik razance, jako předchozí, ovšem o to více může být signifikantní pro pochopení toho, jak lidé náklonnost mezi muži hodnotili: *Jednou byl určen ještě s jedním vojákem na hlídku Ogarkov. Džurabajev se místo dlouhého vysvětlování sebral a šel prostě za nimi... Vojáci si zvykli vidět Džurabajeva a Ogarkova stále pohromadě a někdy si dělali legraci z toho něžného přátelství,*

⁸ ХАРИТОНОВ, Евгений. Слёзы об убитом и задушенном. In: ХАРИТОНОВ, Евгений. Под домашним арестом: собрание произведений. 2-е изд. Москва: Глагол, 2005, с. 228-229. ISBN 58-753-2005-2.

⁹ Zachován tvar uvedený v citovaném zdroji.

¹⁰ ПАУСТОВСКИИ, Константин. Jezerní fronta. In: Šanda, Jaroslav, ed. Deset ruských novel 20. století: Gorkij, Kuprin, Serafimovič, A. Tolstoj, Paustovskij, Fedin, Ivanov, Leonov, Šolochov, Těndrjakov. 1. vyd. Praha: Československý spisovatel, 1961, s. 172.

¹¹ ŠOLOCHOV, Michail. Osud člověka. In: Čížková, Marta, ed. 20 příběhů: výběr ze sovětské válečné a poválečné prózy. 1. vyd. Praha: Lidové nakladatelství, 1985, s. 206.

až *Ogarkovova růžová tvář rudla studem*.¹² Podezření, byť by mělo být myšleno v žertu, vyvolává v „obviněných“ viditelnou reakci. Jakýkoliv náznak citové vazby mezi dvěma muži je vnímán jako něco zostuzujícího.

Radikální proměna ve vojenské tematice přichází až v polovině 90. let, kdy vydává **Vladimir Makanin** svou povídku *Кавказский пленный*. Čtenáři je představen coby literární hrdina ruský voják Rubachin, který je esencí snad všech mužských a mužných vlastností. Přesto ho začne nečekaně silně přitahovat jeho mladý čečenský zajatec. Povídka tak nabourává a zpochybňuje hned několik zažitých předsudků, které si literatura i ruská společnost za 20. století vytvořila. Homosexualita v Makaninově pojetí neznamena zženštilost, neznamena slabost, nenarušuje vztahy mezi vojáky a neohrožuje plnění jejich povinnosti vůči vlasti.

Postupně se obraz homosexuality mění i v další klasice mezi gay stereotypy – v literatuře z vězeňského prostředí. V sovětských realitách tento fenomén získává ještě jeden rozměr navíc díky tomu, že se literární hrdinové nedostávají do klasických vězeňských zařízení, ale do gulagů. **Varlam Šalamov** v *Kolymských povídkách* (Колымские рассказы) na tuto problematiku naráží v části nazvané *Tyfová karanténa* (Тифозный карантин). Šalamov nekritizuje homosexuální praktiky kvůli nim samým, ale hlavně proto, že k vězeňské homosexualitě pojí úpadek morálních hodnot společnosti: *Zloděje obklopoval dav otroků a lokajů... Jsou v tomhle prostředí i dvorní holiči s flakónky voňavek a navíc celá tlupa posluhů ochotných k čemukoli za kůrčičku chleba nebo za misku polívky*.¹³ Šalamov je také jedním z mála autorů, kteří se nebojí tento jev popsat naplno, bez nějakých jinotajů: *Na dekách a polštářích se roztahovali pohlaváři – nebo spíš ti, kdo byli v tuto chvíli něco jako pohlaváři. A ještě výš, na třetích palandách, kde byla tma, ležely další deky a polštář – tam zatahovali všelijaké zženštilé mladé zlodějíčky, a nejenom zlodějíčky. Málem každý zloděj byl pederast*.¹⁴

Posun ve vězeňské tematice shledáváme v tvorbě **Gennadij Trifonov**. V románu *Сетка* nám předkládá příběh, v němž nápravně-pracovní tábor stále zůstává specifickým prostředím podporujícím vznik homosexuálních vztahů podobného typu, jaké popisuje Šalamov. Trifonov však nevidí v gulagu pouze uzavřený prostor, kde je jedinec okolnostmi a okolím donucen k homosexuálnímu chování. Pro hrdinu románu není vězení místem, kde by se stával gayem, či jeho obětí, pouze se u něj projeví ta stránka jeho osobnosti, již si do té doby neuvědomoval: *Я чувствовал, что уже не могу спокойно смотреть на обнаженное тело Сергея. Во мне происходило что-то новое, прежде мною ни разу не испытанное, и это новое тянуло меня к Сергею не душой, нет, но всем моим физическим существом и существованием. Мне нужны были, мне остро требовались его нежность, его сила, его взгляд, дыхание, его близость. И что я мог поделать с самим собой!*¹⁵

90. léta jsou pro Rusko obdobím změn, extrémů, zvykání si na tyto změny a pozvolného uklidňování situace. Literatura je na tom vzhledem k homosexuální tematice podobně, na čemž se podepisuje i zrušení článku č. 121. Na pultech některých knihkupectví se tak objevují nejen již zmínění autoři – v čele s Kuzminem, Trifonovem a Charitonovem, – ale

¹² КАЗАКЕВИЧ, Emmanuil. *Dva ve stepi*. 1. vyd. Praha: SNKLU, 1964, s. 43.

¹³ ШАЛАМОВ, Varlam. *Kolymské povídky*. 1. vyd. Praha: Mladá fronta, 1995, s. 120-121. ISBN 80-204-0516-X.

¹⁴ Tamtéž, s. 120.

¹⁵ ТРИФОНОВ, Геннадий. *Сетка. Лева. Роман, повесть*. Москва: Квир, 2006, с. 52. ISBN 5-91108-003-6.

také ruská emigrace, která výrazně ovlivňuje domácí queer tvorbu. Zde je třeba jmenovat především Vladimira Nabokova a Eduarda Limonova.

Vladimir Nabokov se tématu homosexuality ve svých dílech nijak nevyhýbal, naopak jej využíval velmi často – a už v jeho prvním románu, v *Mášeňce*, má nezastupitelné místo. Nabokov neváhá čtenáři předvést snad všechny základní stereotypy, které se k homosexuálům vztahují, to celé s cílem vytvořit kontrast k mužnosti hlavního hrdiny. Nadhled i lehký výsměch, který lze zaznamenat u Bulgakova a Erdmana, zde získává jasné obrysy a syté barvy. Hlavním rysem homosexuálních postav tohoto období Nabokovovy tvorby je zženštilost. Do větší konfrontace s homosexuálním motivem se Nabokov pouští také v próze *Соглядатай*, vydané později v přepracované anglické verzi pod názvem *Oko* (*The Eye*). Autor předkládá svou variantu, svou představu o původu homosexuálních vztahů – a pouští se tak do polemiky s *Крыльями* Michaila Kuzmina.

Silně ovlivněn tvorbou Vladimira Nabokova, ale také dalšími díly ruských i světových klasiků queer literatury, je román **Dmitrije Bušujeva** *На кого похож Арлекин* vydaný v roce 1997. Hlavní hrdina, mladý učitel, s ohledem na ruské homofobní prostředí – z obavy o ztrátu zaměstnání, raději skrývá svou homosexualitu. Ovšem ve chvíli, kdy se zamilovává do jednoho ze svých nezletilých žáků a navazuje s ním poměr, nezbyvá mu, než se připravit na konflikt se společností. Ten vyvrcholí odchodem hlavního hrdiny z Ruska poté, co jeho mladistvý milenec umírá při přestřelce se strážci veřejného pořádku.

První ruské vydání románu **Eduarda Limonova** *То jsem já, Edáček* (*Это я, Эдичка*) předcházela pověst skandálnosti. Dokladem toho je i narážka ve výše citovaném úryvku z prózy Jevgenije Charitonova. Přípravy k prvnímu vydání románu na území tehdy ještě Sovětského svazu, navíc v době platnosti článku č. 121, se pozdržely ve chvíli, kdy zaměstnanci tiskárny odmítli vytisknout tak pohoršující text právě kvůli popisům homosexuálních styků. Zakázané ovoce tím však pouze získává další reklamu.

Literatura se snaží rozvíjet ty tendence, které byly potlačovány, a těží z toho, že tím může ruskou společnost šokovat a uvádět do rozpaků. Na to však už autorům nestačí „jen“ zasadit homosexuální motiv do své tvorby – aby kniha někam posouvala hranice, a k tomu měla i komerční úspěch, musí být, jak ukázal Limonov, skandální. Tady se nabízí prostor pro romány **Vladimira Sorokina** – v první řadě je to próza *Голубое сало* – a později také pro **Andreje Gončarova** a jeho román *Дневной красавец* – oba autoři doplňují téma homosexuality značnou dávkou sadismu a dovádějí svá díla až do dosti extrémních poloh.

Gončarov ve svém románu s každou další scénou zvyšuje míru brutality, jako by zkoušel, co ještě čtenář i papír vydrží. Finále románu, naturalistický popis nekrofilní orgie, nenechává prostor pochybnostem o tom, že právě na Limonovem lokalizovaném a Sorokinem pečlivě zoraném poli, vyrůstá Gončarovova próza. Limonov je předchůdcem obou ve snaze šokovat společnost. Sorokin je pak pro Andreje Gončarova zásadním a silným inspiračním zdrojem, o čemž svědčí nejen obsah Gončarovových děl, ale i jejich forma, přístup k realitě a k umění samotnému.

Představu o tomto směru v tvorbě s homosexuální tematikou může poskytnout pasáž ze zmiňovaného románu *Дневной красавец*: *Павел уже сидит, привязанный к стулу. Сказать он ничего не может – рот заклеен чёрным пластырем. Только глаза с восхищением следят за Андреем.*

Тебе придется помучиться, Пашенька, ведь ты это заслужил, – тихо говорит Андрей и отходит к столику.

На столике лежит раскрытая опасная бритва, моток верёвки, свеча, коробок спичек, флакон спирта и много ваты. ...

Андрей срывает пластырь. Павел кричит от боли, изо рта стекает вязкая слюна с кровью, потом он кашляет, задыхаясь от приступов. ...

Андрей наклоняется к Павлу, приближает свое лицо и впивается ртом в его губы. Павел стонет и дёргается телом.¹⁶

Jisté uklidnění situace, a dost možná také přesycení společnosti, můžeme sledovat od samého konce 90. let a ještě výrazněji na počátku století 21., kdy autoři ve svých dílech přestávají sázet na skandálnost formální i dějovou – má-li něco šokovat, pak už ne homosexualita.

Od zrušení článku č. 121 se mění podmínky, v nichž vzniká literatura dotýkající se homosexuality. Tu již nelze dělit na oficiální a neoficiální, povolenou a zakázanou – ovšem na tomto základě se rodí dva různé směry, jinak vymezené a bez jasné hranice mezi nimi. V jednom případě téma homosexuality masově vstupuje do literatury určené většinovému čtenáři, a to jako vedlejší motiv, jako jedna z mnoha možných charakteristik vedlejších postav či společenských poměrů. Nalezneme zde vše od pozitivního přístupu k homosexualitě, přes nijak nehodnotící vřazení mezi použitelné motivy, až k pokračování kritičtějších odstínů jako součásti pranýřování celé společnosti.

Kritika potom staví, jako v případě románu **Sergeje Šargunova** *Ура!*, na představě, že homosexuální muži ohrožují společnost tím, že se ve svých choutkách často soustředí na „lehkou“ kořist v podobě nezkušených mladíků, ba chlapců, kteří se ocitli v podřízené, nebo jinak nevýhodné roli. Příkladem poslouží scéna z ordinace opilého lékaře: *Ко мне мальчика привела мамаша, я ей говорю: «Вы подождите за дверью, что он, ребенок, что ли, пятнадцать лет». Я пьяный был, плохо помню... И выходит, что потом он мамаше своей нажаловался. Она в истерике, в¹⁷ главврачу побежала... Чего они докажут? Мало ли чего мальчишка брешет? Правильно я сужу? ... Ему приятно – мне приятно... – бормотал доктор, нервно смаргивая под очками.¹⁸*

Vyrovnat se s dědictvím, které po sobě zanechal článek č. 121, se pokouší ve své próze Дом моделей také **Alexandr Kabakov**. Vypráví příběh z dob Sovětského svazu, v němž jeho přítel, módní návrhář, musí tajit svou homosexualitu. Přesto mu nakonec nezbyvá než nechat svou práci a opustit město, ve kterém žije, aby tím neohrožoval své blízké. Když se po letech vypravěč s módním návrhářem znovu setkává, situace už je jiná, ale ani tolerantnější prostředí nezabrání tomu, že se ve vypravěči ozve obava z toho, co na kontakt s homosexuálem řeknou lidé: *В прошлом году вся Москва собралась на мою юбилейную выставку. Среди гостей вернисажа ходил важный старик в ярком, почти клоунском костюме... Мы с ним никогда не видимся в обычное время, но тут кинулись друг к другу, сцепились, долго стояли так, пока мне не пришло в голову – вечная*

¹⁶ ГОНЧАРОВ, Андрей. *Дневной красавец*. Тверь: KOLONNA Publications, 2003, с. 16-19. ISBN 5-98144-013-9.

¹⁷ Zachován tvar uvedený v citovaném zdroji.

¹⁸ ШАРГУНОВ, Сергей. *УРА!*. Москва: Альпина нон-фикшн, 2012, с. 53. ISBN 978-5-91671-168-4.

трусость! – что это выглядит двусмысленно. Впрочем, объятия с Юрочкой Истоминым, маэстро русского высокого шитья, давно не компрометируют.

Прости его Господь!

Да и всех нас – если можно нас простить.¹⁹

Druhý směr současné ruské tvorby, v níž se homosexualita vyskytuje, se liší tím, že některý queer motiv se pro ni stává ústředním, nebo jedním z ústředních. Literární díla v tomto případě nemají tendenci šokovat, nebo se o to alespoň primárně nesnaží. Místo toho se pokouší jemněji a detailněji prokreslit hrdiny, čímž je, na rozdíl od extrémistů 90. let, opět přibližují čtenáři, a rozvíjejí tak – co se tohoto tématu v literatuře týče – tendence, které se objevovaly v tvorbě Michaila Kuzmina a Jevgenije Charitonova.

Použitá literatura:

- BULGAKOV, Michail. *Život pana Moliéra*. Praha: Lidové nakladatelství, 1990, 181 s. ISBN 80-702-2081-3.
- Čížková, Marta, ed. *20 příběhů: výběr ze sovětské válečné a poválečné prózy*. 1. vyd. Praha: Lidové nakladatelství, 1985, 532 s.
- JEROFEJEV, Venědikt. *Moskva – Petušky: poema*. 1. vyd. Praha: Argo, 2012, 149 s. ISBN 978-802-5706-978.
- KAZAKEVIČ, Emmanuil. *Dva ve stepi*. 1. vyd. Praha: SNKLU, 1964, 81 s.
- KUPRIN, Alexandr. *Jáma*. 1. vyd. Praha: Svět sovětů, 1968, 212 s.
- LIMONOV, Eduard. *To jsem já, Edáček*. 1. vyd. Praha: Odeon, 1994, 339 s. ISBN 80-207-0458-2.
- NABOKOV, Vladimír. *Mášeňka*. 1. vyd. Praha, Litomyšl: Paseka, 2008, 114 s. ISBN 978-80-7185-939-0.
- NABOKOV, Vladimír. *Okno*. Olomouc: Votobia, 1996, 102 s. ISBN 80-7198-119-2.
- PLATONOV, Andrej. *Čevengur*. 1. vyd. Praha: Argo, 1995, 447 s. ISBN 80-85794-81-0.
- ŠALAMOV, Varlam. *Kolymské povídky*. 1. vyd. Praha: Mladá fronta, 1995, 255 s. ISBN 80-204-0516-X.
- Šanda, Jaroslav, ed. *Deset ruských novel 20. století: Gorkij, Kuprin, Serafimovič, A. Tolstoj, Paustovskij, Fedin, Ivanov, Leonov, Šolocho, Těndrjakov*. 1. vyd. Praha: Československý spisovatel, 1961, 532 s.
- БУШУЕВ, Дмитрий. *На кого похож Арлекин*. In: [online]. [cit. 2013-04-15]. Dostupné z: http://bookz.ru/authors/dmitrii-bubuev/bushuev_dmitr01/1-bushuev_dmitr01.html
- ГОНЧАРОВ, Андрей. *Дневной красавец*. Тверь: KOLONNA Publications, 2003, 184 s. ISBN 5-98144-013-9.
- ИВНЕВ, Рюрик. *Герой романа*. Санкт-Петербург: Полиграф, 2011, 763 с. ISBN 978-5-91868-002-5.
- КАБАКОВ, Александр. *Дом моделей: повести, рассказы*. Москва: АСТ, Астрель, 2010, 347 с. ISBN 978-5-17-066289-0.

¹⁹ КАБАКОВ, Александр. *Дом моделей: повести, рассказы*. Москва: АСТ, Астрель, 2010, с. 67-68. ISBN 978-5-17-066289-0.

- КОН, Игорь. *Клубничка на берёзке: Сексуальная культура в России*. 3-е изд. Москва: Время, 2010, 608 с. ISBN 978-5-9691-0554-6.
- КУЗМИН, Михаил. *Проза и эссеистика: в трех томах. 1. Проза 1906 – 1912 гг.* Москва: Аграф, 1999, 620 с. ISBN 5-7784-0084-5.
- МАКАНИН, Владимир. *Кавказский пленный: рассказ*. In: [online]. [cit. 2013-04-15]. Dostupné z: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/1995/4/makanin.html
- СОРОКИН, Владимир. *Голубое сало*. Москва: Астрель, АСТ, Хранитель, 2008, 318 с. ISBN 978-5-17-049668-6.
- ТРИФОНОВ, Геннадий. *Сетка. Лева. Роман, повесть*. Москва: Квир, 2006, 170 с. ISBN 5-91108-003-6.
- ХАРИТОНОВ, Евгений. *Под домашним арестом: собрание произведений*. 2-е изд. Москва: Глагол, 2005, 560 с. ISBN 58-753-2005-2.
- ШАРГУНОВ, Сергей. *УРА!*. Москва: Альпина нон-фикшн, 2012, 201 с. ISBN 978-5-91671-168-4.
- ЭРДМАН, Николай. *Самоубийца: Пьесы. Интермедии. Переписка с А. Степановой*. Екатеринбург: У-Фактория, 2000, с. 147. ISBN 5-94176-015-9.

Mgr. Jaroslav Sommer
Univerzita Hradec Králové
Bezděz 128, 472 01 Doksy
2578482@seznam.cz

Autor článku je absolventem oboru Učitelství pro střední školy – dějepis a Učitelství pro střední školy – ruský jazyk na PdF Univerzity Hradec Králové. Queer problematice v ruské literatuře se věnoval v rámci své diplomové práce.